И. Н. ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

ГОРОД СОБЛАЗНОВ

Игорь Евтишенков

Римская сага. Город соблазнов

«Издательские решения»

Евтишенков И.

Римская сага. Город соблазнов / И. Евтишенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744414-3

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н. э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. д. н. э.

ISBN 978-5-44-744414-3

© Евтишенков И.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Римская сага. Город соблазнов. Том I 7
Глава Золото этрусков 8
Глава В ожидании неизвестных гостей из Рима 11
Глава Знакомство с юными арделионами 14
Глава В местной деревне 18
Глава Первая встреча с Ларнитой 20
Глава Кто такой Хого 23
Глава Нападение на лагерь легиона 26
Глава История Лация 28
Глава Любовь дикарки 32
Глава Старая колдунья и медальон 35
Глава Ночной бой с варварами 40
Глава Прибытие нового легата из Рима 44
Глава Неприятности в Тароге 51
Глава Возвращение медальона 55
Глава Страшная новость 57
Глава Судьбоносная встреча в Лукке 60
Глава Неожиданное задание 68
Глава Последний день в лагере 72
Глава Ночной разговор 75
Глава Путь в Фермену 77
Глава Зловещее предзнаменование 79
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Римская сага. Город соблазнов

Игорь Евтишенков

Редактор Марина Константиновна Космынина
Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев
Корректор Ирина Юрьевна Бралкова

© Игорь Евтишенков, 2023
© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-4414-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н. э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. д. н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва пленные попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. д. н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание о них есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Баня. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института национальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанес ещё четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает «пленники, захваченные при штурме города».

—

Римская сага. Город соблазнов. Том I

Любовь не спрашивает, когда и к кому приходить. Она безраздельно властвует в душах как молодых, так и старых жителей Римской Республики. Попав в её сети, главный герой с головой ныряет в омут страстей, однако жизнь легионеров и постоянные военные столкновения часто разъединяют его с любимой женщиной, которая не принадлежит к высшему сословию римских аристократов. Более того, судьба жестоко поступает с ним, разлучая с ней и заставляя совершать безумные поступки, за которые других уже давно постигло бы суровое наказание. Однако молодость и смелость спасают его в самых трудных ситуациях, а покровительство первых людей Республики защищает от несправедливости. Тем не менее судьба всё равно испытывает его на прочность, лишая источника дохода и надежды на будущее. А взамен дарит тайну странного медальона древних этрусков, который непонятым образом связан с прошлым его отца и потерянной любви. И ещё – с татуировкой на плече, которая выглядит так же, как изображение на талисмане. Охраняя несметные сокровища, этот круглый амулет несёт смерть всем, кто пытается забрать его у главного героя, позарившись на неразгаданную тайну золота древнего народа. Оказавшись без поддержки со стороны близких и потеряв любимую женщину, главный герой оказывается вовлечён в планы трёх самых могущественных людей этого времени – Цезаря, Помпея и Красса. Ему уготована роль простого исполнителя, однако знакомство с влиятельными людьми Римской Республики меняет его жизнь. Ему предлагают добиться воинской славы в далёкой провинции, вернуться в Рим сказочно богатым и восстановить справедливость, попранную коварными врагами, пытающимися разгадать тайну его медальона и найти золото этрусков. Главный герой отказывается, пытаясь оставаться честным и справедливым до конца, однако невероятная цепь ужасных совпадений и гибель близких ему людей подталкивают его к единственному спасительному решению, которое он так долго отвергал.

© Евтишенков И. Н., 2015
www.igoryevtishenkov.com
www.theromansaga.com

Глава Золото этрусков

Из тумана медленно выплыли силуэты двух всадников. Сидевший у костра человек вскочил на ноги и кинулся им навстречу. Не заметив свой щит, он сильно ударился о него ногой.

– Ну что, достали лошадей? – скривившись от боли, спросил он.

– Гай Цинна, ты, похоже, без нас тут скучал, да? – хрипло бросил через плечо первый всадник и устало усмехнулся.

– Публий, я задушу тебя своими руками! Ну говори! Что там? – Гай явно нервничал и постоянно оглядывался по сторонам. – Нам обязательно будут нужны лошади для перевозки золота. Брат говорил, что без них – никуда!

– Дали, дали лошадей! Только для того, чтобы получить лошадей, надо было сначала достать у жрецов вот этот медальон. Замкнутый круг, короче, – Публий Сципион устало опустился на землю и сразу сел у камня. Затем провёл ладонями по щекам. – Вода есть?

– Да, есть! На, держи! И как ты это сделал? – не унимался Гай. На его узком, болезненном лице были написаны нетерпение и страх. – Расскажи! Хоть чуть-чуть… Я так долго вас ждал…

– Марк помог. Я сам бы не додумался, – он кивнул на третьего друга, который привязывал в это время свою лошадь к столбу. Худощавый Гай нервно передёрнулся. – Ну говори! Не мучай! Я уже все караулы сто раз оббежал, такое в голову лезло!

– Не волнуйся ты так, – пробасил третий крепкий товарищ и похлопал его по плечу. Марк Сцевола был старше, спокойнее и неповоротливее. Ему немного мешал небольшой живот, который уже трудно было прятать под старый нагрудный панцирь. Он видел, что Гай Цинна сильно волнуется, и ему это нравилось. Наконец, он сказал: – Мы пообещали жрецам спасти их от смерти и привести лошадей, если они отдадут нам медальон. Они хотели сначала увидеть лошадей, на которых могли бы спастись, а потом готовы были отдать медальон. Понимаешь? Но лошади были только у варваров. Так что, надо было с ними встречаться. Ещё жрецы сказали, что отдадут медальон, если мы найдём варвара с татуировкой на плече. У него такое странное имя…

– Хого, – подсказал Публий и устало улыбнулся.

– Да, Хого. Мы добрались до кимвров[1], подарили им несколько подарков, привезли много вина и нашли этого Хого. Это их вождь. У него на плече был вот такой знак, – Марк поднял рукав туники и показал на плече татуировку в виде трёх улиток. – Мы решили, что я очень похож на варвара. Особенно, если переодеть в шкуры. Потом сделали татуировку, и, вот, как видишь, получилось. Публий тоже себе сделал… на всякий случай. Вдруг со мной что-нибудь случилось бы… Короче, пришли мы к жрецам, показали моё плечо, они подумали, что я варвар, который будет их защищать, и отдали нам медальон. Мы отвезли его варварам, те поплясали с ним немного, потом дали нам взамен лошадей, и мы вернулись за жрецами, чтобы спасти их.

– Ну и как? Что, просто так всё и прошло? Поменяли медальон на лошадей, и всё? А золото нашли? Всё нашли? – Гай дёргался и заламывал руки, как женщина.

– Да нашли, нашли, не ори ты так! – уже без улыбки прикрикнул на него широкоплечий Марк.

– Слава богам, мой брат Луций не соврал! Я думал, что всё неправда, что он всё это выдумал перед смертью. Он всё время повторял, что боится Суллы[2]. Говорил, лишь бы только он не узнал! Лишь бы не узнал…

---

[1] Кимвры, кимвры, киммеры – древнегерманское племя.

[2] Луций Корнелий Сулла – 138—78 г. до н. э. – римский полководец и государственный деятель. Победил Гая Мария в 1-ой гражданской войне и объявил его сторонников врагами. Списки врагов Суллы вывешивались на площадях и назывались

– Не паникуй ты так! Успокойся! Брат твой не соврал. Жаль, что порадоваться с нами не может. Но на его совести тоже немало невинных людей. Они с Марием[3] почти весь Сенат вырезали. Ты это помнишь? – назидательно произнёс Публий Корнелий.

– При чём тут это?

– При том! Боги тебе указывают, что не надо идти по стопам брата. Будь спокоен, не нервничай, не кричи, и дольше всех проживёшь, – назидательно сказал Марк.

– Тише ты! – взвился от страха Гай. – Услышат! Что дальше делать будем? Публий, ты что молчишь? – нервно спросил он второго друга, который лежал на камне и задумчиво смотрел на свою ладонь.

– Там много золота. Этруски не соврали. Но оно не в храме.

– Я так и знал! – стукнул себя по коленям Гай и довольно ухмыльнулся.

– Ты дашь рассказать или будешь прыгать тут, как лягушка? – грубо прикрикнул на него Марк.

– Короче, мы не убили жрецов… – выдохнул Публий Корнелий и поднял взгляд на замершего от испуга Гая. В свете полной луны его и без того узкое лицо вытянулось ещё больше, и он уже открыл рот, чтобы возмутиться, но потом выдохнул и безвольно опустился на землю. Публий похлопал его по плечу. – Не расстраивайся! Да, бывает… так вот получилось… Не смогли. Нельзя было. Поверь. Это всё, что я могу сказать. Знаю, что брат твой предупреждал тебя и говорил не верить жрецам. И Сулла приказал их всех убить, но так получилось. Они знали, что мы пришли за золотом и должны были их убить. Знали. Представляешь?

– Как же так? – пролепетал Гай. – Брат говорил, что этого никто, кроме него и Суллы не знает… Кто же им сказал?

– Не знаю, – тихим голосом произнёс Публий Корнелий. – Но сейчас это неважно. Когда я взял у жреца медальон, то не сразу отвёз его кивмрам. Мы с Марком остановились в городе, и я сделал в кузнице такой же. Потом расскажу, почему. Мы отвезли варварам поддельный медальон. Они отдали нам лошадей, и мы привели их жрецам. Те вывезли на них свои таблички из храма. Но их верховный понтифик сказал, что мы его обманули и не отдали талисман вождю кимвров. Как он догадался, не знаю. Он сказал, что тот, кто наденет этот талисман, умрёт. Обязательно. А я вернулся живым. Я, конечно, в это не верю, но как-то не по себе было. Потом мы жрецов вывели из храма и показали, куда ехать. Но они и здесь нас обхитрили. Оказывается, с нами вышли не жрецы, а их слуги. Правда, когда они узнали, что мы действительно хотим их спасти, а не убить, то вернулись за жрецами и уехали. Вот и всё.

– Как всё? А золото где? Вы его нашли?

– Публий нашёл, – пробасил Марк. – Его даже верховный жрец обнял. Вот как бывает! Расчувствовался старик, – он покряхтел и кивнул другу. – Ну расскажи! Умрёт ведь от любопытства.

– Да, жрец обнял меня… Он сказал, что я держу всё в своих руках, – продолжил Публий. – А в руках у меня был только медальон. Вот я и подумал, что надо искать то место, где есть три таких круга, – продолжая смотреть на тёмное пятно на ладони, сказал он.

– И где же ты его нашёл?

– Там же, в саду храма. Под деревьями. Там три дерева росли. А вокруг – дорожки из камней. По кругу. Под ними, оказывается, есть вход в длинный подвал. Вот там всё и лежит. Хитро, очень хитро спрятали. Без жреца не нашли бы.

– О-о… боги всемилостивые! Я так долго ждал этого часа! Когда, когда мы поедем за ним?

проскрипциями. Указанные в них люди считались врагами Рима и подлежали уничтожению.

[3] Гай Марий – ок. 157 г. до н.э. – 86 г. до н. э. – римский полководец и политический деятель. Семь раз был избран в консулы, в том числе пять раз подряд в 104—100 г. до н. э. Провёл реорганизацию римской армии. Защитил Рим от Югурты.

– Э-э, понимаешь, тут не всё так просто, – протянул Марк и почесал затылок. – Жрецов-то мы отпустили. И медальон варварам не тот отдали… Так что они сейчас ждут нас на всех дорогах.

– Подожди, – перебил его Публий, увидев, как испуганно забегали глаза несчастного Гая. – Послушай, к этрускам в храм мы сейчас не проберёмся. Там уже наверняка нас ждут кимвры. Это точно. Твой легион мог бы прикрыть нас, но что говорить гастатам[4]? Осторожней, вы грузите наше золото?

– Нет, ни за что! – горячо воскликнул Гай Цинна.

– Вот видишь… – Публий Корнелий задумчиво покачал головой. – Этрурия сдалась. Всё! Теперь Сулла займётся Митридатом Понтийским. Ты это знаешь. Там идёт война из-за Вифинии. А меня Сенат собирается отправить на Сицилию, наводить порядок. Там сейчас никого нет. Сулла убрал на острове всех своих врагов, но и друзей не осталось. Я был с ним на Сицилии, и теперь сенаторы хотят доверить мне поставки хлеба, оливок и масла для Рима. Тебя с Марком они хотят отправить в Азию. Так что я за этот год смогу поставить своих людей на Сицилии и вернуться сюда, чтобы вывезти всё золото. Это наше предложение с Марком. Согласен?

– А куда вывезти? – недоверчиво спросил Гай.

– В Рим, ко мне. Двоюродный брат сейчас как раз собирается покупать землю для дома рядом с Палантином. Может, я себе тоже там возьму. Он в этом деле понимает. Попрошу его помочь советом. Построю дом и сделаю такой же подвал. А сверху посажу сад с тремя деревьями в центре. Как было у жрецов. На память. Или придумаю что-нибудь ещё, чтобы никто не догадался.

– Отлично! Мне эта идея нравится. Тогда возвращаемся назад, да? Остались два города, и всё. Потом либо в Азию с Суллой, либо придём к тебе в сад, Публий! – весело заключил Гай.

– Согласен, – сказал тот. Трое друзей поднялись и, отвязав лошадей, устало направились в сторону лагеря. – Слышь, Марк, возьми его себе! – неожиданно сказал Публий, протягивая медальон другу.

– Чего это ты? Это ж твой талисман! Подаришь Лацию маленькому или дочке Корнелии. Что, не хочешь?

– Они далеко. Пока доберусь, боюсь, потеряю. Пусть лучше у тебя до встречи побудет. Как примета.

– Ну ладно, давай. Отдам дочурке Лицинии. Она любит такие всякие штучки. Всё бегает в храм Весты. Может, ей понравится. Или сестре. Валерия тоже любит такие странные вещи.

– Отдай, кому хочешь, нам он теперь ни к чему, – одобрительно кивая головой, произнёс он, испытывая облегчение от того, что расстался со странным медальоном. Друзья Публия не знали, что старый жрец, обняв его, сказал напоследок очень странные слова: «Ты выжил. Ты найдёшь то, что ищешь. Но медальон тебя больше не спасёт. Он уйдёт от тебя к другому после твоей смерти. Этот человек будет носить его дольше, чем ты. А медальон будет охранять его. Прощай…»

И теперь Публий повторял эти слова про себя, не зная, как их толковать. Умирать ему не хотелось даже несмотря на то, что он не верил словам старого жреца. Однако, избавившись от медальона, он почувствовал в душе облегчение и решил, что лучший способ не думать об этом – сосредоточиться на Сицилии и доме в Риме, и тогда всё это забудется само собой.

[4] Гастаты – пешие воины.

Глава В ожидании неизвестных гостей из Рима

После этих событий прошло двадцать лет. Гай Цинна погиб в одном из сражений на севере Италики, так никому и не рассказав об их тайне, добродушный великан Марк Сцевола вернулся в Рим, подарил медальон своей сестре Валерии и ждал возвращения с Сицилии третьего друга, когда его имя неожиданно появилось в списках врагов Отечества. Он направился к диктатору Сулле, чтобы выяснить это недоразумение, и больше не вернулся. Когда третий друг, Публий Корнелий, узнал об этом, он вернулся в Рим, чтобы забрать спрятанное золото, но сделать это не успел. Кто-то узнал об их тайне и решил сам завладеть несметными богатствами этрусков. Однажды утром их вместе с женой нашли в доме мёртвыми, со следами пыток. Родственники, усыновив их сына и дочь, решили ничего не говорить детям о страшной смерти родителей.

– Варгонт, ты похож на черепаху! Нож надо бросать быстро, – раздался за спиной голос Лация. Сбоку послышался смех легионеров, которые устанавливали палатки. Стоявший рядом с Лацием крепкий, широкоплечий воин со злостью поднял с земли камень и бросил его в столб. Тот с силой ударился и отлетел под ноги караульному.

– Камнем быстрее, чем этим… – недовольно пробурчал Варгонт, поднимая с земли свой нож и вытирая его о край туники.

– В тумане мог бы и в него попасть, – Лаций кивнул в сторону караульного. – Ладно, хватит глупостями заниматься! Пошли к легату! Тебе лучше камни и дротики бросать – лучше получается.

– А ему больше нечем заниматься! – крикнул один из легионеров. – Он вчера Лукро все деньги в кости проиграл. И ещё хотел шлем поставить.

– Ну это неправда… – поправляя на ходу пояс, пробормотал Варгонт. – Мы немного поиграли, и у меня ещё остались деньги. А шлем, ты сам знаешь, я никогда… это же, как меч! Ну понимаешь, они шутят…

– Понимаю, – вздохнул Лаций. – В прошлый раз тебе повезло, что смог отыграться. С Лукро это не прошло бы. Ладно, давай быстрей! Легат что-то разнервничался. Всех собирает. Может, дальше надо идти. Пока непонятно…

Ещё с утра хмурые горы Галлии, такие же насупленные и недоверчивые, как и жившие здесь варвары, купались в ярких лучах весеннего солнца. Однако уже к полудню их вершины покрылись дымкой тумана, который стал постепенно густеть и медленно сползать по расщелинам вниз. К вечеру всю низину у реки заполнила плотная густая пелена. Пятый легион цизальпинской армии Гая Юлия Цезаря прибыл сюда, чтобы разбить лагерь, но легионеры с трудом различали, что происходит на расстоянии вытянутой руки. Такого тумана они не видели уже давно. Старший трибун[5] Лаций Корнелий Сципион с улыбкой наблюдал за расхаживавшим по палатке легатом[6]. Тот заметно нервничал. Но никто не понимал, почему. Племена варваров, по сведениям разведчиков, находились далеко за рекой. Здесь они появиться не могли. Та деревня, рядом с которой они остановились, давно помогала римлянам продовольствием и пенькой, поэтому опасения её жители не вызывали. Купцы из Рима уже успели установить хорошие отношения со старейшинами, и причин для волнений здесь не было. Но легат Теренций Юлиан не спешил отпускать своих подчинённых. И только Лаций знал, что тот ждал возвращения своего гонца.

---

[5] Старший трибун – помощник легата, командира легиона.

[6] Легат – назначаемый командир легиона. Офицер сенаторского ранга.

Когда раздался стук копыт, легат опередил ликторов[7] и сам выбежал из палатки.

– Что с ним такое? – недовольно проворчал стоявший рядом Варгонт. Лаций усмехнулся и похлопал его по плечу. Они подошли к выходу. – Что молчишь? Смотри, как будто невесту встречает…

– Почти невесту, – тихо ответил Лаций, чтобы его не слышали остальные. – Только из мальчиков.

– Ах, вот оно что! – догадался Варгонт. Пользуясь покровительством Цезаря и влиятельного патрона в Риме, Теренций Юлиан позволял себе проявлять знаки внимания к молодым легионерам, что, в принципе, не считалось большим грехом, хотя в столице у него остались жена и сын. Во время скучной и однообразной жизни в Галлии легат любил проводить время с юными легионерами или молодыми повесами из Рима, которые изредка заезжали сюда, чтобы посмотреть на настоящую армию.

– Да, видишь, целый легион привёл для встречи, – сквозь зубы процедил Лаций. Варгонт ответить не успел, потому что легат Теренций неожиданно повернулся в их сторону и позвал его друга к себе.

– Лаций, они едут, – нервным голосом, с трудом сдерживая волнение, произнёс он, когда гонец отошёл в сторону, и рядом никого не было.

– Они?

– Да, да, они. Я тоже думал, что будет один… человек… короче, неважно! Едут разные путешественники. И среди них… есть один очень важный посланник.

– Я понял. С ним что-то случилось? – удивился Лаций.

– Пока нет. Но они поехали вдоль реки. Там может быть опасно. Чуть выше есть брод. Варвары могут узнать, что там едут сенаторы и аристократы из Рима, и тогда…

– Сенаторы и аристократы?! – он с удивлением посмотрел на легата. Дело принимало совсем другой оборот. Вместо одного молодого римского юноши им надо было теперь встречать несколько десятков аристократов со всей их свитой.

– Да, старики любят путешествовать, ты же знаешь! Нашли время. Решили посмотреть на лагерь Цезаря. И этот… тоже там! Говорил ему… – легат снял шлем и вытер лоб дрожащей рукой. – Надо выехать им навстречу. Слушай, бери центурию[8] или, лучше, две и выдвигайся вперёд вдоль реки до северного моста. По узкой дороге.

– Прямо сейчас? Но ведь скоро ночь… – Лаций не понимал, к чему такая спешка. – Кто пойдёт ночью без факелов и сопровождения? Ночью все спят.

– Ну и что! Возьмите факелы в обозе, – не слушая его, ответил Теренций. – И выступайте прямо сейчас! А я поеду с всадниками по большой дороге. Надеюсь, что они будут там. Но, на всякий случай, ты прикроешь сбоку. Вдруг, захотят полюбоваться рекой или отдохнуть на берегу. Дело молодое, люди странные. Так что, бери центурию Варгонта и – вперёд! – легат был настроен решительно, и Лацию оставалось только подчиниться.

– Слушай, а кого ты хоть встречаешь? Кто нам нужен?.. – спросил он, но Теренций уже исчез в палатке и не слышал его вопроса. Лаций с недоумением пожал плечами и отправил Варгонта за легионерами. Вскоре две центурии покинули лагерь и отправились в сторону реки. Все шли молча, и казалось, что вокруг ничего нет, кроме тумана и тёмных холмов. Но это было не так. Из всех неказистых хижин, наполовину вросших в землю, покрытых мхом и лишайниками, за ними следили сотни внимательных глаз. Такого большого количества римлян местные жители ещё не видели. Обычно к ним за запасами приезжали не более ста человек, но на этот раз чужие воины заняли все холмы и даже часть деревни. Однако легионеры не заметили это.

---

[7] Ликторы – почётная свита высших должностных лиц в Риме и исполнители их распоряжений. Диктатору полагалось 24 ликтора, консулу – 12, претору – 6, легату – 4. Носили с собой фасцы (розги) и топор – знаки исполнительной власти.

[8] Центурия – минимальная организационная единица легиона. Состояла из 80 -100 человек.

Они не знали, что на другой стороне реки к шуму в деревне прислушиваются многочисленные всадники в меховых шапках и шкурах, которые, по всем сведениям разведчиков, должны были находиться от этого места очень далеко. Это были варвары из племени гельветов.

Легат Теренций Юлиан ускакал по дороге на восток, старший трибун Лаций увёл сто шестьдесят человек вдоль реки на юго-восток, а оставшиеся четыре тысячи легионеров стали расставлять последние палатки, обновлять частокол, углублять рвы и готовить еду по своим восьмёркам[9].

На следующий день, проехав несколько десятков миль, всадники легата так никого и не встретили. Они продолжили свой путь дальше, пока не доехали до удалённого поста, где их ждали несколько сенаторов и их многочисленные слуги. Долгожданного римского юноши среди них не было. Оказалось, что «юные пташки», как их называли пожилые аристократы, решили поехать вперёд, и, наверное, разминулись с ним по дороге. Теренций, кусая губы, приказал всадникам сопровождать патрициев. Он не мог покинуть почётных гостей, которые ехали к консулу, и ему оставалось надеяться, что Лаций найдёт уехавших смельчаков до того, как с ними приключится какая-нибудь беда.

[9] Легионеры были объединены в группы по восемь человек для ведения совместного хозяйства и помощи в бою (контубернали).

Глава Знакомство с юными арделионами

Лаций сразу понял, что, добравшись до реки, молодые люди беспечно оставили лошадей на пригорке, а сами спустились вниз и теперь радостно плескались в реке. Чуть в стороне, в небольшой заводи тоже кто-то плавал. Ему показалось, что над водой виднелись две головы. Солнце уже прошло на небе середину пути, ветра не было и воздух буквально звенел от полуденной тишины. Лаций спустился с коня на землю и вздохнул. Усталость давала о себе знать, и он махнул рукой гастатам[10], чтобы те тоже сели и отдохнули. Варгонт сразу повторил команду, и легионеры опустились на землю прямо там, где стояли. Какое-то время всё было спокойно. Наконец, со стороны реки послышались громкие голоса, и между невысоких деревьев показались первые купальщики. Внезапно они затихли, и по изумлённым лицам было видно, что они не ожидали здесь встретить легионеров.

– Всё? Накупались?! – громко спросил Лаций, продолжая сидеть в тени большого куста рядом с лошадьми. Ответа не последовало. – Давайте, быстрей! Одевайтесь и поедем! – приказал он голосом, не терпящим возражений, и вытер внутреннюю сторону шлема пучком сухой травы.

– Я – Марк Туллий… – дрогнувшим голосом попытался представиться первый юноша, который, судя по всему, был среди них главным.

– Марк Туллий Цицерон[11]? Или его брат? – с иронией спросил Лаций. – Поправь тунику, оратор, а то весь зад голый! Так на лошади быстро до костей сотрёшь, – добавил он под хохот гастатов. Одному из друзей покрасневшего купальщика это замечание и, тем более, смех простых легионеров показались унизительными.

– Ты – воин армии Рима, – надменно обратился он к Лацию, вытянув руку вперёд. – Как ты смеешь оскорблять сына одного из самых влиятельных людей нашего города? Ведь тебя послали сюда, чтобы защищать Рим от варваров, а не смешить этих… – он замялся, не зная, как назвать легионеров, и, видимо, подыскивая правильное слово, чтобы показать их низменное положение.

– Как тебя зовут, храбрый защитник? – устало спросил Лаций.

– Антоний Клавдий Нозон! – гордо ответил молодой человек и поднял подбородок, чем вызвал новый приступ смеха у легионеров.

– Так вот, послушай, Антоний! Меня послали сюда, чтобы спасти ваши голые задницы, которые могли бы уже плавать в этой реке отдельно от ваших голов, – резко ответил он.

– Мы могли бы сами защитить себя в случае необходимости! – нервно реагируя на смех простых воинов, произнёс Антоний, подойдя к одной из лошадей.

– Чем? Голыми руками? Или у тебя в реке было другое оружие?

– У них в Риме только одно оружие. Оно ночью хорошо работает, – не сдержался Варгонт, и легионеры расхохотались ещё громче.

– Прикажи своему воину закрыть рот! – резко вспыхнул молодой аристократ. – Иначе…

– Иначе что? – вяло откинувшись на локоть, прищурился Лаций.

– Иначе ему придётся пожалеть о своих словах… в лагере.

– А почему не здесь? Или там ты убьёшь его каким-то другим тайным оружием? – устало добавил он под смех легионеров, чувствуя, что эта болтовня начинает ему надоедать.

– Да, теперь я всё понимаю, – многозначительно протянул юноша надменным тоном, отвязав, наконец, коня, и притворяясь, что говорит со своими друзьями. – Какой старший трибун, такие и гастаты. Видимо, в роду Сципионов приёмных детей только кормили и совсем

---

[10] Гастаты – «копейщики», воины авангарда тяжёлой пехоты римского легиона.

[11] Цицерон Марк Туллий – 106—43 г. до н. э. Консул 63 г. до н. э. Знаменитый оратор и политический деятель.

ничему не учили. По внезапно наступившей тишине он догадался, что его оскорбление услышали все. Он откуда-то знал, что Лаций Корнелий был приёмным сыном рода Сципионов, и теперь посмел так его унизить. Все ждали развязки. Но юноша явно ошибся. За спиной Лация было столько обид, что эта нелепая выходка вызвала у него только улыбку. Он встал, отряхнул колени и тунику и вздохнул.

– Кажется, в том году на смотре всадников был какой-то Юлий Клавдий Назон, – спокойным голосом произнёс он, но в тишине эти слова были слышны всем. – Я принимал у него выездку и владение мечом… – сделав небольшую паузу, как будто вспоминая это событие, Лаций широко улыбнулся и, повернувшись к дерзкому юноше, с иронией в голосе добавил: – Он упал с коня на первом круге. За это у него забрали и коня, и оружие. И отправили домой, помогать по хозяйству. Это не твой брат, случайно?! – все снова весело зашумели, а молодой Антоний, вспыхнув, хотел кинуться на него с кулаками, но его вовремя остановили подоспевшие товарищи. Они схватили его за руки и стали уговаривать успокоиться.

– О, нас здесь уже встречают! – раздался вдруг чей-то радостный голос. Все сразу обернулись в ту сторону. Из-за деревьев показались три человека. Среди них была одна девушка. Лаций на мгновение замер, удивившись её появлению, но в этот момент первый подошедший обратился прямо к нему:

– Не может быть! Лаций, друг мой, это ты! – и с этими словами молодой человек в мокрой тунике, разведя руки в стороны, сделал шаг навстречу и крепко обнял его.

– Брут?.. – пробормотал он. – Марк Юний? Что ты тут делаешь? Ты разве не на Сицилии?

– Нет, нет. Дела заставили срочно вернуться в Рим, а оттуда меня направили к Цезарю. Семейные проблемы – отец, мать, ссора с дядей. Короче, потом расскажу, – он украдкой оглянулся на юношу и девушку и многозначительно поднял брови.

– Мы их встречаем? – тихо спросил Лаций, показав глазами на двух спутников Брута. Тот поджал губы и вздохнул. Потом растянул лицо в доброжелательной улыбке и повернулся к ним.

– Да, этот огненный жеребец по имени Александр, друг сенатора Валерия Мессалы Руфа, а это – великолепная Эмилия, известная в Риме своими непревзойдёнными гетерами, – он мечтательно закатил глаза и слащаво улыбнулся. Стоявший позади Брута светловолосый юноша был не похож на римлянина, и на его коже не было видно загара. Он манерно наклонил голову к плечу и поправил мокрые волосы, как это обычно делают женщины. Лацию стало ясно, что именно за этим человеком легат Теренций отправил целый легион. Спутница юного грека была очень привлекательной, но её лицо с правильными чертами не сразу привлекло его внимание, потому что прилипшая к мокрому телу туника совсем не скрывала два упругих полукруга с острыми тёмными треугольниками посередине. Рядом напряжённо закряхтел Варгонт, со стороны гастатов послышались короткие эмоциональные выкрики, в глазах стоявшего рядом Брута тоже проскользнули весёлые искорки. – Вен**е**ра[12] завидует ей по ночам, а днём просто ненавидит, – добавил он, – но я не знаю никого, кто мог бы похвастаться тем, что она подарила ему свою любовь… Её вместе с Александром опекает сенатор Руф. Так что, будь осторожен! – по-дружески посоветовал он и хлопнул Лация по плечу.

– Подъём! – коротко приказал Лаций гастатам, стараясь не смотреть на девушку. Но Эмилия, видимо, уже привыкла впечатлению, которое производила на мужчин, поэтому внешне была спокойна, и только уголки губ насмешливо смотрели вверх, как бы подчёркивая её превосходство.

– Это что? – спросил его на ходу Варгонт, не переставая оглядываться на девушку. – Подкрепление? Или боги перепутали мои глаза местами?

– Не знаю, но мне кажется, что она перегрелась в римских термах и не нашла дорогу домой.

---

[12] Венера – богиня любви (римск.).

– Ну так может, сами покажем ей дорогу домой? – гордо стукнул себя в грудь весельчак, но, не найдя поддержки у своего боевого товарища, с сожалением направился к своим легионерам. – Становись! Труби возвращение! – крикнул он горнисту и ещё раз оглянулся назад. Вскоре в клубах пыли, которую подняли первые шеренги, уже ничего нельзя было разглядеть, и ему оставалось только прикрыть глаза рукой и довольствоваться приятными воспоминаниями.

Лаций всю дорогу до лагеря проговорил с Брутом, с любопытством слушая последние римские сплетни в его изложении и стараясь уловить, где тот привирает, а где недоговаривает. Новости касались, в основном, городских развлечений, споров на Форуме[13], слухов о неверных жёнах и любвеобильных мужьях, а также о том, кто за последнее время разорился и кто умер. О двух любимчиках сенатора Брут сказал, что тот навязал ему их в последний момент, чтобы показать дикие земли варваров, потому что сам не смог покинуть Рим из-за политической борьбы в Сенате.

До деревни они добрались только на следующий день. Легата Теренция и всадников ещё не было. К удивлению Лация, «молодые путешественники» не стали отдыхать, а сразу отправились в деревню, чтобы посмотреть, где живут оседлые варвары. К тому же, судя по разговорам, они собирались потом поехать к реке, чтобы снова искупаться. За время короткого перехода до деревни он заметил, что наибольшим влиянием в их группе пользовались девушка и её странный женоподобный греческий друг. И хотя Лаций несколько раз видел его томно разговаривавшим с другими юношами, в пути тот постоянно старался держаться рядом с ней.

Брут наотрез отказался ехать в деревню вместе с молодёжью, и Лацию пришлось возложить эту обязанность на Варгонта. Сам он собирался отправиться навстречу легату Теренцию, чтобы побыстрее сообщить ему радостную новость и заодно разослать разведчиков вдоль реки. Однако этим планам не суждено было сбыться. В лагерь неожиданно вернулся Варгонт и раздражённо сообщил, что молодые зазнайки обозвали его крестьянином, после чего посоветовали держаться от них подальше.

– Я оставил их у деревни, – буркнул он и недовольно повернул голову в сторону.

– Ты что, серьёзно? Тебя обидели эти дети? Держался бы от них подальше. Что тут такого? И же нельзя оставлять одних! Придётся поехать самому, – с кислым лицом произнёс Брут и поднялся с деревянного настила. Лаций почувствовал, что ему снова придётся вмешаться, потому что Варгонт был его центурионом[14].

– Отдыхай, я поговорю с ними, – махнул он рукой и направился к лошади. Ликторы сразу отвязали поводья и протянули щит. Подумав, Лаций всё-таки взял его и крикнул Варгонту, чтобы тот не отставал. Они быстро добрались до деревни, но в том месте, где ожидали встретить молодых аристократов, уже никого не было. Восемь легионеров, которых Варгонт оставил следить за ними, прятались от солнца в тени кустов.

– Клянусь Фуриями[15]… – пробормотал центурион и зло прищурил глаза. – Их забрали на небо боги! Слава Минерве[16] за помощь!

– Помолчи! Где они? – Лаций сначала не понял, что произошло. – Где юноши? – крикнул он.

---

[13] Форум – четырёхугольное, ограниченное со всех сторон удлинённое пространство, преимущественно площадь или рынок, в городе или вне его, как самостоятельный рыночный центр ряда окрестных населённых мест. В каждом городе имелся центральный форум – главное средоточие политической, административной и торговой жизни города, от которой остальные форумы отличались разными эпитетами, указывающими на специальное назначение или отличительный признак площади. Римский Форум лежал в долине между двумя наиболее важными в первоначальной истории Рима холмами, Палатином и Квириналом, простираясь в виде удлинённого прямоугольника.

[14] Центурион – командир центурии (80 человек).

[15] Фурии – богини мести (римск.).

[16] Минерва – богиня мудрости (римск.).

– Уехали туда, – ответил один из легионеров, кивнув в сторону приземистых жилищ варваров. – Не захотели ждать. Гордые! – сказал он с насмешкой, но Лацию было не до смеха. Всё это могло кончиться большими неприятностями, и он знал это лучше других.

Глава В местной деревне

Никто ещё не успел понять, что произошло, а Лаций уже представил себе несколько вариантов гибели молодых повес.

– Варгонт, отправь одного человека в лагерь! Быстрее! Пусть приведёт ещё две восьмёрки. Дождись их и двигайся к реке. Понял?

– А ты куда? Туда? Сам? – недоверчиво спросил центурион.

– Да, сам. Буду у реки. Если они снова решили там купаться, я им… – он не закончил фразу, не зная, какое наказание придумать.

– Может, взять сети? Отловим, как рыбу! – как всегда, попытался пошутить старый друг, но Лаций уже не слушал. Его мысли были заняты другим.

Облако пыли вырвалось из-под копыт его коня, и когда она осела, ни всадника, ни лошади уже не было видно. Однако в деревне всё оказалось не так плохо, как он предполагал. Молодёжь нашла общий язык со старейшиной, подарив ему какие-то мелкие подарки, и, когда Лаций увидел их, они все вместе медленно двигались в сторону стоявшего у леса последнего дома.

– Мы будем сейчас говорить с их богами! – возбуждённо воскликнул невысокий черноволосый юноша. – Поехали с нами! – предложил он.

– Вы едете к старухе? – всё ещё испытывая раздражение, спросил Лаций.

– Да. Этот человек обещал, что мы увидим много интересного, – ответил он.

– Старуха покажет нам, как общаться с их духами и богами, – весело добавил другой молодой аристократ. Лаций недоверчиво покачал головой, но сопровождавшие римлян старики и дети не внушали опасений: они улыбались, радуясь подаркам, и внешне всё выглядело спокойно. Где-то в глубине души он на мгновение даже испытал чувство зависти по отношению к этим весёлым римским арделионам[17], способным так беззаботно вести себя вдали от родного города. Пробежав взглядом по спинам удалявшихся всадников, Лаций поймал себя на мысли, что не видит среди них девушки и светловолосого грека.

– Стой, а где эти… – он скривился, почувствовав, что начинает испытывать раздражение. Догнав молодых повес, с которыми только что разговаривал, он спросил: – С вами были ещё двое. Где они?

– Э-э… Ты о ком?

– С рыжими волосами и девушка. Они были с вами. Где они?

– А, Эмилия и Александр! О, прекрасная Венера! – мечтательно закатил глаза один из них. – За ней не угнаться. Но её охраняет храбрый Фавн[18], – юноша весело подмигнул своим друзьям, и те дружно расхохотались.

– Он готов охранять всех подряд, – добавил кто-то. – Но мужчин предпочитает больше. Может, ты ему тоже понравишься, трибун? У тебя такие сильные руки!

– Где они? – прорычал Лаций, чувствуя, что начинает терять терпение.

– Эмилия такая храбрая. Она может придумать всё что угодно… – начал было один из них, но, заметив выражение его лица, быстро сменил тон: – Они поскакали к реке. Туда, по дороге. Варвары сказали, что там можно купаться.

– Злосчастные Фурии… чтоб вам… – процедил он сквозь зубы, разворачивая коня в противоположную сторону. Молодые аристократы не слышали его слов, поэтому с недоумением пожали плечами и продолжили свой путь к хижине старой колдуньи.

У спуска к реке Лацию пришлось спрыгнуть с коня и идти пешком, ведя его за поводья. Он знал, что в том месте, где жители набирают воду, берег был неудобным, но чуть дальше

---

[17] Арделион – праздношатающийся (римск.).

[18] Фавн – бог лесов, охотников и пастухов, всей природы (римск.).

тянулась песчаная коса с широкой отмелью. Путь до неё проходил по верхней части берега, а потом надо было долго спускаться вниз по узкой извилистой тропе между кустарниками и корявыми стволами растущих на отвесном склоне деревьев. Лаций подъехал к деревянному мостику. Следы на берегу показывали, что два человека направились в сторону косы. Он последовал за ними. Когда впереди показался спуск к песчаному берегу, до него донеслись весёлые голоса и плеск воды. Две лошади были привязаны у крайнего дерева и осторожно перебирали ногами, опасаясь оступиться и упасть вниз. Снисходительно вздохнув, он отвязал их и привязал чуть дальше. Внизу царила полная идиллия: светловолосый грек, виляя бёдрами, как женщина, убегал по краю воды от преследовавшей его юной амазонки. Та бросала ему в спину мокрым песком и брызгалась, поддевая воду ногами. Её упругое, гибкое тело ещё не носило на себе следы намечающейся полноты. Стройные ноги грациозно скользили над водой. Он засмотрелся на благородный изгиб спины, который в Риме старые матроны с детства старались прививать своим дочерям, заставляя их ходить с откинутыми назад плечами, и для этого специально привязывали к спине палку, чтобы девушки не сутулились. Но в этом теле крутой изгиб явно был унаследован от матери, и две ямочки в конце спины плавно переходили в две упругих, плотных ягодицы, какие обычно бывают у девушек, когда они уже простились с детством и с каждым днём всё больше и больше начинают напоминать женщин.

Атлетично сложенный грек притворно кривлялся, делая вид, что ему сильно досаждают брызги юной нимфы, но на одном из поворотов притворство его подвело – он зацепился за свою ногу и неуклюже упал лицом в воду. Девушка рассмеялась, остановилась и склонилась над ним, как над жертвой. Лаций уже хотел крикнуть, чтобы они поднимались, но в этот момент его укусил комар. Прямо в щиколотку Опустив взгляд, он убил кровососа, и стерев кровь, почесал место укуса. В это время второй комар укусил его в плечо, и Лацию пришлось засунуть руку под рукав, чтобы добраться до места укуса.

Он уже собирался встать, как сбоку, в кустах, что-то зашуршало, и звук этот был не громче, чем шум обычного ветра. Ветки раздвинулись, и между ними показались большие светлые глаза и чёрные брови. Лаций столкнулся в незнакомцев взглядом, и рука медленно потянулась к мечу. Варвар вдруг сделал странный жест, как бы призывая его молчать. Потом кивнул в сторону и показал туда рукой. Лаций медленно повернул голову, стараясь не отрывать взгляда от куста и касаясь пальцами рукоятки меча. Там, куда показывал незнакомец, ничего не было видно, деревья слегка покачивались, но за ними явно кто-то был. Присмотревшись, он сквозь просветы в листве заметил силуэты всадников в чёрных шкурах. Тёмные фигуры двигались медленно и бесшумно. Коренастые, приземистые лошади с косматыми гривами и поросшими шерстью ногами были похожи на своих наездников, которые прижимались к ним, сливаясь воедино и напоминая издалека кентавров. Воинов было много, и торчавшие за спиной луки не оставляли сомнений в их намерениях.

Глава Первая встреча с Ларнитой

Лаций не успел повернуть голову обратно, как незнакомец уже оказался рядом с ним. Его ноздри раздувались от волнения, в глазах мелькали настоящие молнии гнева, и он что-то шептал своими невероятно красивыми тонкими губами, к которым прилипли длинные волосы. Сначала варвар ткнул пальцем в плечо и что-то спросил его. Лаций не понял. Комар укусил его в то место, где была татуировка, и теперь её можно было видеть из-под приподнятого рукава.

– Хого? – снова спросил незнакомец тонким голосом, но Лаций отстранился назад и ничего не ответил. Лицо юноши показалось ему очень странным. Тот тоже был чем-то удивлён и странно смотрел на его плечо. Щёки и лоб у него были перепачканы чёрным цветом, и на их фоне ярко выделялись большие глаза. Но рассмотреть остальные черты лица было трудно, потому что длинные пряди волос закрывали его почти наполовину. Толстая грубая накидка из шерсти, которая заменяла варварам одежду, была подвязана на поясе простой кручёной пенькой. Рукавов не было, и Лацию сразу бросилось в глаза, что у юноши очень красивые руки. Тот вдруг схватил его за кисть и дёрнул в сторону. Тонкие пальцы обладали невероятной силой, и этот рывок заставил Лация вскочить на ноги. Только теперь он заметил, что перед ним не юноша. Грубая ткань прижалась к телу, и округлые очертания груди и талии убедили его в том, что это была девушка.

– Давай быстрей! – с мольбой в голосе прошептала незнакомка на его языке. – Ну быстрей же! – девушка снова рванула его за кисть, но Лаций уже пришёл в себя и, не думая, откуда она знает его язык, ответил:

– Стой! Там люди! – он отдёрнул руку и показал на сидевших у самой воды мускулистого грека и его спутницу.

– Нет, нет, нет, – отчаянно зашептала девушка, мотая головой. – Они убьют нас. Они убьют нас…

– У нас есть лошади, – Лаций показал на привязанных у деревьев животных.

– Нет, нет, нельзя. Они очень много! Они идут по нашей дороге, – пыталась объяснить она. Лаций вдруг понял, что всадники наверняка уже обогнули край леса и теперь они оказались в ловушке. Но ведь их ещё не обнаружили!

– Стой, не дёргай! – прошипел он, стараясь не сорваться на крик. – Они уже обошли лес. Там не пройти.

– Они убьют тебя… – прошептала девушка и сделала шаг назад. – Они услышат твоих лошадей и придут сюда. Ты не спастись!

– Их бросать нельзя, – нахмурившись, прошептал он.

– Убей их! – громким шёпотом произнесла девушка. – И уплывай. Я знаю, ты умеешь плавать.

– Подожди, а ты умеешь? – спросил он, внезапно осенённый догадкой.

– Умею, – кивнула девушка.

– Ты сможешь доплыть до деревни?

– Да, – снова кивнула она.

– Они тоже умеют плавать, – быстро произнёс Лаций. – Пошли быстрей! Ты покажешь нам, куда плыть.

– Они тоже умеют плавать?.. – растерянно повторила странная незнакомка, но он не ответил, устремившись по отвесному склону вниз, к спасительной воде.

Когда двое беспечно болтавших римлян с удивлением обернулись на звук ломающихся веток, перед ними уже стоял совсем другой старший трибун: совершенно голый, без нагрудного панциря, шлема и защитных накладок на коленях и надкостницах. На плече у него висел ремень с наградами и двумя мечами. Покрутив головой из стороны в сторону, он подскочил

к большой коряге и, приподняв её, сунул вниз шлем, щит и накладки. В это время позади него появилась тёмно-серая фигура с грязным лицом. По движениям можно было догадаться, что это была женщина. Она быстро скинула с себя шерстяную накидку, и все увидели загоревшее мускулистое тело молодой варварки. Девушка скрутила грубую ткань в узел, и, привязав его к голове, шагнула в реку. Грек Александр и его спутница не успели ничего сказать, как Лаций схватил их за руки и потащил в воду.

– Плывём! – коротко приказал он, и по его решительному виду они поняли, что это была не шутка.

– Куда? – обиженно спросил грек, но его вопрос так и остался без ответа…

Плыть пришлось долго. В одном месте пришлось выйти на берег, чтобы обойти торчавшие у берега коряги и стволы. Когда, наконец, они добрались до небольшого мостика, где жители деревни набирали воду, сил уже почти не было. Выбравшись на берег, все четверо упали ничком и, тяжело дыша, какое-то время лежали, приходя в себя.

– А если бы я не умела плавать? – надменно-гордым голосом спросила римская девушка.

– Ты бы утонула, – коротко ответил Лаций и встал. – Бегом! За мной! – резко приказал он и сжал кулаки. В его взгляде было столько решимости, что второй вопрос, который она хотела задать о своей одежде, застрял у неё в горле.

Пробежав через крайние дома, они оказались прямо перед домом старейшины. Напротив, лениво развалившись, сидели легионеры Варгонта. Лаций остановился и, тяжело дыша, упёрся руками в колени, чтобы отдышаться. Светловолосый грек упал на четвереньки рядом и хрипел, как загнанная лошадь. Обнажённая Эмилия сначала тоже хватала ртом воздух, но потом присела на землю и кокетливо облокотилась на руку. Никто из них не заметил, что черноволосой молодой спасительницы с ними уже не было. Ехидные усмешки и удивлённые взгляды на лицах воинов постепенно сменились недоумением и тревогой.

– Там варвары! – всё ещё прерывисто дыша, выдавил из себя Лаций. Он махнул рукой в сторону верхнего конца деревни. – Одного в лагерь, остальные – туда! Первую когорту[19] сюда! Быстрее! – приказал он, чувствуя, что уже может свободно говорить и двигаться. Короткая туника неприятно прилипла к телу, и он дёрнул её за нижний край, чтобы стряхнуть влагу. Мелкие капли брызнули в лицо стоявшему рядом Варгонту.

– Так если… там варвары, зачем туда идти? – недовольно спросил тот и вытер лицо ладонью.

– Там – другие. Они поехали смотреть на колдунью, – ответил Лаций, кивнув в сторону двух молодых людей. Он уже снял меч и закрепил его на ремне с широкими медными накладками. – А эти, вот, решили покупаться… Надо спасать арделионов, иначе убьют всех. Пошли!

– По мне, так лучше пусть убьют. Сами бы себя защищали, – еле слышно пробурчал Варгонт и добавил: – А этих двоих куда? С собой, что ли? Голыми задницами варваров не сильно напугаешь!

– Пусть посыльный возьмёт с собой в лагерь! Только быстрее! Всё, пошли, – он резко махнул рукой, и, построившись в две колонны, легионеры быстро зашагали вперёд.

– А сколько их там? – догнав Лация, спросил Варгонт.

– Много. Не меньше сотни. Если не больше. Бегом туда! – стараясь не думать об этом, приказал он. Центурион только покачал головой и перебежал на другую сторону строя. Ровный стук подкованных калиг[20] гулким эхом перекатывался от лачуги к лачуге, из которых за бегущими римлянами наблюдали десятки испуганных глаз. Но Лацию было не до этого. Он не знал, сколько врагов могут ждать их впереди, и в голове у него не было никакого плана. Однако,

---

[19] Ко**г**орта – боевая единица римского легиона. Состояла из 480 человек.

[20] Калиги – солдатская обувь, полусапоги, покрывавшие голени до половины. Она состояла из кожаных чулок и сандалий с ремнями. В подошву для долгой службы забивались гвозди. Во время ходьбы они стучали, и солдат было слышно издалека.

когда легионеры выбежали к последнему дому, в котором жила старая колдунья, всё сразу изменилось.

Глава Кто такой Хого

Перед полуразвалившейся лачугой стояли несколько стариков. Они смотрели в сторону поворота, откуда к ним приближались первые всадники в тёмных шкурах. Позади стариков, ещё не понимая, что происходит, беззаботно болтали молодые римляне. Их лошади стояли на привязи у соседнего дома, но настолько скученно и неудобно, что сесть на них они уже не успевали. Лаций сразу оценил ситуацию и не стал ждать. Легионеры выстроились в одну линию и соединили щиты.

– Эй, бегом сюда! – громко крикнул он, обращаясь к стоявшим к ним спиной юношам. – Бегом! Это не местные жители!

Опешив, молодые люди сначала не поняли, что им говорят, и ещё какое-то время кислые улыбки на их лицах говорили о том, что они склонны перевести всё это в шутку. Легионеры Варгонта прижались плечом к плечу и выставили вперёд короткие копья. Молодёжь улыбалась, думая, что это развлечение. Резкий свист стрел и глухие удары о щиты мгновенно стёрли улыбки с лиц, и они, падая и крича, кинулись за спины гастатов. К счастью, стрелы никого не ранили. Большая часть упала на вросший в землю дом, пробивая разросшийся на старой коре зелёный мох. Одна из них встряла прямо перед ногами старейшин, которые тоже попятились назад, но за спины римских солдат отходить не стали. К дому подъехали несколько всадников с длинными волосами и что-то прокричали, обращаясь к старикам. Те отошли чуть дальше, опустив головы и продолжая исподлобья наблюдать за нежданными гостями. Варвары стали что-то спрашивать, показывая луками в сторону дома, затем спрыгнули на землю и забежали внутрь. Их было четверо. Один остался стоять с лошадьми. Сбоку раздался голос Варгонта:

– Полшага назад! – и две шеренги, как один человек, сместились на локоть назад. Сразу последовала вторая команда: – Полшага назад! – и легионеры снова, не разрывая строя, все вместе отступили назад. Лаций видел, что им надо постепенно отходить к дальнему дому, у которого начиналась дорога. На ней было бы легче защищаться, двигаясь в сторону лагеря.

– Надо позвать стариков! – крикнул он Варгонту.

– Не пойдут. Их потом за это убьют, – категорично ответил центурион.

Странное появление варваров не давало Лацию покоя. Их было мало, и вели они себя слишком уверенно. Даже выстрелили в сторону легионеров несколько раз, как будто хотели отогнать, как комаров. Значит, они не собирались нападать, иначе уже давно бы шёл бой. Тогда зачем они сюда приехали? И почему так мало? Может, остальные прячутся за домами? И почему так долго нет сигнала тревоги из лагеря? Посыльный с двумя молодыми римлянами уже давно должен был добраться до первого караула…

Внутри хижины послышались приглушённые крики, которые вскоре переросли в яростную брань. Вскоре оттуда показался варвар. Он тащил за собой старую женщину в длинном шерстяном балахоне. Седые волосы закрывали ей лицо, но Лаций сразу узнал в ней местную врачевательницу и гадалку. Два воина вышли следом, держа в руках небольшие кожаные мешки. Они несли их легко, как будто внутри ничего не было. Затем все вместе они попытались посадить старуху на лошадь. Та сопротивлялась и падала на землю, яростно отталкиваясь от разозлённых варваров руками и ногами. Наконец, один не выдержал и ударил её по голове. Женщина обмякла и медленно сползла на землю. Лаций поднял руку, и Варгонт замер, приготовившись действовать. Легионеры ждали команды. Что-то было странным в поведении этой четвёрки, но Лаций никак не мог понять, что. Зачем им нужна была эта старуха? Почему до сих пор не было сигнала из лагеря, и никто не спешил к ним на помощь?..

Сделав несколько шагов вперёд, он присмотрелся к повороту дороги. Там было заметно какое-то движение, но пыль ещё не осела, и всё было спрятано в сером облаке. Вдруг в воздухе

раздался пронзительный крик. Это кричали варвары. Они отчаянно махали руками и били себя по головам. Вдоль дома старухи промчалась быстрая тень. Она схватила беспомощное тело женщины под руки и стала отчаянно тащить его в сторону. Всё произошло так быстро, что никто не успел даже опомниться. Лаций не верил своим глазам – это была та самая девушка, которая спасла их сегодня у реки! С решительностью, которой позавидовали бы многие мужчины, она пыталась оттащить врачевательницу в сторону римлян. Девушка, видимо, обладала немалой силой, потому что ей удалось преодолеть целых десять шагов, пока один из варваров не заметил её и не заорал, показывая в сторону беглянки. Но стоявшие рядом товарищи только тёрли глаза и громко кричали. Она бросила им в лицо пыль, чтобы успеть спасти старуху. Или это была не пыль? Потому что они слишком долго тёрли глаза, чихали и орали, не в силах от неё избавиться. Но тот, кто заметил девушку, видимо, пострадал меньше других и поспешил догнать её. Он уже подбежал к ней и занёс над головой короткий меч, как вдруг в лицо ему ударило что-то яркое и блестящее. Это был меч Лация. Их разделяли пять—шесть шагов, и он с сожалением заметил, что в полёте оружие развернулось и удар пришёлся плашмя. Однако этого оказалось достаточно, чтобы не дать варвару нанести удар. От неожиданности тот не удержался и упал назад. Пока он поднимался, мотая головой и пытаясь понять, что произошло, Лаций успел подбежать и поднять свой меч. Однако после этого ему пришлось выдержать яростную атаку пришедшего в себя воина. Тот с невероятной скоростью стал размахивать из стороны в сторону своим оружием, бросаясь вперёд, как дикий зверь, и только хладнокровие и большой опыт помогли Лацию избежать ранений. Он несколько раз вынужден был отбивать удары, чувствуя, что не успевает вовремя уклониться, но, в конце концов, силы у нападавшего иссякли и он остановился, тяжело дыша и хищно раздувая ноздри. В его глазах по-прежнему кипела ненависть, но руки и ноги уже не слушались, так как все силы были отданы этому бешеному напору. Лаций ждал этого момента, но он не стал убивать врага. Девушка уже успела оттащить старуху к шеренге гастатов, и теперь он тоже мог сделать несколько шагов назад. Показав варвару на его соплеменников, он махнул рукой несколько раз, давая понять, чтобы тот шёл назад. Но нападавший, видимо, почувствовал прилив сил и снова бросился вперёд. Храбрец был уверен, что на этот раз всё будет иначе. Однако ему не удалось сделать и двух шагов, как высокий римлянин, который вроде бы был так далеко, вдруг шагнул ему навстречу, присел и всадил в живот острое лезвие своего меча. Продолжая тянуться рукой в сторону безмолвной шеренги легионеров, варвар медленно опустил голову и увидел поднимающегося с колен врага, который спокойно выдернул у него из живота лезвие и отошёл в сторону. Тело в чёрной шкуре и мохнатой шапке упало вперёд, пыль ударила варвару в лицо, забилась в нос и глаза, и больше в этой жизни он уже ничего не видел.

– Назад, Лаций! – раздался голос Варгонта. – Там лучники! – он увидел прятавшихся за домом многочисленных врагов и спешил предупредить его об этом. Лаций не стал испытывать судьбу. Он занял место рядом с Варгонтом, и в этот момент в воздухе засвистели стрелы. Половина из них долетела до щитов легионеров, а другая – упала в пыль и на головы нечастных товарищей убитого, которые в этот момент поспешили ему на помощь. Пронзённые стрелами своих собратьев, они упали рядом с ним, не добежав до римлян всего несколько шагов. На мгновение в воздухе повисла напряжённая тишина.

– Отходим! – приказал Лаций. Варгонт громко повторил команду. Легионеры стали медленно отступать назад. Придя в себя, варвары с криками выскочили из кустов и кинулись вперёд. Их было не больше тридцати человек. Но вдалеке было видно ещё столько же. Они спешили к ним на помощь. В этот момент со стороны лагеря раздался хриплый сигнал горна. Так и не успев доиграть команду, он прервался, и этот звук неприятным эхом зазвенел у Лация в ушах. Там явно происходило что-то неладное.

– Сомкнуться! – громко выкрикнул Варгонт и посмотрел на него. – Метать?

– Да, – кивнул Лаций.

Когда до нападавших оставалось десять—двенадцать локтей, легионеры сделали шаг вперёд и бросили дротики. Затем по команде присели, и вперёд полетели дротики второй шеренги. После этого перед ними сразу образовалось пустое пространство, которое постепенно стали заполнять спускавшиеся с дороги враги. Увидев перед собой тела своих соплеменников, они сначала остановились, но потом всё же бросились вперёд и с шумом ударились о щиты передней шеренги. Когда половина из них отхлынула назад, вторая осталась лежать на земле. Прозвучала очередная команда Варгонта, и гастаты снова сделали несколько шагов назад. Варвары больше не решались атаковать. Один из них вышел вперёд и поднял руку. Обведя тяжёлым взглядом лежавшие в пыли тела, он что-то сказал громким голосом, глядя на край шеренги, где выделялся шлем Лация с красным гребнем.

– Им нужна женщина, – перевёл его слова один из легионеров.

– Зачем? – коротко спросил Лаций. Но кочевник снова повторил, что ему нужна женщина. Вдруг он произнёс какое-то слово, но легионер не смог его перевести. – Что он сказал? – спросил Лаций.

– Не знаю. Хого, говорит, и всё, – пожал плечами воин.

– Скажи ему, что Хого – это я! – неожиданно улыбнулся Лаций. – Говори, говори!

Когда кочевник услышал ответ, то не смог скрыть своего удивления и какое-то время стоял без движения, глядя на него с непониманием и недоверием. Потом нахмурился и постучал себя по плечу:

– Хого! – снова донеслось до Лация. Всадник показал татуировку и повторил это слово. Лаций поднял рукав и показал своё плечо. Там был такой же рисунок. Варвары зашумели и стали что-то кричать друг другу. Они были в замешательстве и уже явно не собирались нападать. Лаций кивнул Варгонту, и тот снова дал команду к отступлению. Римляне начали медленно отступать. Но варвары не обращали на них внимания. Вскоре они что-то решили и замолчали. Угрюмый бородач, который требовал отдать старую колдунью, ещё раз посмотрел в сторону Лация, как бы стараясь его запомнить, после чего повернулся к нему спиной и, как ни в чём ни бывало, поехал по дороге к лесу. Все его воины последовали за ним и вскоре исчезли за поворотом. Это было очень странно.

Легионеры Варгонта перестроились и быстрым шагом направились в сторону лагеря. Старуху оставили в доме старейшины, а девушку забрали с собой, чтобы позже расспросить в спокойной обстановке. Однако когда вдали показались знакомые очертания невысокого ограждения, стало ясно, что там идёт бой. Повсюду мелькали тёмные фигуры многочисленных всадников. Это были гельветы. Легионеры остановились. Варгонт в замешательстве повернул голову в сторону Лация, ожидая команды. Девушка из деревни, увидев врагов, сжалась и втянула голову в плечи. Надо было срочно принимать решение. Где-то вдалеке раздался звук горна. Затем ещё один. Это был сигнал атаки. Ударив варварам в спину, они могли надеяться на неожиданность. Тогда можно было пробиться к своим товарищам, которые сейчас, видимо, собрались в одном месте и пошли в атаку.

Глава Нападение на лагерь легиона

Удар в спину не получился. Гельветы были на лошадях и, заметив приближение римлян, просто разъехались в стороны. Однако это позволило пехотинцам проскочить мимо них и попасть за частокол. Внутри шёл бой. Оказалось, что в лесу Лаций видел основные силы, которые спешили напасть на оставшихся в лагере легионеров, пока там не было легата.

Неожиданно варвары засуетились и стали разворачиваться. Вскоре с другой стороны лагеря появились всадники в блестящих шлемах с гребнями. Это была конница их легиона во главе с легатом Теренцием. Они вернулись вовремя. Раздался звук рожка. За конницей должны были появиться и тяжеловооружённые гастаты. Лаций с Варгонтом опустили щиты, так и не вступив в бой. На этот раз всё обошлось без серьёзных потерь. Погибли лишь несколько человек из караула и два горниста. Но зато удалось взять в плен несколько сбитых с лошадей всадников. Те сначала молчали, но когда к ним применили силу, рассказали, что уже давно следили за «большим» лагерем главного римлянина. Под ним они подразумевали основной лагерь Цезаря. Но он был очень большой и напасть на него варвары не решались. Римлян было больше. Когда из «большого» лагеря вышел легион, их вождь решил напасть хотя бы на него. Они долго ждали римлян за рекой. И когда конница с легатом покинула лагерь, вождь гельветов приказал перейти реку вброд.

Оказывается, никто не собирался нападать на местных жителей. Незнакомцам просто нужна была старая колдунья, так как она носила волшебный амулет. Они считали, что с его помощью она помогала своим соплеменникам выращивать много лошадей, коров и буйволов и продавать их подлым римлянам. Благодаря этой старухе, здесь никогда не было засухи и каждый год был урожай хлеба. Эта деревня в долине у реки славилась своим богатством. Поэтому вождь решил забрать её в своё племя и заодно разбить ненавистных римлян.

– Взяли бы старуху и ушли к себе. Зачем нападать на лагерь? Это же глупо, – сказал легат с недоумением.

– Римляне – враги. Так говорит вождь, – снова прозвучал такой же ответ.

– Может и не напали бы… Если бы не любовь Лация к старым колдуньям и их дочерям! – раздался вдруг нервный голос Марка Юния Брута. Легат с удивлением посмотрел на него, потом обернулся к покрасневшему Лацию и спросил:

– Скажи, правда… зачем ты стал спасать эту старуху? Может, они действительно не напали бы на лагерь? Ведь если бы мы опоздали, тогда… – он пожевал губы, подыскивая нужное слово, но Марк Брут перебил его:

– Нас бы всех убили! Ты понимаешь это?

Лаций смотрел на них и не мог поверить своим ушам.

– Брут, ты же знал, что мы отправились за этими молодыми патрициями… – с недоумением попытался напомнить он. – Или их надо было бросить? Ты же…

– Я не просил тебя спасать эту старуху! – взвизгнул молодой аристократ. – Надо было отойти в лагерь, и пусть бы они убирались с ней куда подальше!

– Брут, что ты несёшь? – он всё ещё не мог прийти в себя. – Они напали на лагерь раньше, чем оказались в деревне! Ты же римлянин! Ты мог бы взять в руки меч и защищаться. Что тебя так испугало?

– Он, видимо, не понимает! – гневно раздувая ноздри, обратился Брут к легату. – Надо рассказать об этом Цезарю. Может, он объяснит ему, что меня так испугало!

– Успокойся, я сам доложу консулу об этом нападении. Но Лаций не заслуживает таких слов…

– Ты тоже его защищаешь? Ты тоже? Мне говорили, что у вас тут все друг друга прикрывают. Если бы я погиб, за это пришлось бы дорого заплатить. Всем вам! – почти кричал он.

– Тебя выбрали богом? – не сдержался Лаций. – Или ты потерял руки и голову? Что случилось, Брут?

– Меня выбрали в Сенате главным квестором, – сквозь зубы процедил тот, – и я не должен отчитываться перед старшим трибуном! – было видно, что дальше с ним разговаривать бесполезно.

– А я думал, что тебе сказали присматривать за любящими друг друга мальчиками… – презрительно бросил Лаций, потому что ненавидел самовлюблённых патрициев, которые считали, что весь Рим принадлежит им.

– Стой, стой, стой! – выкрикнул легат Теренций, заметив, что Брут готов броситься на Лация с кулаками. – Кстати, где сейчас эти молодые люди? С ними была девушка. Эмилия. Она не пострадала? – его взгляд задержался на Бруте, потом перешёл на Лация.

– Я отправил её и грека в лагерь в сопровождении гастата, – спокойно ответил он.

– Грека? Какого грека?

– С ней всё время был странный… э-э… молодой грек по имени Александр. Друг сенатора Мессалы Руфа, – снова пришлось говорить ему, потому что Брут отвернулся и сделал вид, что не участвует в разговоре. Ликторы, префекты и помощники молча стояли в стороне, так как ничего об этом не знали.

– Ах, он всё-таки приехал! – радостно воскликнул легат и как-то странно замолчал. На его лице застыла мечтательная улыбка, как будто он ждал встречи со своей любимой женой.

– Да, Мессала Руф послал его к тебе с поручением, – буркнул Марк Брут через плечо.

– Надеюсь, вы оба успокоитесь и снова будете друзьями, – примирительно произнёс легат. – Всё, уберите этих варваров! – приказал он охране. – Пойдёмте, быстрее познакомимся с нашими гостями, – с этими словами он первым поспешил выйти из палатки, а Лаций с недоумением посмотрел ему вслед, подумав, что раньше Теренций Юлиан старался тщательней скрывать свою любовь к симпатичным юношам.

Девушку и молодого грека нашли в деревне в одном из домов. Сообразительный гастат, увидев варваров, вернулся и спрятал их там. Лаций больше не видел ни этих двоих, ни остальных молодых римлян, которых сразу отправили в основной лагерь Цезаря. Правда, на следующий день Варгонт как бы невзначай сказал, что утренняя смена видела на рассвете десять всадников, среди которых был один странный рыжеволосый грек, сильно напоминавший вчерашнего гостя, купавшегося в реке с девушкой.

Оставив Варгонта в карауле, Лаций решил отвезти дикарку в деревню, которая всё ещё находилась в лагере. Ему не давала покоя мысль о том, откуда она знает их язык.

По дороге девушка рассказала, что её мать в юности убежала из большого города. Они долго жили в соседней деревне, которая сгорела много лет назад. Там её мать потеряла второго мужа. Через несколько лет погибли остальные дети, и выжила только она. Рассказ был настолько противоречивым и странным, что он, в конце концов, перестал слушать, думая только о том, откуда эта девушка, хоть и плохо, но всё же говорит на его языке.

Старуха уже пришла в себя. Она была дома, приводила в порядок своё убогое хозяйство. Посмотрев на своего спасителя, она ничего не сказала. Только кивнула дочери, чтобы та помогала ей и не стояла у входа. Так Лаций познакомился с Ларнитой и её матерью Валрой, странной колдуньей из странной деревни. И лишь позже он узнал, что своим знанием их языка юная Ларнита обязана именно ей. Старая Валра отлично понимала язык римлян, но не говорила Лацию, где и как его выучила.

Глава История Лация

Брут, как всегда, говорил много и слишком эмоционально. Сначала он пожаловался на легата Теренция Юлиана, который покрывал своих легионеров, затем на старшего трибуна Лация Корнелия Сципиона, из-за которого его, квестора Сената, чуть не убили, потом ещё на кого-то… Цезарь прятал улыбку в уголках глаз, стараясь не обидеть сына Сервилии[21], и молчал. Он помнил, какой умной и красивой женщиной была его мать, сколько в ней было силы и энергии, и удивлялся, почему боги так обделили этими достоинствами её сына. Когда Цезарь подарил Сервилии огромную жемчужину, купленную у Сергия Ораты[22] за шесть миллионов сестерциев, пол-Рима чуть не задохнулись в истерическом припадке ревности, а вторая половина задумалась, откуда у него такие деньги. Но взгляд Сервилии был полон такой искренней благодарности, что ему потом ещё целую неделю не удавалось вырваться из её дома. Хотя, он и не сильно хотел…

– …ведь так? – голос Брута замер.

– Что?.. – Гай Юлий вздрогнул, почувствовав по интонации, что это был вопрос.

– Но ведь ты накажешь его?! Не так ли? – нахмурив брови, потребовал Марк.

– Кого? Легата или старшего трибуна? – спокойно переспросил Цезарь, думая, что не зря несколько лет назад расторг помолвку этого горячего и не очень уравновешенного юноши со своей дочерью Юлией Цезарией. Он снова вспомнил горящие глаза Сервилии, которая во время отдыха между любовными утехами пыталась узнать его планы на будущее и постоянно настаивала на браке их детей. Но партия с Гнеем Помпеем[23] была намного выгодней и, как он сейчас видел, правильней во всех отношениях. Помпей стал его другом и, как ни странно, искренне влюбился в его дочь Юлию. В такое сложное время помощь Помпея в Сенате была бесценна. В отличие от него, Марк Брут был фигурой менее значительной и совсем невлиятельной. С ним почти никто не считался. К тому же, он не любил Юлию, и вряд ли смог бы помочь Цезарю в Сенате так, как Гней Помпей.

– Старшего трибуна, конечно! – донёсся до него голос Марка. – И легата. Обоих!

– Ах, да. Конечно, накажу, – усмехнулся Цезарь и покачал головой. – Обязательно накажу. Всех!

– Благодарю тебя. Мне приятно слышать эти слова, – не чувствуя подвоха, выдохнул, наконец, молодой аристократ и замолчал. – Эти варвары пришли за старухой, но напали на нас из-за Лация. Вот. И мы все могли из-за этого погибнуть.

– Успокойся, Марк. Ты ведёшь себя так, как будто не умеешь держать в руках меч, – впервые серьёзно ответил Цезарь. – Иди, мне надо встретиться с легатами, – вежливо прервал он разговор, показав взглядом на выход из палатки.

– Но если бы мы погибли… – попытался ещё раз возмутиться Марк Брут, но понял, что это бесполезно, и вышел.

Гай Юлий позвал ликторов и приказал разослать посыльных за легатами. Скоро должны были произойти серьёзные изменения, и ему необходимо было укрепить свою армию. Он чувствовал, что существование Римской республики близится к закату. Умелое управление торговыми отношениями и быстрое расширение границ в результате грандиозных военных походов привели к невероятному обогащению Рима. Но присоединёнными территориями надо было управлять так же быстро и эффективно, как и Римом. Сенат, к сожалению, этого уже делать не мог. Однако народ Рима привык к спокойной жизни и жаждал постоянных развлечений

[21] Сервилия Цепиона – римская матрона, любовница Юлия Цезаря, мать его убийцы Марка Юния Брута.

[22] Сергий Ората – известный инженер, изобретатель и торговец. Основал остреарий и произвёл модернизацию гипокауста.

[23] Гней Помпей Великий Магн – 106—48 г. до н. э. Римский государственный деятель и полководец.

и новых побед своих полководцев. Для побед необходимо было оружие, а платить за него Цезарь сам не мог. В этом ему помог старый патриций Марк Красс[24], который страдал тщеславием и жадностью и хотел в ответ получить поддержку на выборах консулов. Армия Цезаря набирала опыт, увеличивалась в размерах и превращалась в серьёзную силу не только в борьбе с варварами. И одним из наиболее способных и талантливых легионеров в ней был тот самый старший трибун Лаций Корнелий Сципион, которого требовал наказать Марк Брут. Лаций был храбрым воином и талантливым командиром, снискавшим почёт и уважение как среди простых легионеров, так и легатов. Его лично знал Помпей и, как и Цезарь, уважал за воинские и человеческие качества.

Лаций родился на Сицилии, в семье римского патриция, который после удачного подавления восстания в Этрурии был назначен Сенатом управлять одним из городов на севере острова. Однако, родившись там, он почти не помнил проведённое на острове время. Он был совсем маленьким, когда семья вернулась в Рим и там родители неожиданно умерли. Что с ними произошло, юноша знал только по скупым рассказам приёмных родителей, но те старались избегать подробностей. Во время их гибели Лаций с сестрой находились в загородном имении, которое отец купил вместе с домом. Сирот усыновили дальние родственники матери, у которых незадолго до этого умер от простуды маленький сын. Родить ещё одного ребёнка они так и не смогли. Это была дальняя ветвь известного рода Сципионов, и приёмные родители очень любили их. Вся семья по завещанию его отца жила в купленном им доме.

Лаций хорошо учился и много читал, но его всё время тянуло к оружию. Он мог часами выполнять упражнения на деревянных мечах и к пятнадцати годам уже добился больших успехов. Ему легко давался греческий, потому что половина учителей были греки. Все ученики в гимнасие знали наизусть отрывки из «Одиссеи» и принимали участие в беседах греческих философов и поэтов. Единственное, что ему не нравилось, это вникать в суть витиеватых рассуждений адвокатов, судей и их помощников. Но без ораторского искусства, которому учились именно в выступлениях на Форуме и, в основном, в многочисленных тяжбах с присутствием большого количества людей, обойтись было невозможно. Поэтому ему приходилось учиться праву и выступлениям так же настойчиво, как и воинскому искусству. Лацию трудно было смириться с мыслью, что в юриспруденции самый короткий удар может оказаться самым бесполезным и глупым. В отличие от фехтования на мечах…

Однако приёмный отец настаивал на изучении этой дисциплины, и Лаций скрупулёзно учился составлять документы на продажу коровы, которая была больна, но ещё могла давать молоко; купчую на продажу имения, но без земли, чтобы, при этом, виноградник остался в пользовании старого хозяина; закладную на выдачу ссуды мяснику в выгодном квартале города под такие проценты и на таких условиях, чтобы тот, в итоге не мог расплатиться и его имущество перешло к кредитору. Также его учили, как выступать в суде и составлять речи для защитника и обвинителя. Смирившись внешне, в душе юный Лаций, тем не менее мечтал о том, чтобы научиться владеть мечом и стать настоящим легионером.

Однажды он заступился за товарища на улице, и ему пришлось отбиваться палкой и камнями от трёх вольноотпущенников. Узнав об этом, друг его приёмного отца предложил ему поупражняться с гладиаторами. Несмотря на то, что приёмные родители были против, Лаций всё же пошёл с ним в школу гладиаторов, чтобы попробовать там свои силы. Тогда отчим заключил с ним соглашение, что он будет добросовестно изучать юридическое дело, а за это ему можно будет ходить к гладиаторам и учиться военному искусству. Год занятий в их школе заменил ему десять лет военной службы. Именно там он услышал самое главное правило, которому потом следовал всю свою жизнь: «Будь быстрее!». И Лаций старался во всём быть быст-

[24] Марк Лициний Красс – 115—53 г. до н. э. Древнеримский полководец и политический деятель, участник первого триумвирата, один из богатейших людей своего времени.

рее остальных. В школе жил тогда один старый одноглазый гладиатор по имени Зенон, которого не продали лишь потому, что он ещё мог носить воду молодым бойцам и убирать после них оружие. Как-то раз он подошёл к Лацию и подсказал, как бить коротким мечом снизу. Юноша попробовал, и у него получилось. Потом старик убедил его разучить несколько ударов по ногам, которые среди детей патрициев считались нечестными.

– В игре это, может, и нечестно, а в бою поможет, – криво усмехаясь, посоветовал ему опытный старик. Последнее, чему он успел научить Лация, был быстрый, короткий удар мечом в пах. Для этого надо было присесть и выпрыгнуть вперёд на полусогнутых ногах, чтобы выпрямленная рука с мечом превратилась в копьё. Таким неожиданным длинным ударом можно было достать противника, который стоял на расстоянии трёх—четырёх шагов. Там же Лаций узнал негласное правило гладиаторов, которое его сначала сильно удивило: «В бою правил нет». Но после нескольких десятков синяков и моря пролитых от обиды слёз, он всё-таки усвоил его и до конца жизни неукоснительно следовал. Впоследствии это не раз спасало ему жизнь.

Но в юности Лаций старался научиться не только этому. Он много читал и любил выступать перед своими товарищами, рассказывая наизусть тексты древних греков, которые давал ему раб-учитель из Греции. Друзья поначалу смеялись над ним, пока старшие педагоги не заметили, что его речь отличается правильным построением и грамотностью. С тех пор сверстники стали ему завидовать. Когда Лаций уже подрос, его способности заметили и стали просить о помощи, но занять государственную должность в Сенате или даже мечтать о том, чтобы стать сенатором он ещё не мог. Для этого нужны были либо очень большие деньги, либо военная слава. Для Лация оставался единственный выход – идти в армию. Именно здесь он понял, что его место среди этих грубых и отчаянных воинов, собранных в легионы со всех частей Римской республики. Во время долгих походов и стоянок в лагерях он любил расставлять камешки на земле и обсуждать с друзьями все детали тех боёв, в которых они принимали участие. Нередко он рассказывал им о больших битвах прошлого, и товарищи с замиранием духа слушали его полные счастья и горя слова. Даже о Сиракузах, где римляне потеряли много воинов, он рассказывал так, что грубые гастаты проникались уважением к неизвестному им Архимеду и его зеркалам, которые поджигали римские корабли. Но больше всего его воображение мучила битва с Ганнибалом при Каннах, где погибло более пятидесяти тысяч римских воинов и ещё двадцать тысяч были взяты в плен. Когда он рассказывал об этом, у него к горлу всегда подкатывал комок, и он сравнивал это сражение с теми битвами в Азии и Галлии, где войска Помпея и Цезаря теряли не более ста или двухсот человек. Слушавшие его воины проникались в эти моменты чувством невольного уважения к своим великим полководцам. Да, Лацию нравилось служить в армии, потому что здесь всё было предельно ясно: друг был другом, а враг – врагом, но никогда уже ему не было так тепло и спокойно, как в милом, беззаботном детстве, от которого в памяти оставалось всё меньше и меньше следов. А когда год назад пришло известие о смерти приёмных родителей, он долго переживал это, и даже лучший друг Варгонт не мог успокоить его.

Сестра вскоре вышла замуж за Тита Мария, представителя известного, но не очень богатого рода, у которого самым большим богатством была, пожалуй, слава его предков. Но она любила его, а в Риме в это время ещё нередки были случаи, когда замуж выходили по любви. Лаций был не против этого брака. Корнелия с мужем жила в их доме. Они часто ездили на виллу, где Тит занялся выращиванием винограда и земледелием. Сестра передавала Лацию небольшие денежные суммы от продаж винограда и зерна, но её жизнь в Риме стала совсем другой. Всё это постепенно отдалило их друг от друга, и Лаций, в конце концов, почувствовал, что остался совсем один. Поэтому он полностью отдался службе в легионе, где его заметил сам Цезарь. За многочисленные заслуги и храбрость Гай Юлий назначил его старшим трибуном.

К началу лета Цезарь уехал в Рим, оставив вместо себя префекта[25] конницы Верра. Варваров вблизи границ Римской республики пока не было, и легионеры занимались строительными работами и личными делами. После того как Лаций встретил Ларниту, он стал всё больше и больше времени проводить с ней в деревне. Многие его товарищи были удивлены этим, потому что знали, какие женщины заглядывались на него в Риме и других городах республики. Причём, среди них было немало замужних матрон.

Позже Лацию удалось узнать, что Ларнита была дочерью старой колдуньи, которая ещё совсем молодой пришла в эту деревню с маленькой дочкой из другого поселения и была принята старейшинами благодаря своим знаниям во врачевании людей и животных. Её дочь выросла в этом племени, превратившись в красивую, но своенравную и независимую девушку. Она унаследовала от матери красоту лица и стройность фигуры, переняла все знания и, благодаря постоянной жизни в полях и в лесу, со временем стала знать даже больше её. Ларните тоже понравился молодой римлянин, который ничего не боялся и часто приезжал в деревню один, без слуг и охраны. Однажды свидетелем их разговора стал старейшина племени Горк. Он всегда считал колдовство страшной силой и не удивился тому, что дочь колдуньи могла разговаривать с римлянином на его языке. Позже Лацию удалось добиться расположения упрямого и подозрительного Горка, подарив ему несколько ножей, топор и даже лопату, которая вызвала у старика неописуемый восторг. Лопата и топор в этих местах ценились больше золота. Когда Лаций приезжал в деревню, они с Ларнитой уходили к реке или в поле и проводили там время вдвоём, стараясь не попадаться на глаза местным жителям. Так было и на этот раз.

[25] Префект – военачальник, командующий одной из частей армии – всадниками, пехотой и т. п.

Глава Любовь дикарки

– А ты научишь меня так драться? – с искренним желанием спросила Ларнита, обняв Лация за руку и прижавшись щекой к плечу.

– Научу, научу, – шутливо ответил он.

– Нет, я тоже хочу так быстро, как и ты – раз, раз, и всё! – она схватила его короткий меч и стала с силой рубить высокую траву. Лаций смотрел на неё и думал, что она была единственным человеком, с которым ему было так легко и спокойно. И ещё весело. – Что смешного? – заметив его взгляд, с притворной сердитостью спросила она и прищурила глаза. В них промелькнула искра лукавства.

– Ничего. Ты слишком сильно сжимаешь пальцы и напрягаешь кисть, – Лаций показал ей, как надо держать меч.

– Нет, ты смеёшься! – крикнула Ларнита и бросилась на него, как тигрица. Он еле успел увернуться от её цепких пальцев и откатился в сторону.

– Прекрати! – ещё надеясь на спокойное продолжение, попросил он. Но всё было зря. Ларнита уже схватила его за шею, и они покатились по траве, причём Лацию пришлось приложить немало усилий, чтобы усмирить дерзкую воительницу. Она злилась, не в силах вырваться из его крепких рук, и обещала отомстить, но это были лишь слова. Потом они лежали рядом на берегу и смеялись, радуясь тому, что могут быть вместе в это утро.

Ларните всё больше и больше нравился этот широкоплечий римлянин с открытой улыбкой маленького ребёнка, который вёл себя с ней, как самый близкий человек. Она гладила его мускулистые руки с упругими мышцами, и не хотела верить, что когда-то он уйдёт в свой город, как говорила ей по ночам мать. Это щемящее чувство всегда заставляло её сжиматься в комок и закрывать глаза, потому что ей не хотелось, чтобы он увидел в них слёзы и боль.

Внешне Ларнита почти ничем не отличалась от других женщин деревни. Только кожа была немного светлее в тех местах, где её не коснулись солнечные лучи. Лицо, шея и руки были у неё бронзового оттенка, в то время как у остальных жителей деревни – землянисто-серого. В этом племени она уже считалась взрослой женщиной – ей было восемнадцать лет. Но никто из молодых мужчин не хотел брать Ларниту в жёны. Она была слишком не похожа на остальных низкорослых, покладистых и молчаливо послушных женщин. В отличие от коротконогих и ширококостных соплеменниц, она была стройная и высокая. Ларнита была почти на голову выше любой из них, всегда открыто смотрела в глаза и часто радовалась таким мелочам, которые жителям деревни казались глупостями: расцветающим деревьям, запаху трав, мычанью коров, с которыми она часто разговаривала, а ещё – грозе и молнии, что вообще было непонятно и страшно для остальных её сородичей. И тем не менее все мужчины невольно заглядывались на её сильную, полную энергии походку, радостно поддерживали её танцы криками на праздниках урожая и цокали языками, когда её молодое, разгорячённое тело мелькало в разрезах свободной накидки. Встретившись у дома или у реки, они бросали в её сторону короткие, многозначительные взгляды, а женщины злобно плевали на землю и люто ненавидели дочь Валры.

В тот день все были в поле, и они остались в лесу одни. Ларнита упала ему головой на грудь и радостно пощекотала под подбородком. Ей было хорошо. Лаций даже не мог вспомнить, когда он в последний раз так беззаботно смеялся. Наверное, только в детстве. В далёком детстве. Ещё с отцом и матерью. Это было так давно, что воспоминания были похожи на утренний туман, который рассеивался с первыми лучами солнца. Они исчезали всякий раз, как, только он пытался напрячься и вспомнить что-нибудь более чётко. Только смех, радостный смех остался у него в памяти, и больше ничего. Они всегда смеялись в семье. Тогда им всем было весело.

Вот почему Лаций так радовался этим встречам с Ларнитой. В этот день ему уже давно пора было уходить, но он не хотел торопить время. Они повстречались у реки всего несколько месяцев назад. Тогда она ещё плохо говорила на его языке и путала многие слова. Но за это время Ларнита многому у него научилась, и теперь он уже редко подшучивал над её ошибками в словах. Она рассказывала ему про травы и животных, и он с радостью узнавал для себя немало нового. Но больше всего Ларнита любила слушать его рассказы о Риме, его героях, битвах с варварами и завоевателями, карфагенянами и Ганнибалом. А когда Лаций описывал ей Азию и те страны, где люди одевались в жару, как зимой, и поклонялись огню, а женщины поражали плавными танцами и огромными глазами, она сжималась в комок и буквально впивалась в него горящим взглядом, сравнивая себя с теми далёкими красавицами и представляя, смогла бы она так же поразить его воображение, как они.

Лация тянуло к ней с каждым днём всё больше и больше. Поэтому, когда два дня назад временный командующий Верр приказал срочно приступить к постройке лагеря на другом берегу реки, Лаций очень расстроился, но старался сегодня не показывать это Ларните. Он сказал, что они увидятся через месяц, что постройка лагеря для легионеров дело не сложное и обычное, что они даже города строили, и ей надо просто тоже чем-нибудь заняться, чтобы время прошло быстрее. А потом они снова встретятся.

Но Ларнита только кивала головой и молчала. Она явно не слушала, что он говорит. Для неё важно было то, что они не будут видеть друг друга, а сколько, целый лунный месяц или два, об этом она не думала.

– Я чуть не забыла, – вдруг встрепенулась она. Её лицо стало неожиданно серьёзным и напряжённым. – Возьми вот! – она протянула ему медальон. – Это дала мне мама в детстве. На нём такой же знак, как и у тебя на плече. Она сказала, что я должна отдать его. Отдать тому, кто станет моим мужчиной. Я хочу, чтобы ты был моим, – Ларнита широко улыбнулась и надела ему на шею кожаный ремешок с круглым медальоном из странного дерева. Он был очень крепкий и прочный. И даже тяжелей, чем казался на вид. С обеих сторон были изображены три круга, похожие улиток, которые касались друг друга своими ракушками.

– Откуда он у тебя? Может, Валра знает?

– Не знаю, – пожала плечами Ларнита. – Не спрашивала. Хочешь, спроси сам. Когда она увидела у тебя на плече три круга, – Ларнита коснулась его плеча и показала на расплывчатую татуировку, – то долго потом мне что-то объясняла, но я так ничего и не поняла. Тебе лучше поговорить с ней самому. У неё тоже такой знак. Она сказала, что ты – великий воин и медальон принесёт тебе удачу и счастье. Большое счастье.

– Счастье? – удивлённо переспросил Лаций. Он чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна, но подумал, что Ларнита, наверное, что-то перепутала или не так поняла свою мать.

– Да, счастье, – кивнула девушка. – И ещё богатство. Он принадлежал великому воину. Самому главному в своём племени. Только не отдавай его никому. Этот талисман помогает только тем, у кого есть знак. Его нельзя сломать. Он очень старый. Кажется, мать говорила, что он старше, чем отцы отцов и их отцы в десяти поколениях в этом племени, – с несвойственной ей серьёзностью пыталась объяснить ему непонятные истины Ларнита. – Его сделали далеко-далеко отсюда. Там, где земля поднимается до самого неба и из неё вырывается огонь.

– Странно. Надо поговорить с Валрой, – с удивлением произнёс Лаций, глядя на странный круглый медальон, сделанный из неизвестного ему дерева. Он попытался его сломать, потом попробовал на зуб, но чёрный круг не поддавался. Тогда он провёл по нему мечом. На поверхности не осталось даже царапины. Он положил его на середину ствола упавшего дерева и несильно ударил мечом. Потом ещё сильнее. Когда после самого сильного удара медальон вошёл в кору вместе с лезвием, Лаций с недоумением взял его в руки и увидел, что тот не пострадал. Ларнита, которая до этого хранила молчание, рассмеялась.

– Как же здесь сделали отверстие? – недоумевал он.

– Я же тебе говорила, что его нельзя сломать. И ещё он не горит.

– Да, кажется, ты права, – пробормотал Лаций. – Но что это? Дерево? Железо? – его разбирало любопытство.

– Не знаю. Разве это важно? Он такой же сильный и непобедимый, как и ты. Пошли к реке, – она потянула его за руку вниз. Ларните хотелось, чтобы он снова посмотрел на неё, как раньше. Ей казалось, что этот медальон украл у неё любимого. – Пойдём, пойдём. Там лучше! – просила она. Лаций повесил медальон на шею и пошёл за ней вниз.

Они спустились к самой воде, постояли немного и зашли по колено в воду.

– Хорошо, – вздохнул он, наслаждаясь приятной прохладой реки.

– Пойдём, я покажу тебе, где живут речные белки, – предложила она.

– Кто? – не понял он.

– Идём. Там увидишь, – Ларнита повела его по воде вдоль берега к самому мосту. Одежда на ней намокла, и Лаций не мог оторвать взгляд от идущего впереди стройного и красивого тела, полного сил и радости жизни. Да, он знал, что Ларнита красивая, что в любви она полностью отдаётся страсти, становясь ещё красивее в своём полу животном желании, доводя его до безумства своей безграничной любовью. Он знал каждую частичку её тела, и сейчас, идя по мелководью, он не мог не смотреть на её сильные, напористые движения, на обтянутые мокрой тканью бёдра и спину, и, только когда под ногами вдруг исчезла тонкая полоска камней и его с головой накрыла холодная вода, это наваждение прошло. Ларнита уже была на берегу и заливисто смеялась, глядя, как Лаций, вынырнув, недовольно отфыркивается и быстрыми гребками плывёт к ней.

– Три шага от берега надо идти. Не подходи ближе, там глубоко и много деревьев в воде. И не отходи дальше. Там тоже глубоко, – она показала руками ширину прохода. Так Лаций узнал об этом водном пути к деревне, хотя раньше считал, что туда ведёт только одна единственная дорога – через мост и лес. Они забрались выше, и Ларнита, не стесняясь его, сняла своё намокшее длинное платье. Бросив его на ветви ближайшего куста, она села на ноги Лацию и прижалась к нему холодной спиной. Он обнял её за живот и поцеловал в затылок. Они лежали и смотрели на полупрозрачное небо, думая друг о друге.

Речные белки оказались простыми выдрами, но Ларнита радовалась им, как ребёнок. Они долго наблюдали за животными, лежа на небольшой поляне прямо над самой водой, и не догадывались, что это была их последняя встреча.

Глава Старая колдунья и медальон

Лаций вернулся в лагерь поздно вечером. Строительные работы начались ещё утром, но вместо него командовал Варгонт, который успевал работать и командовать за двоих. Строительство шло очень медленно, потому что тяжёлые брёвна приходилось переправлять с другого берега реки. Лаций с утра до самого вечера был занят в лагере. Оставшийся вместо Цезаря командующий Верр хотел показать всем, что за время отсутствия консула он сможет создать огромное укреплённое сооружение с водой и запасами не хуже, чем основной зимний лагерь римлян возле города Лукка. Легат Теренций Юлиан, командир Лация, уехал вместе с Юлием Цезарем в этот лагерь. Часть его легиона командующий Верр отправил на север, проверить слухи о появившихся там гельветах. Второй части было поручено обеспечить доставку воды из реки. Этим они и занимались, пока остальные легионеры возводили стены и копали рвы на другом берегу. Но закончить строительство лагеря они не успели…

Через неделю после встречи Лация с Ларнитой в их деревню прискакал отряд легионеров. Командовал им легат Теренций Юлиан, который после встречи с несколькими патрициями в Лукке неожиданно был отправлен Цезарем обратно. Среди прибывших в город римских аристократов был один человек, который в первый же день беспрепятственно встретился с Юлием Цезарем, после чего Теренцию Юлиану было приказано срочно вернуться назад. Никто не знал, о чём говорили Цезарь и этот патриций, но было ясно, что тот представлял интересы какого-то могущественного человека, которому Гай Юлий не мог отказать. Впрочем, после вечернего пира никто уже не помнил, что Цезарь какое-то время не выходил из своей палатки, заставив нескольких сенаторов и их слуг ждать в одиночестве. А на следующее утро все аристократы уж благополучно отправились в Рим.

В старом поселении галлов под названием Тарога уже давно стемнело, когда на пыльной дороге раздался стук копыт. Старейшина Горк сидел у огня и ел жидкое варево из грибов и полусырого зерна. Новое ещё не набрало силу, солёное мясо кончилось в прошлом месяце, и еды почти не осталось. Рыбы этой весной было мало, и когда она появлялась, её съедали прямо сырой. Два дня назад мужчины собрались на охоту. Они все ушли к дальним горам, где был густой лес и можно было найти добычу. По словам гадалки Валры, туда должны были прийти олени.

Увидев странных всадников с факелами, Горк отставил деревянную чашку в сторону и вышел недовольный из своей невысокой хижины. Ночью все предпочитали оставаться дома, чтобы не злить духов. Нахмурив брови, старик остановился у шеста с сеном. Всадники оказались римлянами. Их серые от пыли лица были похожи на кору деревьев под лунным светом – на всех застыло одно и то же выражение усталости и безразличия. Горк почувствовал, что их приезд не сулит ничего хорошего.

– Нам нужна ваша ведьма. Где она живёт? – коротко сказал главный, в шлеме с большим гребнем. Горк нахмурил брови и опустил голову. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Зачем им нужна старая Валра? Что она сделала? Или они хотят, чтобы она позвала галльских духов? Но римляне не верили в их богов. Валра нужна была его племени больше, чем римлянам. В душе Горк побаивался старуху, но без неё нельзя было пасти скот и собирать урожай и ещё задабривать злых духов. Это было самое важное. Если все посевы погибнут, им нечего будет продавать купцам из Рима.

– Ты что? Не слышишь? Где живёт ведьма? – устало повторил человек в плаще. В его словах не было злобы.

– Что случилось? Мы заключили с вашим Цезарем мир, – ответил старейшина.

Главный римлянин что-то резко ответил, и его воин перевёл:

– Нам нужна ведьма. Покажи, где она живёт, – на этот раз в голосе простого всадника прозвучало раздражение, передавшееся ему от командира. Старик вздохнул и взял прислонённую к стогу палку.

– Я покажу, – произнёс он, нахмурившись. По дороге к ним присоединились ещё несколько старых мужчин племени. Ничего не спрашивая, длинноволосые и длиннобородые, они молча брели рядом с Горком, бросая на римлян короткие, настороженные взгляды. Когда все дошли до последней хижины, за которой начинался поворот к реке, старейшина остановился и повернулся к всадникам.

– Зачем она вам нужна? – спросил он.

– Здесь? – вместо ответа спросил воин. Горк коротко кивнул и поджал губы. Главный римлянин что-то сказал своим воинам. Те спешились. Двое остались держать лошадей, а остальные направились к огромной накидке из коровьей кожи, которая висела на входе вместо двери. Старейшина обвёл взглядом своих сородичей и последовал за ними в жилище Валры.

В полутьме был виден только слабый свет прогоревшего костра и глубокие тени нехитрого скарба хозяйки: какие-то мешки с травой, сваленные в кучу обрывки кож, пучки трав и цветов. Он заметил протянутые к углям дрожащие руки старой женщины, чьё лицо не было видно из-за наброшенного на голову края грубой шерстяной ткани. От висевших везде кож сильно воняло тухлым жиром и проложенной между ними прелой травой.

– Вставай! – резко приказал римлянин в большом шлеме. Горк вошёл с ним и успел услышать это слово. Он удивился, что тот обращается к их гадалке на своём языке.

Ткань с головы старой женщины упала на спину, и все увидели её лицо: немного вытянутое, с удлинёнными скулами, которое когда-то, наверное, было красивым, но сейчас, в скудных отблесках небольшого огня глубокие тени искажали его выражение, делая зловещим и страшным. Эти тени увеличивали впадины в углах глаз и морщины вдоль носа по обе стороны рта. Верхняя губа была покрыта глубокими складками, которые напоминали потрескавшуюся кору дерева. Ровный нос с небольшой горбинкой казался бледным и почти прозрачным. Седые и редкие волосы жалко прилипли к голове и щекам, и от этого она казалась тщедушной и маленькой. Она держалась спокойно, и только в чёрных, немного навыкате глазах застыли невыносимая тоска и усталость. Для Горка и его сородичей Валра выглядела почти такой же, как всегда. Но то, что произошло дальше, поразило его и остальных старейшин племени ещё больше.

– Ты кто? – ровным, уверенным голосом спросила она римлянина. Старый Горк удивился, услышав звук незнакомой речи. Он знал, что дочь Валры встречалась с молодым легионером и разговаривала на его языке, но считал это настоящим колдовством, идущим от чёрной земли и кислого дыма мокрой травы, которую жгли осенью, чтобы на следующий год был хороший урожай. Но старая Валра… как она могла говорить на этом языке? Откуда она его знала? Пока он и старейшины удивлённо переглядывались, между ней и главным римлянином произошёл короткий разговор. Горк вспомнил, что молодой легионер в знак дружбы подарил ему прекрасный топор. Острый и не очень тяжёлый. Им легко было рубить деревья, и он удобно лежал в руке. Горк старался не расставаться с ним, потому что ни у кого не было такого топора, и он боялся его потерять. Он хотел рассказать им об этом, но римляне не обратили на него никакого внимания.

– Вставай! – вместо ответа произнёс главный воин, обращаясь к колдунье, и положил ладонь на рукоятку меча. Старая женщина улыбнулась.

– Ты меня боишься, сын Юлия? Слабую женщину? – с презрительной улыбкой спросила она.

– Откуда ты меня знаешь? – неожиданно смутившись, пробормотал тот.

– Теренций Юлиан, я знала, что он пришлёт за мной, но не думала, что это будешь ты. Ты был слишком молод, когда…

– Кто он? О ком ты говоришь?.. – растерянно спросил римлянин, но потом пришёл в себя, и резко выкрикнул: – Ты – колдунья! Мне сказали, что ты опасна. Возьмите её! – кивнул он легионерам.

– Не спеши! – прервала его Валра. Её взгляд бы таким решительным, что воины остановились. – Ты уверен, что тебе нужна именно я?

– Да, уверен, – римлянин наклонил голову. – Ты – Валерия Клавдия, двоюродная сестра Марка Сцеволы. Ты обвиняешься в убийстве, и тебя надо доставить в Рим.

– Женщин в Риме не судят, – усмехнулась колдунья. – И ты это знаешь. Как не судили и твоего отца. Его просто убили, как раба. Задушили в лодке, а потом выбросили в море. Сказали, что сам утонул. Ты разве не знал? – явно довольная произведённым впечатлением, улыбнулась она. – Спроси об этом тех, кто выполнял проскрипции Суллы.

– Хватит! Хватайте её! Ты специально отвлекаешь меня, – прохрипел Теренций, еле сдерживаясь, чтобы не кинуться с мечом на эту наглую женщину. Она вывела его из себя, но была нужна живой.

– Ты не сказал, зачем я тебе нужна, – всё таким же тоном продолжила она, когда легионеры схватили её за руки. – Может, ты ошибся, и тебе нужна другая женщина? – Валра смотрела на него с такой уверенностью и спокойствием, как будто здесь командовала она, а не он. Бедным старикам из деревни казалось, что в их колдунью вселился злой дух. Потому что никто не мог себе позволить так разговаривать с римлянами. Они невольно подались назад, к выходу, опасаясь, что сейчас произойдёт что-то страшное.

– Нет, не ошибся, нам нужна ты, – нервно дёрнул головой Теренций Юлиан. Он повернулся к Горку и спросил: – Она живёт здесь одна? – солдат перевёл.

– Нет, две, – тихо ответил старейшина, не понимая, что происходит. Никогда он ещё не видел, чтобы женщина так гордо и независимо разговаривала с мужчиной. Тем более, женщина их племени, которая, как он считал, всегда была с ними. Или не всегда?..

– Две? Как две? – переспросил римский начальник. – Как две? Кто вторая?

– Её дочь, – нахмурившись, ответил старейшина. Он смотрел на Валру, и ему казалось, что та вот-вот превратится в дикую птицу: худые руки, в которые вцепились два легионера, были разведены, как крылья, в стороны, грубая шерстяная накидка свисала с плеч, пряча в складках ткани тысячи теней от чахлого огня, а глаза напоминали глаза загнанного на охоте оленя – огромные, чёрные, выпуклые и полные отчаянного желания сражаться с охотниками до конца. Старик не мог оторвать от неё глаз, но тут римский командир снова что-то сказал своим воинам. Те сдёрнули с плеч женщины грубую ткань и придвинули её к слабому огню. Римлянин шагнул вперёд и наклонился к её плечу. На коже виднелся какой-то знак. Горк не понимал, о чём они говорят, но видел, что главный воин остался доволен.

– Да, это ты. Валерия Клавдия, этот знак на плече говорит, что нам нужна именно ты. Твоя дочь нам не нужна. Свяжите ей руки! Выводите, – устало закончил он и повернулся к выходу из убогого жилища колдуньи.

– Ты ищешь Хого, а не меня. Тебе нужен он, – пробормотала она. – Значит, тебя прислали за мной ради этого, да? Ему мало золота? Всё мало? – старуха резко дёрнула руки на себя, и солдаты остановились. Теренций Юлиан обернулся.

– Что стали? – бросил он легионерам. – Ведите. Не слушайте её глупости.

– Ну тогда спроси у него, кто убил твоего отца. И спроси, за что. Узнай, кто после его смерти купил ваше именье за Марсовым полем! Твоё именье, нищий Теренций! – она расхохоталась диким смехом, и даже римлянам стало не по себе от её резкого высокого голоса.

Когда колдунью увели, Теренций Юлиан подошёл к старейшине Горку.

– Где её дочь? – спросил он.

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Всегда была тут, с матерью Раньше уходила с одним римлянином. На реку. Его нет. Он не был здесь уже много дней.

– С каким римлянином?

– Я не знаю его имени, – пожал плечами старик.

– Теренций, я его знаю. Это Лаций Корнелий Сципион, – вмешался легионер, который переводил слова Горка. – Он часто сюда приезжал к молодой колдунье. Я её тоже видел. Она страшнее матери. Злая. Смотрит страшно. Убить может.

– Лаций? Мой старший трибун? – с лёгким удивлением переспросил Теренций и посмотрел сначала на легионера, а потом – на старейшину, который не понял ни единого слова, кроме имени молодого римлянина, с которым встречалась дочь колдуньи.

– Да, он, – кивнул всадник.

– Лаций? Мой дорогой и наивный Лаций… Так вот, куда он всё время ездил с Варгонтом! Теперь мне всё понятно. Но что он нашёл в этой грязной колдунье? Хотя он и сам по рождению…, – задумчиво протянул легат, но уже через мгновение его лицо снова стало серьёзным. – Ладно, сейчас это неважно. Ты скачи вперёд, в Лукку, предупреди, что мы везём её.

– Скачи, скачи, гонец смерти, – раздался позади голос старой колдуньи. Теренций недовольно повернулся и сделал резкий жест рукой двум воинам, которые пытались посадить её на лошадь.

– Свяжите ей руки и перекиньте через спину лошади, – раздражённо добавил он. – Быстрее. Нам дней десять скакать до Рима.

– Ты ещё пожалеешь об этом, – глухим голосом произнесла Валра. Она вдруг обмякла, как будто потеряла жизненные силы, и после этого они легко забросили её костлявое тело на лошадь. Там она вдруг встрепенулась и повернула голову в сторону легата: – Ты так и не смог стать достойным сыном своего отца. Ты умрёшь в безвестности. Боги смеются над твоей трусостью, Теренций Юлиан. Скоро, уже скоро… Я слышу скрежет железа. О, этот звук! Это Парки занесли ножницы над нитью твоей судьбы. Бедный Теренций… – еле слышно прошептала старая гадалка, которой, видимо, уже совсем не хватало воздуха. Она ткнулась щекой в жёсткие волосы на рёбрах лошади и замолчала.

У поворота к реке стояли несколько невысоких сутулых мужчин с длинными седыми волосами и заросшими лицами. Они хмуро смотрели вслед ещё не осевшей пыли, которая плавно клубилась над узкой дорогой в эту безветренную погоду. Луна, наконец, полностью вышла из-за кромки леса и ровным холодным светом накрыла всю деревню, пустой дом старой колдуньи и медленно оседавшую на дороге ровным слоем пыль. На небе не было ни единого облака, и в такую погоду было хорошо видно, что происходит вокруг. Но никто из стариков не видел, как плавно качались за поворотом ветви высокого дерева и из листвы смотрели на дорогу чьи-то внимательные и сосредоточенные глаза. Даже старая гадалка не видела их, потому что была привязана поперёк лошади и хрипло охала при каждом резком движении животного. Только под утро серая тень медленно спустилась с дерева и, низко припадая к земле, проскользнула в покинутый дом. На угли уже почти остывшего костра легли несколько кусков коры и сухие ветки, и к медленно разгоравшемуся огню протянулись две тонких руки.

Всё произошло так, как и предупреждала мать. Ларнита была готова к этому, но всё же не могла сдержать слёзы. Они текли по щекам двумя тонкими ручейками, и она вытирала их плечом, на котором виднелся такой же, как и у неё, странный витиеватый знак – три круга, похожие на ракушки улиток.

Через десять дней в деревню прискакали кимвры и ещё какие-то варвары из других северных племён. Их было много. И им тоже была нужна «старая колдунья». Узнав, что её увезли римляне, их вождь сильно разозлился и чуть не убил Горка, но ему вовремя сказали,

что в деревне осталась дочь старухи. Когда её притащили, он задал ей только один вопрос, но Ларнита в ответ лишь покачала головой. У неё не было того, что он искал. А сама девушка была ему не нужна.

– Отдай мне талисман! Он принадлежит мне по праву, – пригрозил он. – Иначе я сожгу всю деревню.

– Лучше сожги меня, – тупо глядя куда-то вдаль, ответила Ларнита. – У меня его нет.

В этот момент из толпы жителей раздался голос:

– Она отдала его римлянину!

Вождь варваров резко посмотрел туда, но потом повернулся к девушке:

– Это так? Ты отдала его римлянам? – прошипел он.

– Какая разница? – пожала плечами она. – У меня всё равно ничего нет.

После этого кимвры нашли того, кто кричал, и забрали его с собой. Старейшине Горку приказали привести всех лошадей и коз. Когда они уехали из Тароги, мужчины племени стали совещаться, что делать дальше. Так как у них был мир с римлянами, они решили просить их о защите. Вскоре из деревни ускакал гонец, прямо в ночь, хотя раньше после захода солнца никто из жителей этого не делал.

От римлян прибыл отряд всадников. Они выслушали рассказ старейшины Горка, и главный воин сказал, что передаст его слова своему командиру, Марку Корнелию Верру, который остался в лагере вместо Цезаря. После этого римляне долго не появлялись в деревне. Почти месяц. Зато вместо них снова появились кимвры. Они были очень злы. Опять приказали собрать всю еду и забрали последние припасы. Старейшина Горк слышал, как они обсуждали нападение на римский лагерь и говорили о своей победе. Поэтому он решил подчиниться и молчать. Весна только закончилась, трава ещё не набрала силу, и в лесу почти не было еды. Запасов совсем не осталось, потому что прошлой осенью родилось много детей. Горку было не до борьбы. Семь дней подряд женщины по ночам носили остатки зерна, сухих грибов и ягод в лес, а утром делали вид, что собирают последнее для кимвров. Горк был рад, что те ели и пили больше, чем наблюдали за сбором продуктов, и всё было бы хорошо, если бы неожиданно в деревне не появился этот молодой римлянин.

Глава Ночной бой с варварами

Привычную тишину ночного лагеря разорвал отчаянный крик караульного:

– Варвары!… Вар-ва-ры… ааа-рыыы!!!

Лаций только недавно заснул, и сначала этот резкий голос показался ему частью сна. Но уже через мгновение он был на ногах, лихорадочно застёгивая пояс с мечами. Со всех сторон раздавались крики людей и ржание лошадей. В ещё не остывшем после знойного дня воздухе стоял запах сухой горькой пыли.

– Будь ты проклят, Верр! – донёсся до него голос Варгонта. Тот стоял рядом с палаткой. В одной руке у него был факел, а в другой – меч. В двух шагах справа, у столба, лежало тело часового. Варгонт крутил головой из стороны в сторону, пытаясь определить, откуда произошло нападение. Но варвары, казалось, были повсюду – крики неслись со всех сторон.

Почему-то нигде не было видно ликторов. Лаций остался командовать легионом вместо легата Теренция, и ему срочно надо было найти горнистов, чтобы собрать вокруг себя легионеров. Однако сделать он этого не успел…

Префект Марк Корнелий Верр, назначенный Цезарем командующим на время своего отсутствия, не стал слушать возражения легатов и приказал разделить войско на две части. Оба лагеря он приказал расположить на противоположных берегах реки. Разведчики не раз докладывали ему, что видели варваров. И хотя до ближайшего римского гарнизона было два дня пути, Верра это не остановило. Он всё равно приказал строить второй лагерь. Разделять легионы было глупо и опасно. Воины потратили две недели на переправу и возведение ограды и ещё не успели закончить рвы…

– Сзади! – заорал Лаций, увидев, как со спины на Варгонта надвигается большая тень лошади, но тот не услышал. Ему повезло – тяжёлое копьё просвистело над головой и с силой вонзилось в пустую палатку. Варгонт ткнул факелом в морду лошади. Та встала на дыбы, не удержалась и рухнула на спину, придавив собой всадника. Он сразу добил его коротким мечом. Где-то впереди слышались дикие визги, стук копыт и стоны раненых. – Это у передних ворот! – крикнул Лаций – Бегом к горнистам! Команда – отход к реке. Прямо к броду! – сам он повернулся в сторону привязанных лошадей.

– Горнистов убили! – крикнул Варгонт, и, как бы подтверждая его слова, над лагерем раздался короткий звук рожка, который неожиданно оборвался. Лаций стиснул зубы, видя потери: его ликторы и слуги были убиты прямо у палатки. Сделав шаг в сторону, он споткнулся о какую-то палку, схватился за неё и почувствовал древко копья. Навалившись на него всем телом, чтобы встать, Лаций попытался выпрямиться, но вдруг услышал стон. Руки сами опустились вниз. Он вздрогнул, коснувшись скользких пальцев, сжимавших основание копья. На земле лежал пехотинец, копьё пригвоздило его к земле. Это был часовой их ряда. Совсем рядом послышался стук копыт. Лаций поднял голову и еле успел увернуться от удара. Меч просвистел прямо над головой, и мимо проскакал взлохмаченный всадник. Лаций рванулся к шестам. Однако лошадей там уже не было. Сверху по плечу ударило что-то тяжёлое, похожее на копьё. Он успел схватиться за древко рукой и резко рванул его на себя. Сзади раздался злой крик и глухой звук упавшего на землю тела. Но в темноте ничего не было видно.

Где-то неподалёку вспыхнул огонь. Край пламени выхватил из тьмы небольшую чёрную лошадь, с бешеными глазами и оскаленной пастью. Она была совсем рядом. Всадник в шкуре и шапке схватил её за гриву. Ещё мгновение, и он будет верхом! Лаций рванулся вперёд. Невдалеке загорелась ещё одна палатка. Блик пламени осветил бок лошади. Варвар уже запрыгнул животом ей на спину и начинал закидывать ногу. До него было не более двух локтей: гряз-

ное, волосатое колено согнулось, пятка упёрлась в круглые бока лошади. Лаций резко полоснул мечом по икре. Нога в кожаном сапоге дёрнулась вверх, раздался короткий вскрик. Второй удар пришёлся варвару прямо под локоть, в бок. Пальцы на рукоятке сразу стали липкие и скользкие. Кровь, как и ночь, была густой и чёрной. Тело врага медленно стало заваливаться набок и упало ему на плечо. Лаций отшатнулся, стараясь схватить лошадь. Невдалеке послышалось ржание ещё одной лошади, скорей всего, раненой. Стоявшее перед ним животное вздрогнуло от этого звука, наступило несколько раз на тело своего бывшего хозяина, развернулось и несколько раз всхрапнуло. Лаций вытер ладони о жёсткую гриву и забрался на лошадь. Впереди показались несколько всадников. Это были варвары. От разгоревшихся палаток стало светлее. Один из нападавших выделялся крепким телосложением и шапкой из светлого меха. Увидев Лация, он странно наклонил голову, как будто присматривался к нему, потом вытянул руку вперёд, постучал несколько раз по груди и что-то крикнул своим воинам.

– Хого! Хого! – громкими гортанными голосами повторили они. Двое сразу рванулись вперёд, но сбавили ход – им мешали горящие палатки. Лаций не стал ждать, пока они обогнут их, и ринулся навстречу. Первый всадник не успел развернуться и сам подставил спину под удар; второй, оскалив зубы, стал отчаянно размахивать мечом из стороны в сторону, и Лацию пришлось прижаться к гриве, чтобы избежать удара. Рассвирепевший дикарь так хотел достать его, что опасно перегнулся и чуть не упал. Пытаясь выпрямиться, он схватился за шею своего коня, и тот стал крутиться на месте. Лаций не мог достать всадника, но круп его лошади оказался совсем рядом. Он ткнул в него мечом изо всех сил. Животное дёрнулось и заржало от боли, варвар, не удержавшись, упал на землю. Однако впереди был ещё один всадник. Лаций почти достал его, но тот в последний момент увернулся, и лезвие рассекло только кожу на плече и бедре. Решив не добивать его, Лаций развернул лошадь и поскакал в проход между догорающими палатками. Выскочив к дальним воротам лагеря, он наткнулся на несколько варваров, которые прижали к стене около десятка римлян.

– Видуус[26]! – прошептал он имя бога смерти, держась одной рукой за гриву, а другой стараясь вытереть ладонь и удержать меч. Дальше всё закружилось, как будто боги устроили водоворот смерти. Варваров было около десятка, но они не видели его. Он напал на них сзади и стал рубить чёрные спины в мохнатых шкурах, крупы лошадей, ноги и головы. Пламя уже охватило почти все палатки. Когда они превратились в огромный костёр, только тогда нападавшие заметили, что на лошади сидит враг. Его меч рубил всё подряд. Лошади вставали на дыбы, обезумев от боли и роняли на землю своих всадников. Лаций в душе ещё раз поблагодарил богов и кузнеца из Дертона, который после долгих уговоров всё-таки сделал ему этот меч.

Опешившие пехотинцы пришли в себя и кинулись на помощь. Несколько оставшихся в живых варваров предпочли ускакать. И тут Лаций заметил Варгонта.

– Ты, прямо, как Юпитер… – прохрипел центурион.

– Спускаемся все к реке! – вместо ответа приказал он. Но на берегу не было видно ни одного римлянина. Только чёрные тени всадников. Загнав лошадей по самое брюхо в воду, они добивали спасавшихся вплавь легионеров. Идти туда было нельзя, а переплывать здесь, в самом широком месте – очень опасно. Но выхода не было.

– Плывём! – наконец, принял решение Лаций. Все бросились в воду, и только Варгонт задержался. Он плохо плавал, хотя и учился вместе со всеми уже довольно давно.

– Я сейчас… Ты плыви! Я догоню… Сейчас… – отрывисто повторял он.

– О, боги, только не это… – прошептал Лаций. – Намотай на руку и держись! – он протянул ему поводья лошади. Центурион молча схватил рукой кожаные ремни, взял лошадь за гриву и шагнул в воду. Лаций ткнулся коленом о твёрдый предмет. Это был мёртвый гастат. От толчка его тело перевернулось, и вместо лица показалась сплошная зияющая рана: череп

[26] Видуус – бог, отделявший душу от тела (римск.).

был разрублен сверху от волос до самого глаза, который свесился на щёку и, как живой, косил в сторону. В свете луны этот белый круг выглядел зловеще. Перекошенный рот напоминал заброшенный колодец. Он смотрел в небо чёрными губами, застыв в последнем крике. Лаций оттолкнул труп в сторону и шагнул в глубину. Сзади послышался стук копыт и гортанные голоса варваров. Надо было торопиться. Холодная вода накрыла его с головой. Один из всадников, загнав коня в воду по брюхо, с досадой прокричал что-то вслед и, видя, что не может достать уплывающих римлян, ткнул мечом один из трупов. Раздражение хозяина передалось его коню: тот встал на дыбы и заржал.

Лаций слышал голос лошади и шум воды, но они уже отплыли от берега на десять—пятнадцать шагов и теперь их могли достать только стрелы или копья. Но стреляли по ним или нет, он уже не видел, стараясь грести как можно быстрее. Оглянуться он позволил себе только на другом берегу. Варгонта нигде не было. Лошади – тоже.

– Варгонт! – громко позвал он. Никто не ответил. – Варгонт, ты где? Варгонта не видели?! – стоя по колено в воде, кричал он тем, кто стоял или сидел рядом. Кашляя и тяжело дыша, легионеры уныло качали головами.

– Один не доплыл на лошади. Совсем рядом утонул. Вон там, – сказал кто-то сбоку. Лаций развернулся к реке.

– Ты куда? – раздался сзади испуганный голос.

– Варгонт, – пробормотал он. – Варгонт там…

Лаций нырнул в том месте, где должен был плыть центурион. До дна было недалеко. Ему повезло, что там не было течения. Огромное тело лошади оказалось совсем рядом. Она не шевелилась. Лаций на ощупь проплыл вдоль тела: хвост, спина, грива, уши, опять спина. Пришлось вынырнуть и сразу нырнуть обратно. Он нашёл копыта, ил и песок, голову лошади и туго натянутую уздечку! Пальцы потянули её и нащупали сжатый кулак с намотанным кожаным ремешком. Рывок, ещё один. Грудь, казалось, вот-вот разорвётся от нехватки воздуха. А он крутил и крутил эту скользкую тонкую кожу, пока она, наконец, не соскользнула с неподвижной руки. Лаций рванул её вверх, схватил голову, запустил пальцы в волосы и из последних сил потащил её вверх. Это был Варгонт.

Их подхватили ещё в воде. Прямо на берегу ветераны сложили неподвижное тело Варгонта пополам и стали давить на грудь и живот. Легионеры старались изо всех сил. Когда его друг выплюнул изо рта струю воды и захрипел, как раненая лошадь, Лаций впервые слабо улыбнулся. Затем развернулся и поплыл обратно, помогать другим. В этот день ему удалось вытащить из воды ещё одиннадцать человек. А через два дня из Рима вернулся Гай Юлий Цезарь. Префект Марк Корнелий Верр, разбивший войско на две части, был арестован и отправлен в Рим.

Всю неделю Лаций не мог отлучиться из лагеря. Как, впрочем, не мог это сделать и целый месяц до этого. Он собирал раненых и убитых, организовывал расположение своего легиона в старом лагере, выезжал с разведчиками вверх по реке, но всё это время он с нетерпением ждал возможности съездить в Тарогу, где оставил свою юную дикарку. Вспоминая Ларниту, он сжимал круглый талисман, который она подарила ему во время последней встречи, и улыбался, представляя, как снова обнимет её и увезёт к реке.

Прощаясь со своими погибшими товарищами, легионы построились перед лагерем. После жертвоприношений Цезарь сам поднёс огонь к первому помосту. Маленький огонёк перебежал от факела к мелким веткам и постепенно охватил большие стволы. С треском и шипением пламя постепенно распространилось по всем погребальным алтарям.

– Легионеры, враг всегда беспощаден и всегда старается напасть неожиданно. Они боятся нас. Двери двуликого Януса[27] не закрываются в Риме уже много лет. Поэтому мы и находимся здесь. Сорок лет назад, кимвры, тевтоны, херуски, маркоманы, тигурины были разбиты здесь Гаем Марием, но теперь варвары снова становятся опасны. И вы все это видели. Однако римская армия сильнее их. Её нельзя победить, пока есть такие воины, как Лаций Корнелий Сципион! – торжественно произнёс он. – Подойди! – позвал он его. – За спасение боевых товарищей награждаю тебя дубовым венком[28]! За мужество и храбрость воины дают тебе прозвище Фиделий[29].

– Благодарю тебя, Гай Юлий Цезарь, – склонив голову, ответил Лаций.

– Народ Рима благодарит тебя и гордится тобой! Подними голову и восславь богов! Ты спас двенадцать человек!

– В душе я считаю тех, кого не спас, – ответил он.

– Похвально… – Цезарь покачал головой и возложил ему на голову самую главную награду римской армии. Добавить было нечего. Воины прониклись его словами и тем примером, который показал им этот храбрый префект. Оставалось только пожелать, чтобы Лаций поскорее стал легатом вместе своего слабовольного и трусливого командира – Теренция Юлиана.

[27] Янус – древнеримский бог начала. Изображался в виде двух голов, смотрящих в разные стороны. В Риме стояли ворота двуликого Януса, которые открывали, когда римляне с кем-то воевали, и закрывали, когда война прекращалась.

[28] Гражданский венок из дубовых листьев (Corona civica), высшая награда для любого легионера вне зависимости от его звания.

[29] Верный.

Глава Прибытие нового легата из Рима

Через несколько дней в сторону гельветов и кимвров были посланы большие группы разведчиков, а в лагере стали готовиться к походу на север. Там, по мнению Цезаря, вскоре должны были сосредоточиться основные силы варваров. Снаряжение, обувь и оружие проверяли несколько трибунов. Все легионеры были подготовлены хорошо, поэтому во второй половине дня центурионы построили легионеров перед забором лагеря и стали отрабатывать движение строем, выполнение команд под звуки рожка и тренировочные бои в парах. Лаций тоже присоединился к ним, с радостью показывая, как надо двигаться и закрываться щитом, бить по ногам и даже несколько раз показал, как кидает меч и нож. Во время перерыва между упражнениями он скинул нагрудник, шлем и пояс и присел с Варгонтом у въездного столба, в нескольких шагах от караульных у ворот. Они были в одних туниках, пот тёк по лицу, плечам и рукам и в таком состоянии от пехотинцев их не отличало ничего, кроме обуви. Через некоторое время внимание Лация привлекло движение на дороге. Вскоре к воротам подъехали несколько всадников в дорогих туниках и нагрудных щитках, покрытых золотом. У одного шлем был даже разукрашен золотыми звёздами. Они ярко блестели на солнце и неприятно слепили глаза.

– Арделионы, – процедил сквозь зубы Лаций.

– Да нет, ты ошибаешься, – с наигранной серьёзностью громко заметил Варгонт, который уже давно искал повод, чтобы развлечься. – Это важные люди. Они приехали сюда прямо из Рима. Я даже вижу пыль Марсова поля на копытах их лошадей! Наверное, выехали сразу после праздника в его честь. Смотри, даже костюмы не сняли. Правда, мечи, наверное, деревянные, но зато лица радостные. А может, это чьи-то слуги или бродячие артисты? Как ты думаешь?

– Нет, на артистов не похожи, – подыграл ему Лаций. – Хотя, кто его знает! Может, от мамы с папой сбежали… поиграть в легионеров. Но скоро пройдёт, – прищурив глаза, спокойно добавил он.

– Главное, когда появятся варвары, надо успеть снять такой роскошный шлем с головы. А то оторвут его вместе с башкой, – иронично заметил Варгонт. Он небрежно бросал камешки в столб и даже не пошевелился, когда возмущённые всадники, прекратив разговаривать с караульными, резко повернулись в их сторону.

– Эй, ты! – надменно окликнул Варгонта хозяин шлема со звёздами. – Слышишь, гастат, я обращаюсь к тебе! – копыта его лошади уже были в полушаге от ног Варгонта, но тот бросил очередной камешек и только после этого небрежно поднял взгляд вверх. Лаций отвернулся, чтобы скрыть невольную улыбку. Немногие трибуны ходили в простых туниках и без помощников. Он знал, что сейчас они с Варгонтом больше напоминали двух отдыхающих от службы пехотинцев, чем центуриона и трибуна. Правда, у Лация были высокие калиги, но всадник их, видимо, не заметил.

– Твоя лошадь загораживает мне солнце! – с наигранным возмущением произнёс Варгонт.

– Что?! – в бешенстве воскликнул аристократ и так сильно сжал бока лошади, что та встала на дыбы и заржала. Лаций знал, что будет дальше, поэтому поджал ноги и приготовился быстро встать. Всё произошло так, как он и предполагал: когда лошадь подняла передние ноги вверх, невысокий Варгонт резко бросился ей под брюхо, упёрся плечами и на мгновение оторвал её от земли вместе с всадником. Перепуганное животное задёргало ногами и стало заваливаться на бок. Молодой всадник успел соскочить на землю и тем самым избежал сильного увечья, только немного ударил локоть и колено.

– Эта лошадь стоит дороже, чем сто таких, как ты, – уже с меньшим пылом, но всё же злобно выкрикнул он. Позади появились четыре сопровождавших его ликтора. Оказывается, это был легат, но Варгонта это не остановило.

– Я с удовольствием поймаю эту лошадь в германском лесу, когда на ней уже не будет всадника, – рассмеялся он. Оскорблённый хозяин покрытого звёздами шлема сделал жест ликторам, и те выдвинулись вперёд.

– Легат! – резко и громко крикнул Лаций. Он знал силу своего голоса, который помогал ему на поле боя собирать легионеров в боевые ряды. Хозяин «звёздного» шлема и четверо ликторов вздрогнули и повернули головы в его сторону. Лаций кивнул на столб: – Смотри!

Короткий меч, сделав один оборот, с силой вонзился в плотное дерево. В воздухе раздался звонкий дребезжащий звук. Если бы вместо столба стоял человек, то лезвие пронзило бы его насквозь. По лицам ликторов было видно, что они впервые видят такой трюк. До Лация донеслись их приглушённые голоса: «Как это? Как это?»

– Ты кто? – нахмурил брови всадник.

– Неважно, – ответил Лаций и положил руку на рукоятку второго меча. – Мне не надо бегать за врагом. За ним бегает мой меч, – он позволил себе, наконец, широко улыбнуться.

Сзади послышались голоса – это из лагеря вернулся караульный. За ним подъехали ещё два легата и их слуги. Один из них увидел помпезного всадника и сразу направился к нему.

– А, Юлий Клавдий, ты опять нашёл, с кем повздорить, – с улыбкой произнёс он. Заметив стоявших рядом Лация и Варгонта, он на мгновение замолчал, скривил лицо, потом увидел меч в столбе и покачал головой. – Тебе повезло. Мог бы сегодня и не доехать до Цезаря, – тихим голосом заметил он.

– Что ты говоришь, Серпилий! – возмутился всадник. – Эти нахалы посмели напасть на меня и моих людей. Они даже повалили мою лошадь и теперь угрожают мне оружием!

– Юлий, – понизив голос и приблизившись к всаднику, произнёс легат, – не надо так громко кричать. Перед тобой два человека в туниках, без оружия и охраны. Со стороны ты выглядишь смешно. Как они могут тебе угрожать? Но тебе повезло… старший трибун Лаций Корнелий Сципион – лучший старший трибун в армии Цезаря, а центурион Варгонт – его лучший друг, – процедил он сквозь зубы. – Если бы они напали на тебя, я бы с тобой уже не разговаривал, – пожилой римлянин растянул губы в тонкой улыбке, покачал головой и повернулся к Лацию. – Ты кого-то ждёшь, Лаций Корнелий? – вежливо спросил он.

– Благодарю тебя, Серпилий! Мы проверяли гастатов и оружие по приказу легата Теренция Юлиана, – ответил Лаций, вынимая из столба меч.

– Он только что вышел от Цезаря. Если он тебе нужен, поспеши! Кажется, он будет занят до самого вечера, – легат показал рукой в сторону ворот, – Удачи тебе! – Серпилий повернулся к всаднику с золотым шлемом и сказал: – Идём, Цезарь уже ждёт тебя. И постарайся больше не делать глупостей, – уже тише добавил он.

– Да что тут происходит? Я – гражданин Рима! Клянусь богами… – попытался возмутиться тот, но ликтор схватил его за локоть и с силой сжал. Молодой аристократ залился краской, открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент его кто-то окликнул и оскорблённый всадник решил отложить свой спор с двумя дерзкими легионерами на потом.

Легат Теренций Юлиан стоял возле палатки и читал короткий свиток, когда к нему подошёл Лаций:

– Теренций, слава богам, я успел тебя найти!

– А, это ты, мой дорогой Лаций… – с отеческой заботой, за которой проглядывалось гораздо больше, чем просто уважение, ответил тот, но Лаций только вздохнул. Он уже привык к постоянным намёкам и долгим взглядам легата, который испытывал к нему особую симпатию. Лаций принадлежал к небольшому количеству легионеров, которые не тяготели к неесте-

ственной любви между мужчинами даже во время походов. В детстве он слышал, как в соседнем доме дико кричал раб-подросток, которого наказали за то, что он не захотел ублажать своего хозяина. Патриций решил повеселиться с друзьями и потребовал, чтобы юный раб удовлетворял его гостей по очереди, пока они пировали. Что произошло потом, точно никто не знал, но говорили, что мальчика до смерти забили палками. Лацию повезло, что он узнал об этом случае от помощницы мачехи, рабыни Миолы. Та рассказала ему об этом без всяких подробностей. Она сыграла в его судьбе очень важную роль и была первой женщиной, с которой он узнал, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной. Ей было около тридцати, ему – чуть больше четырнадцати. Нежность и забота случайно переросли в близость. Об этом никто не знал, но когда Миолу продали, Лаций сильно переживал, и ещё долго хранил в душе наивную юношескую любовь к этой женщине, которая волею богов, сначала была для него почти матерью, а потом – любовницей и другом. Однажды в походе Помпея один центурион обозвал его «сладким мальчиком» и при всех легионерах положил ладонь на колено, намекая на близость. Лаций отбросил его руку и вынужден был защищаться кулаками. Ему немало досталось, но и центурион потом две недели пролежал в палатке, находясь между жизнью и смертью. Сразу после этой стычки Лаций познакомился с Варгонтом. Тот видел всё с самого начала и, когда дело дошло до драки, не дал товарищам любвеобильного центуриона прийти ему на помощь. С тех пор они с Варгонтом всегда были вместе, что тоже было иронией судьбы, потому что в римском войске отличить дружбу от любви было практически невозможно.

Теренций знал об этом происшествии, но считал, что время всё меняет. Он был старше Лация и умел ждать. В его отношении к молодому трибуну всегда сквозило лёгкое снисхождение. Он старался сделать так, чтобы Лаций ему доверял и полагал, что между ними установились хорошие отношения. При этом он всё время рассказывал ему, как нежно относится к своему молодому брадобрею, который каждое утро на рассвете приводил его лицо и волосы в порядок и отвечал ему взаимностью.

Легат Теренций Юлиан служил Риму верой и правдой в той степени, которой они не угрожали его жизни. У него был свой покровитель в столице, с которым в прошлом его связывали близкие узы любви и который благодаря своим связям спас ему жизнь во время проскрипций Суллы, а потом помог жениться на красивой и богатой вдове Лауре Киприниии. Поэтому Теренций всегда выполнял его просьбы, которые были, скорее, приказами. Они, порой, казались ему странными, но это не нарушало воинской дисциплины и не мешало службе. Теренцию не нужна была слава великого полководца, он устал от постоянной борьбы с более сильными противниками в политической жизни Рима и решил попытать удачи в армии. Стать консулом в Риме у него не получилось. Его считали слишком бесхарактерным и даже трусливым. Более того, он не преследовал тех, кто открыто смеялся над ним в Сенате, стараясь всё время лавировать между различными политическими течениями. Но эта роль была для него слишком тяжела. Пользуясь своим званием сенатора, он стал легатом в армии Цезаря и теперь служил в Галлии, стараясь как можно меньше участвовать в боевых действиях. К счастью, для этого у него был незаменимый старший трибун Лаций Сципион, который с охотой выполнял все самые сложные поручения и в бою был просто незаменим. Даже во время своего отсутствия он был уверен, что легион находится в надёжных руках молодого трибуна, которого уважали и слушали даже префекты.

В душе Теренций мечтал разбогатеть и купить дом на Палатинском или Капитолийском холме. Прослужив в Галлии уже несколько лет, он понял, что стать богатым, как стали некоторые легаты в Испании или Помпей в Азии, можно было и здесь, в тихой Галлии. Торговля, торговля и ещё раз торговля – вот что приносило доход, несравнимый ни с какими военными трофеями. Когда в Риме не хватало масла или пеньки, купцы готовы были платить любые

деньги, лишь бы получить этот товар. А получить его здесь, в провинции, не составляло никакого труда. Особенно при наличии такой силы, как армия.

Но совсем недавно, выполняя очередное поручение своего патрона в галльской деревушке Тарога, Теренций узнал одну новость, благодаря которой у него появилась идея, как стать не просто богатым, а сказочно богатым. Причём, достаточно быстро и ничем не рискуя. Но перед этим ему целых десять дней пришлось терпеть проклятия старой колдуньи…

С трудом оторвавшись от своих воспоминаний о странной старухе и её откровениях, он попытался сосредоточиться на словах Лация. Подняв голову, Теренций упёрся взглядом в тёмный медальон на груди старшего трибуна. Именно о нём говорила ведьма из деревни варваров. Теренций с недоверием покачал головой, не веря, что эта деревяшка может сделать человека счастливым.

Лаций заметил его взгляд и спрятал медальон под туникой.

– У тебя есть новости из Рима? – спросил он. – Ты видел Корнелию?

– Если честно, то не успел, – как-то отвлечённо ответил легат, как будто не видел его и думал о своём. – Были кое-какие проблемы, но на днях вернутся мои слуги и привезут новости от твоей сестры. Обязательно. Я приказал им зайти к ней лично. Может, зайдёшь вечером? Посидим вдвоём… Я расскажу тебе кое-что о Суббуре, есть новости с Форума, продаются сады на той стороне Тибра…

– Благодарю тебя, – перебил его Лаций. – Подожду твоих слуг. Просто какие-то странные слухи ходят о сестре, но никто ничего толком не знает.

– Слухи? – Теренций поднял брови вверх. – О чём?

– Да так. А ты не слышал? Говорят, в Риме неспокойно. Вечером люди боятся выходить на улицы. Цицерон находится в изгнании. Его дом сожгли. Многие патриции уехали из города. Их дома разграблены.

– Да не волнуйся ты так. Пустые разговоры. Но Цезарь приехал в хорошем расположении духа. Когда разберёмся с гельветами и кимврами, то вернёмся в Рим, и Сенат назначит тебя легатом. Цезарь обещал.

– Правда? Но ведь Сенат не одобряет без… – Лаций был удивлён этой новости, потому ещё что никто об этом не говорил ему. Это было очень важно, но сейчас он хотел попросить легата о другом. – Теренций, мне надо на два дня покинуть лагерь. Я хочу съездить в Тарогу.

– В Тарогу? – искренне удивился тот. – Это где? А, это та деревня, где мы собираем пеньку и лозу, да? А зачем?

Лаций осторожно оглянулся по сторонам. Варгонт стоял на почтительном расстоянии. Больше рядом никого не было.

– Ну я не знаю, как тебе сказать. Там живёт одна девушка. Она мне нравится. Я слышал, что в деревне были варвары. Пришли с севера. Но ещё ходят слухи, что туда приезжали римляне. Всадники. Никто из наших об этом не слышал. Я хотел бы сам съездить туда.

– Лаций, ты совсем не хочешь слушать меня… – снисходительно с улыбкой произнёс Теренций.

– Только не говори мне, что я должен думать о Риме и богатых римских невестах, пожалуйста! – взмолился он. – Я подумаю о них потом. Но сейчас мне надо только попасть в эту деревню. Дай мне всего два дня!

– Я не собираюсь ничего говорить тебе о римских невестах, – пожал плечами Теренций. – Твоя судьба в твоих руках. Ты мог бы обсудить своё будущее со мной. Но не посреди лагеря под палящим солнцем, а во время тихой, спокойной беседы в прохладной палатке…

– Так, значит, можно? – с надеждой спросил Лаций.

– Ты неисправим… – вздохнул Теренций. – На два дня?

– Да.

– Ты будешь один?

– Один? – Лаций был удивлён, услышав этот вопрос. – Нет, я хотел взять восьмёрку из центурии Варгонта.

– Ну да, куда же ты без своего Варгонта, – Теренций усмехнулся и потрепал его по плечу, подумав, что с таким же успехом он мог бы постучать по мраморной колонне. Поджав губы, Теренций одобрительно кивнул: – Конечно, можно. Только будь осторожен, и пусть твои легионеры никому об этом не говорят. Кстати, у тебя такой интересный медальон. Может, оставишь его мне, чтобы не потерялся? – как бы невзначай предложил он.

– Благодарю тебя, Теренций! Я твой должник! Медальон? Зачем он тебе? Но… – Лаций задумался. Что мог сделать легат с этим медальоном? Ничего плохого. Если он вернётся, то заберёт его обратно. А если нет, то зачем ему пропадать в лесах Галлии? – Да, конечно! Береги его. Я заберу его, когда вернусь! – с неожиданно искренней радостью ответил он. – Только не потеряй его! – ещё раз повторил Лаций. – Это защитный медальон. Не отдавай его никому! И благословит тебя Венера! – искренне пожелал он, прижав кулак к груди. Сам он уже мысленно мчался по дороге на север, и теперь ничто не могло остановить его на пути к Ларните.

Теренций Юлиан посмотрел вслед своему старшему трибуну, который на ходу что-то живо объяснял невысокому широкоплечему Варгонту, и перевёл взгляд на небольшой чёрный кружок. Медальон был размером с два сестерция, но гораздо легче. Он занимал почти всю ладонь и, похоже, был сделан из дерева. Неужели это ключ к тайне старухи? Как-то просто и странно… Но если она права, то лучше не шутить с этой деревяшкой… Теренций покачал головой и приказал позвать брадобрея. В душе он был очень суеверен и хорошо запомнил слова старой Валерии, что надевший медальон умрёт страшной смертью. Когда брадобрей откинул полог и со сладкой улыбкой на лице вошёл в палатку, легат пожалел, что ещё не наступил вечер и он не может прямо здесь уединиться здесь с этим молодым сицилийцем.

– Возьми этот медальон на два дня, – проворковал он на ухо юному парикмахеру, медленно надевая ему на шею кожаный ремешок. – А потом вернёшь его мне. Он принесёт тебе счастье. Мы съездим с тобой в Лукку, и там проведём время вместе. Тебе понравится, – пообещал он, не говоря брадобрею, что тот нужен ему как перевозчик медальона. В городе Теренций собирался сделать у кузнецов копию и отдать её Лацию. Настоящий медальон он решил оставить у себя.

– Благодарю тебя, Теренций, – опустив глаза, ответил молодой сицилиец. – Тебя так долго не было…

– Потерпи, сегодня вечером я постараюсь вернуться пораньше. А пока иди!

Брадобрей вышел, а легат был вынужден вернуться к своим делам. Он приказал ликторам позвать трибунов, которые стояли всё это время у палатки в ожидании разрешения войти. Они долго что-то ему говорили, но Теренций их не слушал. Он думал о своём будущем. Цезарь вернулся из Рима с хорошими новостями. Скорей всего, он нашёл там поддержку у богатых землевладельцев и сенаторов. Значит, они пообещали ему деньги для продолжения войны в Галлии. Недаром он сказал сегодня, что скоро всё может измениться. Новое настроение Цезаря беспокоило Теренция, потому что мешало его собственным планам. Особенно теперь, когда у него в руках оказался медальон. Он прекрасно помнил, что Цезарь ответил ему, когда он осторожно описал ночное нападение, сказав, что оставил в лагере вместо себя старшего трибуна Лация Сципиона.

– Да, я знаю, что тебя не было. Тебе повезло, – он даже не скрывал насмешку в голосе. – Твой старший трибун смог спасти людей и с честью сражался с варварами. Не то, что этот самовлюбленный Верр.

– Консул, ты знаешь, что хотя трибун Лаций Корнелий происходит из очень знатного и известного рода Сципионов… он сам не принадлежит к этому роду по крови. Его усыновили ещё совсем маленьким, когда его родители погибли…

– Да, я это прекрасно знаю, – недовольно перебил его Цезарь. – Что ты хочешь сказать? Ты всегда так издалека заходишь, что я теряю мысль, – он недовольно фыркнул и нахмурил брови. Теренций знал, что тот недолюбливает его из-за покровителя в Риме и считает внешне убогим и некрасивым. Только благодаря своему патрону Теренцию удавалось оставаться в армии. – Что молчишь? Разве его предок, Сципион Африканский[30] не был тоже усыновлён этим благородным семейством?

– Был, – осторожно кивнул Теренций.

– А ведь это он стёр с лица земли Карфаген и добился смерти Ганнибала, – жёстко добавил Цезарь и уставился на него своим колючим взглядом. Услышав имя Ганнибала, Теренций вспомнил, как в детстве родители пугали их, говоря: «Ганнибал у ворот Рима». И даже у взрослых эти слова вызывали страх.

– Я не хочу принижать достоинства старшего трибуна Лация Корнелия Сципиона, но он собирается просить тебя лично о том, чтобы Сенат назначил его легатом, – соврал Теренций. – И мне интересно…

– Ах, вот ты о чём! – криво улыбнулся Цезарь. – Говоришь, интересно, да? Не волнуйся, я не Сенат. И на твоё место он вряд ли будет претендовать. Ты это хотел услышать?

– Нет, нет, что ты! Но ты хотел… – Теренций собирался добавить, что его волновало совсем другое, что до него дошли слухи о возможной отправке Лация в Испанию, и что он очень не хотел терять такого надёжного трибуна… Слухи были неявными, но Теренций так долго ждал возможности близости с Лацием, что не хотел бы так неожиданно быстро потерять его.

– Сейчас не до твоих хитрых вопросов. Оставь их себе. У тебя отличный легион. Иди и занимайся им. Скоро мы выступаем на север против гельветов и кимвров. Лучше проверь оружие и ветеранов в обозе! – по напряжённой интонации в голосе консула Теренций понял, что больше не стоит злоупотреблять его терпением, и молча кивнул. Гай Юлий повернулся к нему спиной. Разговор был закончен.

Вспомнив это, Теренций поморщился. Золото, о котором говорил его покровитель в Риме, должно было храниться где-то совсем рядом. И ключ к нему был у него в руках. Старуха так и сказала: «Медальон покажет место в храме». А к храму может привести только Лаций. В дороге она однажды проговорилась… сказала, что он должен вспомнить. Кто он? Лаций? Они спрятали там сто повозок с золотом! Сто повозок… Огромное количество! В Риме она об этом не сказала. И не ответила ни на один вопрос. Даже, когда её пытали. Только визжала от боли и проклинала всех известных и неизвестных ему людей. Патрон был очень недоволен. О том, что рассказала ему Валра по дороге в Рим, Теренций решил никому не говорить, потому что об этом знал только он один. Но почему старая Валерия доверила эту тайну именно ему? Внутренний голос подсказывал, что история с ведьмой и её дочерью может сулить большие неприятности, но Теренций слишком хорошо знал своего покровителя. Тот ни за что не стал бы интересоваться какими-то варварами и круглой деревяшкой просто так. Здесь пахло деньгами. Большими деньгами. И старая колдунья Валерия Корнелия это подтвердила. Теперь Теренций был уверен, что богатство ждёт именно его, ведь боги сами вручили ему этот медальон! Как это часто бывает свойственно самовлюблённым людям, он быстро перестал думать об опасности, предавшись мечтам о благополучном будущем. Нет, он не собирался искать золото сам. Это было безумием. Он не верил, что оно вообще есть и его не забрал ещё Сулла во время покорения Этрурии. Но Валерия сказала, что кимвры готовы заплатить за медальон золотом, а это уже было более реально, чем поиск иголки в стоге сена. Продать медальон своему патрону он не мог, а вот варварам – вполне. Теперь ему оставалось только найти их вождя и договориться

[30] Сципион Африканский – покоритель Карфагена. Победитель Ганнибала.

с ним о цене. Но сначала надо было успокоиться, и он решил пойти принести жертву богам, чтобы они указали ему правильный путь.

На полпути к алтарю Теренций заметил приближающегося всадника.

– Легат, наши разведчики сообщили, что на севере снова появились варвары.

– Что? – опешил Теренций.

– На севере – варвары. Они заняли несколько деревень, но потом повернули на юг. В нашу сторону. И пошли вниз по реке. В пяти деревнях они оставили небольшие отряды. Собирают еду.

– А в каких деревнях? – осторожно спросил Теренций.

– В Тароге, Кварде, Сарбите… – начал перечислять посыльный, но легат перебил его:

– В Тароге? Понятно. Я сейчас сообщу об этом Цезарю. Все разведчики вернулись?

– Да, но… – хотел что-то добавить всадник, но Теренций не стал его слушать и, развернувшись, быстрым шагом направился к палатке консула. Жертвоприношения могли подождать. Надо было думать, как спасти Лация.

Гай Юлий выслушал его доклад о варварах и приказал ничего не предпринимать. Теренций снова удивился такому решению, но на этот раз не стал перечить консулу. Он много отдал бы за то, чтобы оказаться в этот момент в Тароге, но было уже поздно. Если Лаций вернётся, то боги услышат его, и он сразу предложит ему остаться в палатке на ночь. Если нет… об этом Теренций предпочитал пока не думать. Потому что тогда он лишился бы удовольствия от общения с ним и, что ещё хуже, ему пришлось бы самому выполнять многие обязанности в легионе. И позабыть на время о продаже медальона варварам. Оставалось только ждать, и эти два дня стали для него самыми томительными и неприятными за всё время службы в армии Цезаря.

Глава Неприятности в Тароге

Лаций вывел легионеров к реке поздно вечером. Там они решили отдохнуть у моста. Дальше к деревне вела одна единственная дорога. По ней всегда ходили жители и воины. После короткого отдыха они прошли вперёд шагов триста, но что-то не давало Лацию покоя. Земля была плотная и сухая, дождей не было больше месяца. Но в лесу стояла странная тишина. Обычно ночью он был полон звуков: где-то хрустнет ветка, раздастся шорох, филины ухают или просто хлопают крылья ночных птиц, тихо шелестят верхушки деревьев и изредка вскрикивают животные – всё живёт своей жизнью. Однако на этот раз всё как будто вымерло, даже ветер затих, и это настораживало.

– Не нравится мне тут, – пробормотал Варгонт, как будто прочитав его мысли. Где-то вдалеке послышался странный звук, похожий на голос совы. – Кажется, там кто-то есть, – шёпотом произнёс центурион.

– Это лошади, – с еле скрываемой досадой сказал Лаций. – Там варвары. Жаль, не хотелось идти вдоль реки, но придётся, – до них снова донёсся такой же звук – теперь уже ясно был слышен храп лошади.

– Засада? – прошептал Варгонт.

– Не знаю. Но проверять не хочется. Если они в деревне, то на дороге будут их лучники. Хорошо, что сюда не послали. Так бы нас уже заметили.

– Тогда как? По реке? Ты точно дорогу знаешь?

– Да, вдоль берега по мелководью. Я проведу. Смотри мне в спину и не отходи в сторону. Передай всем!

Легионеры молча выслушали короткий приказ и, подняв мечи над головами, зашли по грудь в воду. Один остался на берегу с лошадьми. Лаций пошёл первый, за ним – все остальные. Вода была не очень холодная, но на дне лежало много камней, на них можно было легко поскользнуться и упасть. Поэтому шли очень осторожно. Когда показалась небольшая полоска земли, Лаций остановился и прислушался. Луна ярко освещала неподвижную гладь реки, и если бы в это время кто-то спустился вниз, то длинные тонкие волны на серебряной поверхности воды сразу бы выдали их присутствие. Какая-то птица громко проухала на другом берегу и смолкла. Со стороны деревни не было слышно ни звука. Узкая, еле заметная тропинка вела к крайним домам, в которых было так же тихо, как и в лесу. Легионеры вышли из воды и поднялись вверх. Лаций первым увидел незнакомцев, которые, переговариваясь, медленно брели им навстречу. По его команде легионеры сразу присели и растворились в невысокой траве по обе стороны тропинки. Трава была мокрая и пахла горечью ранних цветов, которые распускались в это время на этой скупой и недружелюбной земле. Он раздвинул высокие стебли и осмотрелся. Судя по одежде, это были не жители деревни. Те обычно не выходили ночью из домов и предпочитали заранее набирать воду в большие деревянные корыта. Хижина Ларниты была на противоположном конце деревни.

Сердце бешено стучало в груди, предчувствуя смертельную опасность. Лаций жестом подозвал Варгонта и стал объяснять, что делать: он с легионерами должен был обойти деревню по кругу и ждать его на главной дороге за большим старым деревом, которое росло в ста шагах от дома Ларниты. Сам Лаций хотел пройти с другой стороны, чтобы увидеть, что происходит в деревне. Варгонт быстро передал приказ своим воинам. Когда Лаций сделал несколько шагов в сторону ближайшего дома, то услышал позади шорох. Это был Варгонт.

– Ты что? – опешив, спросил он.

– Я с тобой! – хрипло прошептал тот.

– Варгонт, я же сказал… – скривился он, но легионеры уже исчезли в густой траве и делать было нечего. Варгонт был опытный воин и способный центурион, но ещё он был его друг. Лаций покачал головой. Объяснять что-то сейчас было бесполезно.

Всю дорогу до дома старой колдуньи он прошёл, ожидая засаду. Но, к его удивлению, на пути не встретилось ни одного варвара. Это насторожило Лация ещё больше. В хижине виднелись слабые блики огня – значит, старая Валра и Ларнита были там. Он представил, как они сидят у огня и греются, протянув руки к жёлтым языкам пламени…

Подойдя ближе, Лаций ещё раз оглянулся. Тишину ничего не нарушало. Старая коровья кожа, которая служила дверью, легко подалась в сторону, и он лицом к лицу столкнулся с высоким, толстым варваром! Меч мгновенно оказался в руке, но в последний момент Лаций увидел, что это был не человек, а большой мешок с сухой травой. Осторожно протиснувшись внутрь, он прищурил глаза и осмотрелся. Варгонт стоял сзади. Внутри хижины всё было перевёрнуто: мешки разорваны, пучки трав сорваны с потолка и разбросаны по полу, кожи животных свалены в кучу у самого костра. Одна из них попала краем на угли, и кислый палёный запах распространялся по всему жилищу. Варгонт наступил на какой-то корешок, раздался хруст, который в напряжённой тишине прозвучал неожиданно громко и резко. Лаций снова схватился за меч и заметил в дальнем углу какое-то движение. Две тени медленно отделились от стены и приблизились к костру. Это были варвары. Они спали и теперь спросонья протирали глаза. Увидев римлян, оба оторопели, не зная, что делать. Кивнув на меч, один из них нахмурился и что-то промычал. Другой ничего не сказал, а просто вытянул руку и ткнул пальцем в сторону Лация.

– Хого! – негромко произнёс он. Лаций стал медленно отступать к выходу. Варгонт уже был снаружи, когда те пришли в себя и кинулись вдогонку. Но двигались они очень медленно и глупо. Два быстрых удара в низ живота, а потом два сверху, по голове, остановили варваров прямо у входа. Лаций откинул старую коровью кожу и упёрся Варгонту в спину. Тот стоял, вытянув вперёд свой меч и вертел головой то вправо, то влево. Перед ним в десяти шагах шевелилась тёмная масса тел. У некоторых были факелы. Они все были в шапках и тёмных шкурах. Слабый свет выхватил из темноты копья и мечи, слабыми бликами промелькнул по настороженным, хмурым лицам и остановился на большой тени стоявшего впереди главаря. Лаций схватил Варгонта за локоть и рванулся назад. Они едва успели скрыться внутри, как им вслед полетели копья и дикие проклятья на незнакомом языке.

Оказавшись в хижине, Лаций выхватил из костра тлеющую головешку и прыгнул через огонь в дальний угол. Там, за прислонёнными к стене ветками скрывался узкий проход. Варгонт с трудом протиснулся между стен. В темноте ничего не было видно, и они пробирались на ощупь, держась за стены. Мелкие комки глины сыпались на плечи и лицо, на зубах скрипела пыль, несколько раз пришлось протирать глаза, но, к счастью, за ними никто не гнался. Когда над головой показался лунный свет, Варгонт перевёл дыхание и оглянулся. До хижины было шагов пятьдесят. Оттуда раздавались громкие гортанные крики. Впереди виднелось дерево, у которого их должны были ждать товарищи. Обернувшись, Варгонт увидел, что Лаций раздувает ветку.

– Ты что? – ещё не отдышавшись, спросил он.

– Помоги! – Лаций кивнул на ветки, которые укрывали проход. Он торопился и часто дул на огонь. – Надо поджечь всё вокруг… и лес тоже. Лошадей испугать. Иначе догонят.

Варгонт стал помогать. Скрывавшие проход ветки были сухими. Когда пламя разгорелось, они схватили несколько палок и, прижимаясь к земле, побежали к дереву. Легионеры ждали Лация там, где договорились, и он ещё раз в душе поблагодарил богов за ту дисциплину, которой отличались воины Варгонта. Все сразу стали раздувать сухие ветки и траву вдоль узкой дороги, пока до них не донёсся шум приближавшейся погони. Варвары были на лошадях. Но огонь ещё не успел разгореться так сильно, чтобы они испугались и повернули назад.

– Идите дальше, поджигайте как можно больше кустов! Они горят быстрее. Мы остановим первых лошадей здесь, – приказал Лаций легионерам. Вместе с Варгонтом они вернулись назад к небольшим зарослям, где дорога начинала уходить в лес. Опустившись на колени, они достали мечи и стали ждать.

Первая лошадь вылетела из темноты так быстро, что Лаций успел достать мечом только до задних ног. Но этого было достаточно, чтобы животное, заржав от боли, упало вместе с всадником на землю. Вторая лошадь перевернулась, подсечённая под передние колени Варгонтом. Третья сама споткнулась о корпус второй и завалилась набок, четвёртую снова покалечил Варгонт. Остальные успели замедлить ход и остановились. Лаций и Варгонт не стали ждать, пока варвары спешатся и подойдут ближе. Центурион успел добить двух уцелевших всадников и отбежал назад, спрятавшись за следующими кустами. Огонь за спиной был ещё слабым, значит, надо было оставаться на месте. Но боги в эту ночь были на их стороне. Всадники покрутились перед погибшими товарищами, затем развернулись и поскакали обратно. Лаций с Варгонтом сразу бросились помогать товарищам поджигать лес и траву, опасаясь, что варвары отправились за помощью. Они долго ещё разбрасывали в разные стороны горящие ветки, разнося пламя пожара всё дальше и дальше.

К утру большая часть леса между деревней и рекой сгорела. Вместе с ней сгорели и все запасы, которые так тщательно прятали там жители Тароги. Плакали женщины, стоя на коленях у края громадного серого пепелища, хмуро молчали мужчины, глядя исподлобья вдаль пустого пространства и с тоской оборачиваясь к своим неказистым жилищам. Гельветы до полудня ездили между домами, стараясь найти остатки запасов еды. Но всё было тщетно, в деревне ничего не было.

Ближе к вечеру воины пришли в хижину к старейшине, но его там не было. Не было с самого утра. Обыскав всю деревню, варвары разломали несколько домов и, ничего не найдя, направились в сторону моста.

Когда лёгкий ветер гонял по деревне пепел и пыль, разнося по домам запах гари и ужаса голодной смерти, к дому Горка подошли несколько старейшин. Ларнита всю ночь просидела у него в доме, она не спала, только смотрела на женщин и детей дикими глазами и дрожала, забившись в кучу мятой травы под стеной. Горк зашёл в дом, взял её за руку и молча вывел наружу. Они присоединились к старейшинам, и теперь все вместе направились в дальний лес. Горк нёс с собой небольшой глиняный кувшин с дырками, в котором лежали угли из домашнего очага. Через некоторое время они вышли к той части леса, которая уводила в горы. Здесь все остановились. Он усадил Ларниту под небольшое дерево, и старики стали привязывать её к стволу кожаными ремнями. Девушка не сопротивлялась. Сам Горк начал разводить огонь. Но сырая кора и тонкие ветки никак не разгорались. Из-под большой кучи тянулось несколько струек жидкого дыма, но пламя не появлялось. Его сородичи что-то бормотали и бросали на ветки пучки трав. Те повисали на них тонкими волнами и тлели, мешая огню разгореться. Дым был плотным и едким, он заставлял всех щуриться, кашлять и моргать. Ларнита сидела и неподвижно смотрела прямо перед собой. Горький дым то и дело попадал ей в лицо, вызывая слёзы. Но она плакала с широко открытыми глазами, как будто не чувствовала этого.

Горк был раздосадован. У него кружилась голова, а огня всё не было. В конце концов, он поднял руки к небу и, тяжело дыша, сказал:

– Римляне – зло, старая колдунья – зло, медальон – зло, огонь – зло. Дочь зла – тоже зло. Она принесла с собой огонь. Пусть с ним и уйдёт, – он замолчал, и все старики, каждый по очереди, кинули в слабый костёр стебли полыни. По земле снова пополз горький дым, заставляя всех кашлять. Полынь потушила слабое пламя. Ларнита дёрнулась, верёвки из сырой кожи впились ей в кисти и локти, но от влажной травы они стали немного скользкими. Она зарычала, как дикий зверь, а потом вдруг завыла диким, протяжным голосом, и на всех, кто его слышал, повеяло первобытным страхом и ужасом. Последние гельветы, которые подходили в это

время к мосту, поспешили перейти его, то и дело оглядываясь назад, как будто вместе с этим диким воем из пепла сгоревшего леса мог появиться страшный дух тьмы. Жители деревни, услышав этот вой, замолчали, а женщины, испугавшись, стали прижимать к себе детей. Мужчины, нахмурившись, опускали взгляды и отворачивались. Все знали, что происходило там, откуда доносился этот звук.

Тем временем, старики стали собирать сухие ветки и сносить их к дереву, где сидела Ларнита. Они обкладывали её со всех сторон и ждали Горка. Тот всё ещё никак не мог разжечь пламя. Устав дуть на угли под ветками, он встал и сказал:

– Надо принести огонь из леса! – все встали и пошли за ним в сторону реки, где ещё дымились остатки стволов и пней. Там можно было взять большие тлеющие ветки, которые помогли бы разжечь костёр. Они ушли, а звериный вой Ларниты за спиной постепенно сменился протяжным пением. Когда им удалось найти несколько толстых тлеющих веток, которые можно было унести с собой, её голос ещё был слышен. Старики собрали дымящиеся ветки и отправились обратно, туда, где должны были ждать их привязанная к дереву дочь гадалки и самый старый житель деревни, которого они оставили сторожить. Дикое пение обречённой девушки неожиданно прекратилось. Когда они через некоторое время вышли на поляну, обваленное сухими ветками дерево уже пылало ярким огнём, а в десяти шагах от него трясся от ужаса единственный свидетель самосожжения Ларниты. Он сказал, что девушка прямо у него на глазах подожгла себя и прыгнула в кучу веток. Горк хотел спросить его, как она развязалась, но кто-то сказал, что её забрал злой дух ночи, и все сразу с этим согласились. Он не стал перечить, но, подойдя ближе к большому костру, стал пристально всматриваться в яркое пламя. Однако жар был такой силы, что там ничего нельзя было разглядеть.

Старейшины дождались, когда всё догорело, и стали осторожно разбрасывать дымящиеся головешки. Но, как и ожидал Горк, ни костей, ни черепа там не оказалось. Однако всех остальных это только укрепило в мысли, что Ларниту забрал с собой злой дух.

В деревню они вернулись уже на рассвете. Дочери старой колдуньи с ними не было, и жители со страхом перешёптывались ещё несколько дней, то и дело оглядываясь в сторону страшного леса. Никто из них не видел, как на другой стороне реки, осторожно пригибаясь к кустам и поваленным деревьям, брела вдоль берега худая девушка в изорванной накидке. Она знала, что где-то на севере была другая деревня, откуда её мать пришла сюда много лет назад, и надеялась, что там можно будет спрятаться от этих страшных людей, желавших ей смерти.

Глава Возвращение медальона

Лаций успел вернуться до полудня и сразу поспешил рассказать Теренцию Юлиану о гельветах в деревне и пожаре в лесу.

– Боги благоволят к тебе, безумец, – напряжённо усмехнулся легат. – Но ты хоть увидел свою дикарку?

Лаций грустно покачал головой:

– Хижина была пустая. Внутри только двое варваров. Но нас они не ждали. Перевернули там всё. Наверное, что-то искали. Больше никого не было. Когда нас увидели, сказали только «хого» и кинулись на нас. Потом я слышал это слово из толпы у хижины. Наверное, так они называют римлян. Хотя меня так раньше не называли… – он задумчиво сдвинул брови, вспомнив Ларниту. Она действительно так никогда его не называла.

– Сейчас это неважно. Иди в палатку, отдохни. Вечером твоя очередь заступать в караул. И возьми у писаря Страбона свой медальон, – как-то чересчур безразлично добавил он.

– Легат Теренций! – раздался голос ликтора. Теренций повернул голову:

– Да?

– Консул собирает военный совет, – коротко сообщил тот.

– Ясно, – кивнул он и повернулся обратно. – Увидимся вечером. Может, ты придёшь ко мне и расскажешь всё поподробней…

– Да хранят тебя боги, – поднял руку Лаций, сделав вид, что не услышал последней фразы. Глаза почти ничего не видели. Ему казалось, что они забиты песком, который нельзя было вымыть даже водой. Голова гудела, и палатки плыли по кругу, как по воде. Добравшись до своего настила, он упал на него и сразу провалился в сон. Он не видел, как пристально смотрел ему вслед Теренций Юлиан, видевший перед собой только золото.

Вечером писарь Страбон завёл Лация к себе и подвёл к небольшому столу. Открыв коробку для чернил, он молча кивнул на неё и сделал шаг назад. Всё это было странно, но Лацию было не до этого. Он быстро достал свой медальон и повесил его на шею. Ему бросилось в глаза, как скривилось лицо старого слуги и как тот постарался побыстрее закрыть коробку и выпроводить его из палатки. И только в карауле ему рассказали, в чём была причина столько странного поведения Страбона. Молодой брадобрей Валерий якобы два дня назад украл этот медальон у легата, а накануне днём, спустившись к реке, поскользнулся и упал головой в воду. Выплыть он не смог, потому что кожаный ремешок медальона зацепился за корягу, и бедолага захлебнулся. Лаций поспешил к легату, чтобы узнать об этом, но тот был у Цезаря. Тогда он пошёл к писарю. Тот подтвердил историю, сказав, что легат Теренций рассказал ему то же самое, но, вот, легионеры, которые вытащили несчастного Валерия, говорили, что один из них хотел взять талисман себе. И когда они пришли в лагерь с телом утопленника, воришка попытался быстро спрятать медальон под тунику, но неловко перехватил дротик. Тот выскользнул у него из рук и пробил стопу. Легионеры рассказали это легату, и тот приказал отдать медальон на хранение писарю, а Страбон, зная всю историю, благоразумно спрятал эту кругляшку в пустую коробку из-под чернил. Лаций поблагодарил его и по-дружески похлопал старика по плечу, заверив, что теперь можно ничего не бояться – медальон был в надёжных руках. Когда он попрощался и пошёл в свой квадрат, старый писарь неодобрительно покачал головой и тяжело вздохнул. Он был не согласен с Лацием и считал, что этот медальон ещё причинит тому немало вреда. Но старый слуга не знал, что два дня назад легат Теренций носил медальон на кузницу и там с него сняли два отпечатка. Там же он спросил, можно ли сделать такой же медальон из какого-нибудь чёрного дерева. И когда мастера сказали, что смогут сделать копию из чёрного дуба, он с радостью расстался с несколькими монетами, чтобы те сделали это как можно быстрее. Когда всё было готово, произошла трагедия с любимым брадобреем, и Терен-

ций Юлиан ещё больше поверил в слова старой колдуньи. Однако его отношение к Лацию не изменилось – он по-прежнему верил, что тот рано или поздно согласится уединиться с ним в палатке. Хотя Теренций обманул писаря и подсунул ему в коробку деревянный медальон, ему всё равно хотелось добиться от молодого трибуна взаимности, потому что его личные чувства, как он считал, не имели ничего общего с тайной этрусского золота.

Глава Страшная новость

Когда все легаты собрались в большой палатке консула, Гай Юлий Цезарь сказал им, что через неделю в Лукку, рядом с которой был разбит основной лагерь, должны были приехать представители Сената. Так как гельветы находились слишком близко к городу, надо было выслать разведчиков, чтобы они постоянно следили за врагом и сообщали обо всех передвижениях. Теренций рассказал консулу о передвижениях гельветов и пожаре возле деревни Тарога, за что тот впервые похвалил его на военном совете.

– Это хорошо, – задумчиво добавил Цезарь через какое-то время. – Мы направим наших воинов во все деревни вдоль реки прямо сейчас.

– Ты хочешь организовать там гарнизоны, консул? – воодушевлённый похвалой, осмелился спросить Теренций.

– Нет. Зачем? – с небрежной ухмылкой ответил тот. – Пусть разберут все мосты вдоль реки, – он показал на карте места и добавил: – Надо разобрать брёвна так, чтобы потом можно было быстро всё восстановить. Если мосты старые, лучше уничтожьте их и начните готовить новые. Здесь, здесь и здесь, – он ткнул пальцем в изгибы реки на карте. – После этого сожгите все леса вдоль реки и оставьте только посты у брода, – Гай Юлий обвёл легатов взглядом, ожидая вопросов, но все молчали.

– Деревни вымрут, – осторожно заметил кто-то сзади.

– Это неважно. У нас достаточно запасов, чтобы обеспечить наступление в середине лета. Осенью в южной Галлии будет новый урожай. Так что пусть лучше варвары думают о том, где им найти еду на той стороне реки.

Четыре легиона выдвинулись в разные места. По иронии судьбы, легат Теренций Юлиан с половиной своего легиона был отправлен в Тарогу, а его помощник, старший трибун Лаций Корнелий Сципион, остался со второй половиной в лагере в качестве начальника караула. Таков был приказ Цезаря.

Через две недели Теренций вернулся уже совсем другим. Он стал более строгим и меньше общался с легионерами, чем раньше. Он больше не улыбался и часто сидел в своей палатке, о чём-то размышляя. Как только представилась первая возможность, Лаций сразу пришёл к нему, чтобы расспросить о деревне и Ларните. Легат скупо сообщил, что легионеры разобрали мост возле Тароги и оставили там одну центурию для охраны. Но Лаций ждал от него других новостей. Тогда Теренций сел и рассказал всё, что ему удалось узнать от местных жителей.

– Вы подожгли лес, помнишь?

– Да, – кивнул он.

– Жители Тароги прятали там от гельветов запасы еды. Пожар всё уничтожил, – Теренций посмотрел на него сочувствующим взглядом и покачал головой. – Вот так-то! – на его лице застыло выражение скорби и сочувствия.

– Но…

– Что «но»? Варвары ушли. Убили несколько человек, как всегда, и ушли. Когда мы пришли, в деревне их уже не было.

– Как это? – Лаций искал взгляд Теренция, но тот постоянно отводил глаза в сторону и избегал смотреть на него. Это подтверждало худшие опасения Лация.

– Вот так: только голодные и злые женщины с детьми. Я понимаю, что тебя волнует твоя дикарка. Я ничего не могу тебе сказать, это всё слухи… Кое-кто из выживших жителей говорил, что…

– Что? – хрипло спросил он.

– Это сказали двое охотников. Мы встретили их у старого моста.

– Теренций, что случилось? – не отрывая взгляда от легата, повторил Лаций.

– Короче, они сказали, что старейшины разрезали её на части и сожгли. Это была жертва их богам, – на лице легата застыла гримаса раздражения. Было видно, что ему не хотелось об этом говорить.

– Жертва богам? – одними губами прошептал Лаций, не веря услышанному.

– Они сказали, что её мать была злом, она сама была злом, и на плече у них был знак зла, который и навлёк на деревню все эти беды. Поэтому её сожгли.

Когда легат произнёс эти слова, Лаций опустил голову и замолчал. Теренций внимательно наблюдал за ним, поглаживая по плечу, где у того был точно такой же знак, как и у Ларниты. Но Лаций не замечал этого.

– Нет, этого не может быть, – всё ещё не желая смириться с услышанным, пробормотал он. Потом встал и, не прощаясь, сделал несколько шагов в сторону выхода. Теренций, расстроившись, протянул руки вслед, но потом опустил и спросил вкрадчивым голосом:

– Может, ты придёшь ко мне вечером, чтобы успокоиться? – он выжидающе замолчал, но Лаций ничего не ответил. Ему было не по себе. В висках стучало, как будто сердце от волнения вдруг стало биться не в груди, а в голове. Такое иногда бывало и раньше. Однажды в юности он подготовил выступление для беседы с философами в школе, но заболел и решил записать речь на дощечке. Вечером пришёл его друг, и Лаций показал ему своё выступление. Тот прочитал и ничего не сказал. А через несколько дней, когда Лаций вернулся в школу и стал выступать перед учителем и учениками, все стали смеяться и показывать на него пальцами. Педагог сказал, что воровать чужие мысли нехорошо. Это, как он заметил, иногда даже хуже, чем воровать чужие вещи. Тогда, спрятавшись в тёмном сарае, Лаций от обиды и бессилия только плакал и сжимал кулаки. Позже это чувство несправедливости и собственного бессилия не раз вызывало у него отчаяние, которое, порой, переходило во вспышку непроизвольного гнева. В такие моменты он мог что-нибудь сломать или затеять драку, но тогда, обманутый близким другом, он чувствовал себя сломанным клинышком, который однажды показывал им старый грек в школе.

– Сломать стилус легко, – говорил тот. – Я вот привык к своему и берёг его столько лет. Но он сломался, и всё. Как я ни старался потом соединить две части, ничего не получилось. Поэтому берегите то, что цените. Может так случиться, что уже никогда не найдёте замену этой вещи. Кажется, она не имела для вас никакой цены, а, сломавшись, стала бесценной.

Лаций стоял у выхода из палатки и сжимал в руках край полога. Он чувствовал себя «сломанным стилусом». Если бы в руках у него в этот момент оказалось копьё, он сломал бы его пополам. Теренций с нетерпением повёл плечами и вздохнул.

– Не стоит так переживать. Боги всё видят. Считай, что это они так решили, – попытался успокоить он. Лаций повернулся и покачал головой. В его глазах застыла тоска, глубокая и бездонная, и Теренцию Юлиану на мгновение даже стало его жаль. – Займись чем-нибудь, чтобы отвлечься, – посоветовал он.

– Нет. Я думаю, что ты всё-таки ошибся…

– Может, и ошибся. Всякое бывает. Это же всего слова каких-то варваров, – охотно согласился легат. – Они могли это выдумать. Может, всё совсем не так. Потом узнаем. Ну ты подумай, может, тебе стоит провести сегодня ночь здесь? – на всякий случай добавил он.

Лаций отрицательно покачал головой и весь остаток дня и всю ночь провёл с караульными за стенами лагеря. Здесь он мог остаться один, чтобы в одиночестве пережить своё горе и смириться с ним.

Через несколько дней в Лукку прибыли сенаторы. Один из них привёз Теренцию Юлиану очередное послание от его римского покровителя. Прочитав его, легат какое-то время задумчиво смотрел в угол палатки, потом вздохнул и скрутил свиток обратно. В дружеском письме его патрон сообщал, что ему надо продолжать общаться с Лацием и рассказывать тому обо

всех новостях, которые он сочтёт интересными. Там же было сказано, что о старой Валерии можно забыть, потому что этруски не доверили ей свой секрет. Золото спрятали их жрецы, а не она. А Валерия просто каким-то образом узнала об этом от своего брата, который был вместе с Суллой в столице Этрурии, и там ему достался этот круглый кусок дерева. Теренций готов был согласиться со всеми этими словами, но зачем же тогда вождь гельветов предлагал ему за «круглый кусок дерева» и человека с татуировкой два таланта золота? Никто не знал, что недавно, во время посещения обезлюдевшей Тароги он встретился с ним и сумел убедить в том, что у него есть этот медальон.

Теренций сел и написал два письма. Одно было ответом его покровителю, где он во всём соглашался с ним и подтверждал намерение заниматься поиском товаров в деревнях, как и раньше. А другое содержало полное описание всего, что он узнал за последнее время в Галлии и Риме о таинственном золоте этрусков. Здесь же он подробно описал всё, что случайно услышал от старой колдуньи, когда та по дороге в Рим заболела и стала бредить, разговаривая с ним, как со своей дочерью. В отличие от своего патрона, Теренций был практичным человеком и быстро сообразил, что единственный способ извлечь из всего этого выгоду – это продать медальон тому, кто его ищет. Однако, привыкнув вести записи важных событий, он решил на всякий случай всё-таки описать «легенду» старой колдуньи в отдельном свитке. Закончив писать, он запечатал его и спрятал в небольшом сундуке.

Довольный своей сообразительностью, он уже не испытывал огорчения от решительного отказа Лация и с радужными мыслями направился к палатке нового молодого легата Юлия Клавдия, у которого с ним оказалось гораздо больше общего, чем с этим старшим трибуном.

Розовощёкий, светловолосый Юлий Клавдий действительно разделял взгляды Теренция на отношения между мужчинами и, увидев его за пологом, сразу снял с кровати шлем с золотыми звёздами и предложил новому другу доверить ему тайны души в более близком телесном общении.

Глава Судьбоносная встреча в Лукке

– От имени Сената и народа Рима[31] приветствую вас в этой маленькой деревеньке, друзья! – Гай Юлий Цезарь улыбнулся и сделал жест рукой в сторону небольшого стола. – После суровых галльских лесов это место кажется мне настоящим Римом. К сожалению, для вас Лукка[32] – это маленькое поселение, поэтому здесь всё маленькое: и дома, и мебель, и даже люди. И вам может показаться, что здесь всё не так, как в Риме, – добавил он и наигранно вздохнул. В последние годы ему редко приходилось бывать в городе на шести холмах, но Цезарь, тем не менее не терял связи с самыми влиятельными людьми и был в курсе всех происходивших там событий.

– Не верится, что ты долго будешь этим довольствоваться, – с усмешкой произнёс Марк Лициний Красс. Этот стареющий патриций с острым, пронзительным взглядом в последнее время стал одним из самых богатых людей в Римской республике, и Гай Юлий Цезарь уже несколько раз брал у него деньги в долг на свои военные походы. Двадцать пять лет назад, чудом выжив во время ссылки в далёкой Испании, когда его отец и брат погибли во время первой гражданской войны, Красс вернулся в Рим и стал скупать за бесценок дома бывших врагов диктатора Суллы.

Красс был таким же осторожным и внимательным, как и раньше: смотрел на Гая Юлия Цезаря и думал о своём. Цезарь тоже не сильно изменился: всё те же узкие скулы, надломленные брови и внимательные, с искрой смеха, глаза. Непривычной была только лёгкая тень усталости на лице. Его накидка была помятой, и это говорило о том, что он, скорее всего, спал прямо в ней. Судя по всему, брадобрей тоже не видел его с утра – лёгкая щетина покрывала щёки и подбородок. Однако тонкие, нервные губы улыбались открытой и непривычно радостной улыбкой. Если бы Марк Красс не знал его, то мог бы поверить в искренность и лёгкость той интонации, с которой Цезарь поприветствовал их. Но их предыдущие встречи и умение Гая Юлия перевоплощаться ещё не улетучились из его памяти. Красс понимал, что Цезарь не стал бы приглашать их сюда только ради приятной беседы. К тому же это был пока единственный человек, который сумел вернуть ему большую часть взятых в долг денег. Это заставляло его уважать и, вместе с тем, опасаться.

– Ты, как всегда, шутишь! – громко рассмеялся третий участник встречи, Гней Помпей. Он был уже не тот молодой Гней Магнус Помпей Великий, по которому вздыхали все женщины Рима и которому поклонялись, как богу. Однако следы былой красоты ещё были заметны на его благородном лице. Ему было уже пятьдесят, но он не спешил признавать это, стараясь вести себя так, как будто ему по-прежнему было двадцать пять. Помпей широкими шагами подошёл к столу и сел, не дожидаясь остальных. Он был женат на Юлии, дочери Гая Юлия Цезаря, и поэтому вёл себя свободно и раскованно. Даже больше, чем надо. Уже несколько лет он не участвовал в военных походах после того как распустил свои легионы и жил в Риме как простой гражданин. С тех пор римляне успели позабыть его прежние заслуги, и это сильно его расстраивало. Он тоже жаждал глотка былой славы.

– Помпей, я приложил все силы, чтобы мы могли обсудить наши проблемы в спокойной обстановке, – начал Цезарь, но тот небрежно перебил его:

---

[31] Senatus Populusque Romanus (S.P.Q.R) – фраза «Сенат и граждане Рима», которую изображали на штандартах римских легионов и которая использовалась в Римской республике и Римской империи.

[32] Небольшой город на южной границе Цизальпинской Галлии. Современная Лукка. Встреча произошла в 56 г. до н.э.

– Да, да, я видел! Мне уже сообщили, что одних сенаторов сюда приехало двадцать человек. И сто ликторов. Значит, здесь, помимо нас, обитает ещё сотня—две бездельников и разных магистратов[33]. Странно, что здесь нет жриц Венеры и легиона молодых мальчиков.

– Я слышал, что ты прячешь здесь сто жриц любви из Испании, не так ли? – усмехнулся Марк Красс.

– О, да! От тебя ничего не утаишь. Я хотел порадовать вас и сделать приятный подарок, но разве такое скроешь? – наигранно вздохнул Цезарь.

– Ты завоевал их в Испании вместе с мужьями? – съязвил Помпей.

– Нет. Как ни странно, они сами решили последовать за мной, узнав, что здесь будешь ты! – парировал тот, и оба гостя дружно рассмеялись, потому что прекрасно знали, что в последнее время Гай Юлий отдавал предпочтение юношам, а не замужним женщинам. – Но давайте о деле. Помпей, мы с Марком Крассом уже встречались в Равенне. Поэтому здесь нам надо прийти к общему решению. Наши общие враги в Сенате – Катон[34] и Агенобарб[35] – хотят стать консулами. У них уже есть план, что делать с нами после того, как они добьются власти. Неужели ты ещё не слышал об этом? – в голосе Цезаря прозвучала ирония. – Ты, Гней Помпей, должен будешь покинуть Рим и отправиться наместником на Крит, – Цезарь многозначительно поднял брови. – Тебе нравится остров Крит, Помпей? – по лицу бывшего прославленного полководца было видно, что тот не ожидал услышать такое. Цезарь продолжил: – Так вот, на Крите ты застрянешь лет на пять. Этого хватит, чтобы состариться и похоронить все твои мечты о походах и триумфах. Дальше – Марк Красс. Он лишится своих южных провинций на полуострове, и его клиенты[36] больше не получат заказы на сбор налогов и строительство дорог. К тому же, ему придётся поехать в Испанию наместником тоже на пять лет. А Марку Крассу не нравится Испания, как тебе – Крит. Хотя он очень любит испанок, однако общаться с ними предпочитает в Риме. Несмотря на то, что я навёл в Испании порядок, до Рима там ещё далеко. Ты согласен, Помпей?

– Да, – кивнул тот и впервые поднял глаза на Марка Красса. В его взгляде читались сочувствие и понимание. Цезарь усмехнулся.

– А я, как гражданин Рима, должен буду предстать перед Сенатом, чтобы ответить за самовольное объявление себя наместником Цизальпинской и Трансальпийской Галлии.

– Это я слышал, – махнул рукой Помпей. – Многие недовольны твоей наглостью, хотя никто не может понять, что тебе тут нужно, в этой холодной Галлии.

– Поэтому тебе надо стать консулом и спокойно управлять Римом, – нанёс последний удар Цезарь. Его слова не отвечали на вопрос Помпея, но обращались к его самолюбию. Таким образом, он старался добиться большего результата, чем долго объяснять цель своего пребывания в Галлии. И это был правильный шаг.

– Как это? Ты думаешь, что я снова смогу стать консулом? – Помпей заёрзал на кресле, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

– Так же, как и четырнадцать лет назад. Ведь вы уже были с Марком Крассом консулами, помнишь? И борьбу с пиратами, и войну в Азии, и великую славу – всё это ты получил благодаря должности консула, – Цезарь не скупился на красивые слова. Марк Красс внимательно слушал его, улыбаясь уголками глаз. – Так что, вы снова должны стать консулами в следующем году. После этого вы сразу одобрите в Сенате ещё пять лет моего наместничества в Галлии.

---

[33] Магистраты – должностные лица в Риме, обычно избиравшиеся на год.

[34] Катон Марк Порций Младший (Утический) – 95—46 г. до н.э. был образцом нравственности и порядочности. Выступал против Цезаря и Красса.

[35] Луций Домиций Агенобарб – консул 54 г. до н.э., противник Юлия Цезаря.

[36] Клиенты – класс населения древнего Рима, стоявший в зависимых отношениях к патрицианским родам и отличавшийся от плебеев. Патрон принимал клиента под свою защиту и покровительство, охранял его от обид как со стороны посторонних лиц, так и других членов рода, представлял его интересы в суде и предоставлял ему для обработки участки земли.

Чтобы я смог окончательно рассчитаться с долгами, – Цезарь крепко держал в руках нить рассуждений и не давал Помпею от неё отклониться. – Затем вы назначите Гнея Помпея, то есть тебя, наместником в твоей любимой Испании на пять лет, а Марка Лициния Красса – наместником в Сирии на пять лет. Красс соберёт войско и отплывёт в Азию. А ты останешься в Риме единственным консулом на весь этот срок. Ведь ехать в Испанию тебе будет необязательно. Я – в Галлии, Марк Красс – в Азии, а ты – в Риме. Дальше ты уже знаешь, что делать. Вся власть будет у тебя в руках.

– А как же мы обеспечим победу на выборах? – осторожно спросил Помпей. В душе он уже согласился с предложением Цезаря и теперь его волновало только своё будущее.

– Помпей, ты меня расстраиваешь! Так же, как и четырнадцать лет назад – при помощи денег. Или тебе известен другой способ? И ещё… вам надо будет сделать всё возможное, чтобы перенести выборы на осень, поближе к зиме[37].

– Зачем? – удивился Помпей. – Это нарушит закон. И создаст много проблем. А мне ещё надо успеть открыть большой театр к майским идам.

– Подожди с театром! – в голосе Цезаря впервые послышалось раздражение. – Летом у вас будет мало сторонников. Надо на время изменить закон, чтобы выиграть. Слушай: поздней осенью я отправлю большую часть легионеров в отпуск. Они сразу поедут в Рим. А там примут участие в выборах, как настоящие граждане республики. Понимаешь? И тогда у вас будет гораздо больше сторонников, – снисходительно улыбнулся он.

– Сколько? – не унимался Помпей.

– Достаточно. Их приведёт с собой Публий, сын Марка Красса, – ответил Цезарь.

– Да, тогда, пожалуй, может и получится, – задумчиво протянул Помпей.

– Получится, получится, – заверил его Цезарь. – Только не забудь, что гражданам Рима всегда надо платить! И немало. Половина плебса всегда готова продать свои голоса.

– Я согласен! Мне эта идея нравится, – с живостью согласился Помпей. Потом он посмотрел на Красса и спросил: – Но что Марку Крассу делать в Азии? Лукулл[38] ведь уже разгромил Армению. Теперь это бедная страна. Кстати, мне пришлось там немало потрудиться после него. Он же просто сносил города с лица земли. Даже те, которые не сопротивлялись. А когда дошёл до Тигранокерта, вообще озверел. Армяне ему выслали самых знатных послов, сыновей своей знати. Он взял, отрубил им головы и катапультами забросил обратно через стены. И ещё устроил себе потом в главном театре представление… – Помпей осёкся, посмотрел на терпеливо ждущих его Цезаря и Красса и вернулся к разговору: – Что там ещё? На юге Азии, насколько я знаю, есть несколько еврейских поселений, пару десятков храмов, полных золота. Но золото из храмов – это не повод для триумфа, – задумчиво заключил он.

– Ты прав почти во всём, мой мудрый друг, – улыбнулся Цезарь, и Помпей внимательно посмотрел ему в глаза. Цезарь не врал. – Дело в том, что ты совершенно забыл об одной угрозе, которая может превратиться для Рима в ужасный кошмар. В любой момент.

– Ты имеешь в виду… Парфию[39]? – удивлённо поднял брови Помпей.

– Именно! – радостно воскликнул он и хлопнул двумя ладонями по столу.

– Проблема только в армии, – добавил Красс.

– Ты прав. У тебя будут легионы Рима, Марк Красс. Поначалу – два. Один легион даст Помпей, другой – я, – увидев в глазах Красса немой вопрос, Цезарь продолжил: – По моим сведениям, сейчас в Риме можно набрать около двадцати-тридцати тысяч человек. Вопрос

---

[37] Выборы консулов в Римской республике проходили 1 июля.

[38] Лукулл Луций Лициний – около 117—56 г. до н.э., римский полководец и политический деятель. Командуя в 74—66 г. до н.э. римскими войсками в войне против Митридата VI, добился значительных успехов, уничтожив, при этом, почти всю армию Армении. Вскоре после возвращения в Рим Лукулл отошёл от политической деятельности.

[39] Государство на территории современных Ирана, Афганистана, Пакистана.

только, кто и сколько им будет платить. Не будем сейчас это обсуждать. Половина этих людей – сброд. Но другая половина – настоящие воины.

– И как я их найду?

– Тебе и не надо будет их искать, – ответил Цезарь. – За тебя это сделают другие. Я пошлю с тобой старшего трибуна Лация Корнелия. Его знают многие бывшие легионеры Помпея. Он был с ними в последнем походе. Лучше их знает только твой сын, но его отправлять на сбор легионеров нельзя. Наши враги сразу поднимут шум и натравят на нас пол-Рима. После этого тебя вряд ли изберут консулом. А этот молодой и очень способный трибун может помочь тебе в этом деле. Поверь мне, он – настоящий римлянин!

– Да, он был ещё совсем молодым у меня, – кивнул Помпей. – Я его тоже помню. Я слышал, он вытащил из реки двенадцать легионеров во время ночного нападения варваров.

– Да. Там был его друг. Ушёл под воду с головой. Лошадь затащила. Лаций Корнелий нырнул и нашёл его под водой. И вытащил на берег. Боги спасли его друга, не дав воде попасть внутрь.

– Слава богам! – воскликнул Помпей.

– Он хороший воин. Но чем он ещё мне поможет? – осторожно спросил Красс, стараясь говорить так, чтобы Цезарь не заметил, что он хорошо знает человека, о котором тот говорит.

– Марк Красс, он сделает за тебя основную работу. Никто лучше его не знает, как говорить с отставными легионерами и ветеранами. Причём, не только в Риме. Он служил практически со всеми более или менее опытными воинами. Его хорошо знают. Он предпочитает думать головой и не бросает своих людей на копья просто так. К тому же он отлично разбирается в оружии. Помнишь, каждый год, при отборе всадников его просили показывать, как он владеет мечом и копьём на коне? Так вот, он умеет даже бросать меч и нож! Тебе обязательно надо на это посмотреть! Кстати, он не раз снимал с лошадей сынков южных патрициев. Клод Пульхер[40], кажется, до сих пор ненавидит его. Помнишь, как он опозорил его тогда перед всем Римом?

– Да, это точно. Клод даже поклялся убить его, но его тесть Лукулл вовремя забрал своего «красавчика» в поход, – улыбнулся Помпей.

– Лукулл спас Пульхера от смерти, но не от позора. Лаций убил бы его одной рукой, – усмехнулся Цезарь. – Его бой с Мегабакхом на празднике Марса до сих пор помнят многие легионеры. Как он тогда одолел этого гиганта, до сих пор не понимаю, – покачал головой он. – В Риме Мегабакха любят больше, потому что он дружит с сыном Красса. А Лация – меньше, потому что у него нет такого богатого покровителя, как у этого темнокожего гиганта. К тому же Лаций всегда старался доказать, что он лучше других. Всегда хотел быть героем.

– Ну в Риме героев любят только один день. Сам знаешь. На следующий день эту любовь надо завоёвывать снова. Даже консулам, – усмехнулся Марк Красс. Помпей, поняв намёк, покраснел. – Наверное, поэтому Лаций и предпочёл пойти с Цезарем, а не оставаться с тобой в Риме.

– Ты же знаешь, я не мог поступить иначе. Если бы я не распустил легионеров… – Помпей хотел что-то возразить, но только махнул рукой.

– Лаций – настоящий сын своего отца. Жаль, что тот погиб, – вздохнул Цезарь. – Но всё происходит по воле богов. Помпей, скажи, ты согласен стать консулом?

– Если это послужит укреплению Рима и на благо его граждан, я согласен, – ответил тот. Цезарь повернулся к Марку Крассу:

– Ты уже виделся с Публием[41]?

---

[40] Клодий Публий Пульхер около 93—52 г. до н.э., римский политический деятель. Народный трибун 58 г.д.н. э. Происходил из патрицианского рода Клавдиев. Принимал участие в 3-й Митридатовой войне (74—64 г. до н.э.) под руководством Лукулла (своего зятя).

[41] Публий Лициний Красс – 86 или 82- 53 г. до н.э., сын Марка Лициния Красса.

– Ещё нет, – покачал головой Красс.

– Он очень хорошо проявил себя в Арморике и Аквитании. Серьёзные были битвы. Он спешит добиться славы на поле боя в первых рядах. Молодой и храбрый.

– Спасибо за добрые слова, Юлий, – спокойно ответил Красс. – Но ты же знаешь, что слава – богиня без возраста. Она любит и молодых, и старых. Правда, и тех, и других рано или поздно предаёт.

– О, как это правильно! Ты прав, да услышит меня Юпитер! – снова чересчур рьяно воскликнул Помпей.

– Думаю, правильно будет оставить твоего сына пока здесь. Перед выборами, когда ты примешь решение выступить в Сирию, я вышлю его к тебе вместе с его галльской конницей. Пусть почувствует разницу и порадует отца. Согласен? – предложил Цезарь

– Да. Ты, как всегда, смотришь далеко вперёд, – кивнул Красс.

– Марк, прекрати. Не надо лишних слов. Ты бы на моём месте сделал то же самое. Разве не так?

– Пожалуй, – согласился Красс. Он прислушивался к внутренней интуиции, но сердце молчало и билось ровно. Предложение Цезаря на этот раз не предвещало ничего плохого.

– Не говори ему пока ничего! Подожди. Пусть юноша пока остаётся в неведении. Объяснишь всё перед выборами, – Цезарь повернулся к Помпею. – Ну что ж, пора уже чего-нибудь поесть. Помпей, ты не против? Помпей, очнись! – окликнул он задумавшегося полководца. Тот встрепенулся. Было видно, что он почти не следил за их беседой.

– Ты же знаешь, что я голоден. Я целый день был в пути. И не успел даже воды попить, сразу – сюда.

– Ну ладно, ладно. Верю. Сейчас мы исправим эту беду. Пойдём в палатку ликторов. Там попросторней, и уже накрыты столы. Помпей, ты по-прежнему хочешь, чтобы тебе прислуживали испанки?

– О, да!

– Кстати, смотри, какие на тебе высокие сандалии! Кожа очень тонкая, явно молодого телёнка. Хорошая алута[42]. Делается при помощи квасцов в Галлии. Друг мой, я всё знаю, – Цезарь похлопал его по плечу. – И какие у тебя дорогие духи, Помпей! – наигранно удивился он. – Узнаю этот утончённый запах, – он втянул воздух носом и закрыл глаза. Помпей от удовольствия покраснел. – Это же духи из белой лилии и кардамона! Они стоят по тысячу сестерций за фунт! А ведь кто-то должен их привозить и продавать таким щёголям, как ты?

– Ладно, хватит меня учить, – пробурчал недовольно Помпей. – Не такой уж я и щёголь. Покажи лучше, что тут можно поесть в твоём маленьком городке.

– Почти ничего, друг мой, у нас скромная триклиния[43], – с притворным вздохом ответил Цезарь. Марк Красс усмехнулся. До этого в Равенне ему пришлось несколько раз прибегать к рвотным таблеткам, чтобы только попробовать все блюда, которые подавали на столе Цезаря. Но там он был один. Теперь оставалось только догадываться, что приготовил этот гурман на этот раз.

Скромная трапеза состояла из закуски, горячих блюд и десерта. После молитвы богам Помпей радостно поднял первый бокал вина за Цезаря.

– Да, пожалуй, стоит задуматься, – поджав губы и пробуя вино на вкус, сказал он, – может и мне заняться торговлей? Вино у тебя разбавлено в меру. Очень приятно. Спасибо, Юлий, – он поднял чашу над головой. Гай Юлий Цезарь снисходительно улыбнулся. Перед ними стояли перепелиные и гусиные яйца, салаты из овощей и мяса, артишоков, спаржи, тыква и дыня

[42] Алута – тонкая, мягкая кожа, выделанная и обработанная квасцами.

[43] Триклиния – столовая. Обычно это деревянный помост, вокруг которого с трёх сторон располагались три ложа на трёх человек. Подавали блюда с четвёртой стороны. Ели лёжа, облокотившись на левый локоть и изголовье.

с приправой из перца, огурцы, мальва, отваренный в вине лук-порей. В центре располагались несколько больших блюд с разными лесными ягодами, трюфелями, оливами, брюквой и репой, дальше – солёная и маринованная рыба, устрицы и птица.

– Помпей, ты готов к наступлению на главные блюда? – спросил его Цезарь, заканчивая морского ежа.

– Не совсем, – с трудом ответил тот. – Но ты не стесняйся, скажи, чтобы подавали! На пирах у Гортензия[44] в Риме мне бывало и хуже, – добавил он.

– Я слышал, что этот взяточник скупает на рыбном рынке всю рыбу, чтобы кормить своих миног в Баульском имении? – спросил Цезарь.

– Да, это так, – со смехом ответил Помпей. – Марк Красс тоже любит это дело. У него мурены. Однажды так горевал, когда у него умерла любимая мурена, что даже надел траур. Рыбы у него в большом почёте. Он даже отдал за одну из них десять гладиаторов! – Помпей расхохотался, а Марк Красс от возмущения даже перестал есть. Но Цезарь сделал ему знак рукой и подмигнул.

– Помпей, вино ударило тебе в голову. Пора нести главные блюда, – он вытер руки о салфетку из холста и махнул слугам. На полу сразу стало чисто, и постепенно, вместе с запахами жареного мяса, стали появляться огромные подносы с коровьим выменем, отдельно – со свиными рёбрами, сваренными в сладком вине, жареными утками, варёными чирятами, зайцами в уксусе и перце, жарким из какой-то птицы, филе косули и дикого кабана, оленьей холкой и жареной рыбой. Между подносами мелькали загорелые женские тела, едва прикрытые полупрозрачными тканями. Их узкие, продолговатые скулы и чёрные, масляные глаза выдавали в них испанок, которые считались в Риме самыми лучшими танцовщицами и куртизанками.

Помпей погладил себя по животу и рассмеялся.

– Даже если я останусь здесь на ночь, мне не осилить и половины, – сказал он.

– Возьмёшь с собой, я не жадный, – в тон ему ответил Цезарь. – Но не торопись, а то живот будет мешать обнимать этих красавиц, – добавил он, но Помпей уже набил полный рот и не мог говорить…

– Боюсь, до десерта не дотянем, – пробормотал Красс, вытирая руки, чтобы взять кусок нежной зайчатины.

– Не волнуйся, – усмехнулся Цезарь, – время есть. До вечера ещё далеко. Расскажи лучше, что там творится в Риме, раз тебя не волнуют женщины.

– Женщины меня всегда волнуют, просто нельзя столько есть и волноваться. Может не выдержать сердце, – попытался отшутиться Красс. – Ну что в Риме? Никто ничего не делает. Люди ждут чего-то нового.

– Все веселятся! – громко выдохнул с кривой усмешкой Помпей. – Твой красавчик Клод Публий Пульхер после Цицерона сослал из Рима ещё десяток людей. Но мне удалось вернуть Цицерона в прошлом году. Правда, вражда между ними не затихает. Кстати, дом ему Пульхер так и не вернул. Разграбил, купил и сам там живёт. А теперь собрал себе толпу из всякого сброда, шляется по ночам по городу и делает, что хочет. Люди уже боятся выходить из домов, – Помпей явно был в приподнятом настроении. Цезарь поморщился. Любимец женщин – Публий Клодий Пульхер – был очень скользким человеком и попросил простого римского гражданина, плебея, усыновить его, чтобы баллотироваться на должность народного трибуна[45]. Он поменял имя Клавдий на Клод и гордился этим. Плебейское родство формально давало ему

---

[44] Гортензий (Дионисия) – известный адвокат и оратор, современник Цицерона. Кроме Цицерона, он не имел соперников в красноречии. Стиль его отличался цветистостью, и он так заботился о производимом им впечатлении, что самым старательным образом располагал складки своей тоги. Он обладал абсолютной памятью, но не мог похвалиться такой же неподкупностью.

[45] Трибуны (или народные трибуны) – народные защитники, обладавшие правом вето, приостанавливавшим любое решение. Трибуны избирались из числа плебеев (народа) в количестве двух человек.

определённую власть. Однако Помпей не знал главного – Цезарь ненавидел, но терпел этого смазливого выскочку только потому, что тот был под защитой Марка Красса. Но об этом мало кто знал, и большинство считали Пульхера новой звездой на политическом небосклоне Рима.

– Клод такой же мой, как и твой, – спокойно ответил Цезарь.

– Ну это я не так выразился, – попытался оправдаться Помпей. – Я имел в виду тот случай с твоей женой… когда он переоделся на празднике и подкрался к ней, хе-хе. Э-э, ну, да, что-то я не то говорю, лучше о другом.

– Он ведь женат на дочери Лукулла? – усмехнулся Цезарь, заметив, как стушевался Гней, попытавшись напомнить ему о несносной выходке Пульхера с его первой женой. – Кстати, одобряю, правильный выбор. Лукулл – богатый зять. Но в Азии это Клоду не помогло. Лукулл так и не научил его думать головой. Как был, так и остался бестолковым мальчишкой. Добром он не кончит. Так что, лучше оставим эту тему. Как там моя дочь?

– О, Юлия! Очень хорошо. Передаёт тебе привет. Правда, болеет часто.

– Заботься о ней.

– Не надо напоминать, я и так ношу её на руках! – с широкой улыбкой ответил Помпей. Он действительно любил хрупкую и нежную Юлию, которая, к сожалению, не отличалась хорошим здоровьем. – И жена твоя, Кальпурния[46], тоже передавала тебе много чего. Ну ты знаешь, она, как всегда, наговорила столько, что я просто не запомнил. Она часто бывает у нас.

– Благодарю тебя. Передай ей тоже добрые слова, когда вернёшься.

– Кстати, ты сказал тут о легате Лации Корнелии, – вспомнил вдруг Помпей.

– Да, а что? – спросил Цезарь.

– Там такая странная история с его сестрой произошла. Её муж задолжал денег и вынужден был продать их дом за долги. Они, насколько я слышал, уехали из Рима в имение. Но оно тоже в плохом состоянии.

– Хм-м, – Цезарь нахмурился. – У них, кажется, нет другого источника дохода?

– Получается, да. И, знаешь, что интересно? Дом за долги купил всё тот же Пульхер. Хотя, если сравнивать с домом Цицерона, который он захватил со всеми богатствами почти за бесценок, там смотреть не на что. Ни статуй, ни мрамора, бассейн внутри маленький, и всего три фонтана у входа, ступени из старого мрамора. Маленький, очень маленький дом. Непонятно, зачем он ему понадобился. Зато в центре Рима. Может, хочет отдать его кому-нибудь из своих головорезов?

– Не знал, – сказал Цезарь. – Спасибо, что сказал. Я подумаю над этим, – в этот вечер он почти не пил вино. Позже ему предстояло ещё сделать много дел.

Марк Красс, который сидел напротив, с трудом покачал головой. Он уже столько всего попробовал, что не мог даже дышать, не то что есть. Он только слегка надкусывал сочные куски, пока совсем не сдался. Даже сухое вино не помогало ему протолкнуть жирную пищу дальше.

На десерт подали сушёные персики, абрикосы и финики, свежий виноград и яблоки, мучной крем и бисквиты. В перерыве шуты и клоуны устроили весёлое представление с грубыми шутками и пошлыми намёками, но Цезарь знал, что его гостям это нравится, поэтому приказал показывать именно истории Приапа. Артисты разыгрывали сцены деревенской жизни, соблазнение пастушки, сон винодела, любовь в пекарне и ещё кучу всяких популярных историй. Гости радовались от души. Обольстительные испанские гетеры уже сидели рядом, поглаживая и обнимая их за плечи.

---

[46] Кальпурния Пизонис – ок. 76 – 44 г. до н. э. Римская матрона, третья жена Юлия Цезаря, дочь Луция Кальпурния Пизона Цезонина, консула 58 г. до н.э.

– Цезарь, хотя у тебя руки и не в перстнях, как у наших богатых щёголей, – заметил Помпей, – но стол твой… – он сделал паузу, чтобы перевести дыхание, – стол твой не уступает лучшим столам Рима. Даже Лукуллу и Сцеволе.

– Благодарю тебя, Помпей. Я рад, что моя скромная пища доставила тебе удовольствие, – ответил Гай Юлий, пряча улыбку за чашей с водой. Помпей и Красс, уже изрядно подвыпившие, весело рассмеялись.

– Надеюсь, твои скромные обеды не повлияют на твои выплаты по процентам, – язвительно заметил Марк Красс, поглаживая свой живот, который никак не удавалось втянуть внутрь.

– Ну если бы ты снизил их хотя бы на два пункта, я смог бы угостить вас намного лучше, – в тон ему ответил Цезарь. Марк Красс, хоть и пребывал в тумане винного дурмана, но всё же заметил, что Цезарь не сдержался и выразил своё недовольство высокими процентами по кредиту. «Но ведь ты сам попросил в долг», – подумал Красс и сказал:

– Боюсь, что мне вместо снижения процентов придётся попросить тебя оплатить счета врачей за лечение моего желудка после этой скромной трапезы.

– Тогда пей сладкое лидийское вино. Оно лучше всяких лекарств, – примиряюще произнёс Цезарь. Марк Красс и Гней Помпей ещё долго обсуждали жизнь в Риме и последние новости с северных территорий. По мнению Цезаря, там зрело восстание венетов и в Аквитании тоже было неспокойно. Так постепенно наступил вечер, который навсегда изменил судьбу старшего трибуна Лация Корнелия Сципиона.

Глава Неожиданное задание

После встречи с Помпеем и Крассом, Гай Юлий Цезарь вызвал к себе старшего трибуна Лация Корнелия Сципиона, юного Публия Красса и несколько других воинов. Лаций был одним из его любимых воинов, на которого он мог положиться в бою, как на самого верного друга. Этот молодой баловень судьбы был очень похож на своего отца, которого Цезарь хорошо помнил и уважал за честность. У него были глаза матери – светло-серые, с томной глубиной, которые на солнце становились серо-голубыми, а в сумерках подёргивались светло-серой пепельной дымкой, как туманом. Цезарю нравились его азарт, смелость и умение биться до конца в самых безнадёжных ситуациях. Несмотря на явные способности в управлении, Лаций не имел таких связей и поддержки, как сын Красса, поэтому в армии он мог лучше выразить все свои качества, в то время как все остальные рассматривали службу здесь как ступеньку в политической карьере. Цезарь видел, что этот молодой трибун пока ещё не задумывался о том, что будет делать после окончания службы. Да, у него было много друзей. Достойных и верных. Эти люди готовы были пойти за ним в самую гущу сражения. Но они были не из сословия сенаторов и аристократов, которые могли бы пригодиться в будущем. Цезарь знал, что для настоящего легата, которым хотел стал Лаций Корнелий, этого было мало.

– Слушайте внимательно, – обратился к ним Гай Юлий. – Завтра двое из вас – Лаций Корнелий и Марк Флавий покинут лагерь, – коротко произнёс он. – Вы поедете с сенатором Марком Крассом и Гнеем Помпеем. Безо всякого сопровождения. Слуг оставьте здесь. Они будут только мешать. Нужны надёжные воины. Насколько я знаю, вы оба можете побриться и причесаться сами. Не неженки из Сената, – усмехнулся он. Лаций и Марк улыбнулись в ответ. Похвала Юлия даже в таком виде была редкостью. Цезарь тем временем продолжил: – Ты, Публий Красс, выдвинешься к границе на реке. Будешь находиться там до моего указания. Следи за перемещением варваров на той стороне. Высылай мне гонцов каждый день с подробными донесениями. Это очень важно. Всё. Лаций и Марк, останьтесь!

Когда два легата вышли, Цезарь подошёл, внимательно посмотрел сначала на Лация, потом на Марка, как будто видел их в последний раз. Те почтительно молчали. Цезарь взял свиток.

– Марк Флавий, ты завтра поедешь с Гнеем Помпеем в Рим. Твоя задача – добраться туда целым и невредимым. Следи за едой и охраной по ночам. Не полагайся на его слуг. В Риме ты передашь эти письма моей жене Кальпурнии и будешь выполнять все её указания до прибытия старшего трибуна Лация Корнелия. Понятно?

– Да, Цезарь, – чётко ответил Марк Флавий.

– Иди, – кивнул он и повернулся к старшему трибуну. Какое-то время Цезарь задумчиво смотрел ему в глаза, потом отвернулся и подошёл к столу. Два раза он отъезжал в Рим, и оба раза, как назло, сначала венеты, а потом сарматы с кимврами нападали на их лагерь. В первый раз опытного префекта лагеря убили прямо в палатке. Прилетевшее от стены копьё пригвоздило его к земле, как щепку. Тогда Лаций успел при помощи корниценов[47] быстро организовать защиту лагеря. Они оттеснили варваров к стенам и забросали их короткими дротиками и пилумами[48]. Затем он поставил две когорты у стен изображать движение, и пока легионеры, крича и стуча мечами по щитам, быстрым шагом двигались по кругу, отвлекая внимание, Лаций с отрядом конницы вышел с другой стороны лагеря и ударил венетам в тыл. Из лагеря в этот момент ему помогли пехотинцы-гоплиты, и удар получился с двух сторон. Пленных в том бою практически не было. Римляне потеряли около пятидесяти человек, что, учитывая ночное

[47] Корницен – горнист.

[48] Короткое тяжёлое копьё с металлическим наконечником. Пробивало щиты противника с небольшого расстояния.

нападение, было просто невероятно. В основном, погибли те, кто оказался не готов защищаться в первые минуты боя. Цезарь потом наградил Лация венком, но тот попросил помощь для своего легиона – заказать мечи в городе Дертоне, небольшом поселении на севере Этрурии. Это всех немало удивило, даже Цезаря. Но, как оказалось, там делали самые лучшие мечи во всей Италике, и Лаций сам давно мечтал заказать себе редкий меч у одного старого мастера в этом городе. Гай Юлий перед этим получил от Марка Красса большую ссуду и был очень рад, что ему не придётся набирать новый легион благодаря храбрости и сообразительности этого молодого воина. Поэтому он согласился. Помнил он и то, что легат Теренций Юлиан в последнее время отправлял Лация на задания, которые часто выглядели слишком глупыми. Два раза тот чудом вырвался из засады, потом спасся со своими людьми только благодаря умению плавать. Убрать легата Теренция и оставить старшего трибуна Лация вместо него не имело смысла – для этого потребовалось бы приложить слишком много неоправданных усилий в Сенате, где большинство сенаторов в этот момент были не на его стороне. Игры, игры… Но с этими старыми аристократами пока надо было считаться…

Цезарь знал, что в Риме Лация будут ждать неприятные новости. Но если оставить его здесь, он всё равно узнает и о доме, и о сестре, и будет думать, как решить эту проблему. Здесь, в Галлии, он ничего сделать не сможет, и будет только мешать своей горячностью – начнёт проявлять характер и рваться в бой. В бою он тоже ничего не добьётся. Только погибнет. К тому же все эти слухи о золоте этрусков, какие-то глупые попытки новых молодых аристократов в Риме найти эти сокровища, переписка Клода Пульхера с Теренцием Юлием, которую они затеяли втайне от него – всё это мешало будущим планам Цезаря. И Лаций Сципион тоже каким-то образом оказался замешан в эту нелепую историю. Поэтому сейчас лучше было отправить его из Галлии подальше.

Цезарь улыбнулся, собрал несколько папирусов и повернулся к молодому трибуну.

– Ну что ж, пришло время поработать не только мечом. Ты поедешь с Марком Крассом на Сицилию. А потом – в Рим. Или наоборот. Я ещё не знаю, – он замолчал на мгновение, но Лаций не спешил задавать вопросы. Он всегда предпочитал выслушать до конца. – Ты должен будешь найти всех тех легионеров, да и не только легионеров, кто способен держать меч в руках. Там сейчас должно быть много ветеранов из твоих бывших друзей. На Сицилии всегда тепло, много вина и хлеба. К тому же, там самый большой храм Венеры, где бывшим воинам никогда не отказывают в любви.

– Да, я слышал об этом. Но…

– У тебя будут полномочия Сената. Красс поможет, – Гай Юлий на мгновение замолчал. Лаций немного удивился серьёзности его тона. Возможно, тот хотел сказать что-то более важное. Цезарь продолжил: – Всех их надо будет разместить под Римом. В город везти нельзя. Пусть ждут команды Красса. В принципе, с завтрашнего утра ты поступаешь в его распоряжение. Он тебе всё расскажет. Ты должен помочь ему собрать двадцать—тридцать тысяч человек. Понятно? Когда и в какие сроки, он тоже тебе объяснит. Все расходы будет оплачивать он. Вопросы о деньгах будешь задавать ему. Ясно?

– Почти.

– Говори! – Цезарь внимательно посмотрел ему в глаза.

– Зачем надо столько людей? Мы собираемся в новый поход? И почему я? Есть люди, достойнее и почётнее меня. Например, Публий Красс. Он – его сын…

– Лаций, ты должен хранить это в тайне, – перебил его Цезарь. – Публий не был с Помпеем в военных походах. Он не знает легионеров, как ты. И он не сможет собрать столько людей. Понятно? Эти люди понадобятся Марку Крассу, а не мне. Понадобятся через год. Но начать надо сейчас. Начинать собирать… Причём не легатов и префектов, а именно самых

опытных центурионов, трибунов, их помощников опционов[49], знаменосцев, горнистов-корниценов и особенно – ветеранов. Они нужны будут для третьей линии в центуриях и для обозных работ. Ты сам всё знаешь, тебя не надо учить!

– Но в Риме есть закон о наборе в армию, дилектус. И новобранцы…

– Да, да, ты прав. Но у тебя другая задача. Простых пехотинцев можно будет набрать из любых других провинций, даже кастатов[50] и гладиаторов. Красс даст им потом римское гражданство. Но среднее звено он не соберёт. Тут одним законом не поможешь. И даже деньгами. Здесь надо знать людей, чтобы они тебе доверяли.

– Странно. Но тридцать тысяч… зачем так много? У нас сейчас здесь, в Галлии, не больше двадцати.

– Нет, это не много, – коротко ответил Цезарь. – Но ты не думай об этом. Твоя задача – командиры. Понял?

Лаций покачал головой.

– Что можно сделать с такой армией? – спросил он.

– Отправить её как можно подальше от Рима. Такой ответ тебя устраивает? – впервые улыбнулся Цезарь.

– Значит, Марк Красс станет консулом? – догадался Лаций.

– Ты против?

– Нет-нет, я просто хотел понять…

– Кажется, теперь ты всё понял, не так ли? – в голосе Гая Юлия послышалась усталость.

– Да, – чётко ответил Лаций.

– Помни, что ты собираешь людей для легионов Цезаря. Так ты будешь говорить всем магистратам. Люди должны думать, что нам тут нужны люди для укрепления границы в северной Галлии и для этого тебе надо отправить легионы на север. Риму ничего не должно угрожать. Так всем и говори.

– Вроде бы похоже на правду. Даже почти правда.

– Ну вот и отлично. Когда сам веришь в то, что говоришь, то скоро забываешь, что это не так… Ну что, теперь всё? Или ты хочешь что-то спросить? – Цезарь опёрся руками о стол.

– Всё.

– Да, кстати. Забыл тебе сказать. Когда приедешь в Рим, тебе надо будет найти время и заехать к моей жене Кальпурнии. Наверное, на виллу. Она хочет познакомить тебя с дочерью своей сводной сестры Валерии. Это девушка очень порядочная и воспитанная. И ещё красивая. Её зовут Оливия. Моя жена поможет тебе произвести на неё хорошее впечатление. Ты не противься сразу, хорошо? Веди себя нормально, сдержанно. Будь помягче. Постарайся присмотреться к ней. На это надо время. Может, она тебе даже понравится. Спокойная и преданная жена – очень важный момент. Женские дела сложные. Это только кажется, что женщины сидят дома и ничего не делают. Они тоже играют свою роль в нашей жизни. Поэтому познакомься с ней, проведи некоторое время, удели внимание. Подумай о ней как о возможном выборе после окончания своей военной карьеры. Пизонисы – очень древняя семья и очень обеспеченная. Ты меня слышишь?

– Да, – поморщился Лаций.

– Не надо делать такое лицо! Я знаю, что ты не спешишь стать толстым и ленивым патрицием. Но жизнь меняется. Научись думать о будущем. Иначе ты никому не будешь нужен. Всё. Встретишься с Оливией и дальше решишь, нравится она тебе или нет. Я тебе не отец и не диктатор. Поэтому женить тебя силой не буду.

---

[49] Опцион – помощник центуриона. Заменял его в бою в случае смерти.

[50] Кастат – рождённый в лагере от легионера. Хотя жениться легионерам было запрещено, случаи рождения детей от живущих рядом с лагерями женщин были повсеместны.

– Благодарю тебя, – вздохнул Лаций и немного расслабился. Отсутствие обязательств перед Цезарем было очень важным условием. Теперь он с лёгкостью мог отказаться от встречи с этой Оливией, раз она его ни к чему не обязывала.

– Возьми у квестора[51] сто тысяч сестерциев, – добавил Цезарь. – В Риме тебе передадут ещё сто тысяч на личные расходы.

– Сколько? – опешил Лаций. – Сто тысяч? Но у меня есть деньги, – он не мог скрыть своего удивления. – Мне их регулярно передаёт сестра из Рима. Имение отца на севере…

– Тогда скажу тебе так: это деньги на те расходы, о которых ты ещё не знаешь. Задание очень сложное. А Красс не всегда платит вовремя. Короче, это приказ! – закончил Цезарь и хлопнул ладонью по небольшому круглому столу.

– Да, я понял, – кивнул Лаций.

– Ну тогда всё. Вот письмо для моей жены. Не потеряй его! Передай в руки. Собери самых надёжных людей! Теперь иди. Всё. Пусть Морфей[52] позаботится о твоём сне ночью, а с утра – Аквилон[53] дует тебе в спину до самого Рима. А Марсу[54] сейчас нужно немного отдохнуть, – он вздохнул, и Лаций с благодарностью склонил перед ним голову.

– Благодарю, Цезарь! – он приложил руку к груди и вышел. Гай Юлий посмотрел ему вслед. «Тоже ещё молод, но не так безрассуден, как сын Красса. Может, и добьётся чего-нибудь в жизни», – подумал он. Лаций даже предположить не мог, что больше никогда уже не увидит этого великого полководца. Через какое-то время Гай Юлий Цезарь вернулся к столу и достал пергамент. Сверху было написано «Записки о Галльской войне».

Старший трибун Лаций Корнелий Сципион в это время отдавал последние приказания центурионам. Отобранная восьмёрка включала самых надёжных и преданных друзей. Возглавлял её Варгонт, которого тоже хорошо знали бывшие легионеры Помпея и Цезаря. Лацию оставалось только попрощаться с легатом Теренцием и встретиться с Марком Крассом, который уже ждал его у себя в палатке.

---

[51] Квестор – помощник консула. Полномочия каждого квестора определялись Сенатом Римской республики при его назначении. В его обязанности входило хранение казённой наличности воинского формирования.

[52] Морфей – бог сна (римск.).

[53] Аквилон – бог северного ветра (римск.).

[54] Марс – бог войны (римск.).

Глава Последний день в лагере

Около палатки Красса стояли всего два легионера, у столба были привязаны четыре лошади, и ничто не говорило о том, что внутри находится один из богатейших людей Римской республики. Лаций назвал себя, и его сразу провели внутрь. В глубине, за небольшим столом сидел Марк Красс. Лаций сразу узнал его. Красс что-то рассматривал с серьёзным выражением лица, но издалека не было видно, что именно. Светильники были маленькие и тусклые. Если бы он мог разглядеть несколько разложенных на столе пергаментов, то заметил бы, что это были закладные и расписки. У самого края стола лежала небольшая восковая дощечка, на которой Красс обычно считал проценты.

– Лаций Корнелий Сципион, – громко представился он и остановился в нескольких шагах от стола. Пожилой патриций посмотрел на него пристальным взглядом. Лацию стало неуютно, но лишь на мгновение – он сразу подавил в себе неудовольствие и произнёс: – Гай Юлий Цезарь направил меня к тебе. Он сказал, что я должен теперь выполнять твои поручения.

Марк Красс продолжал молчать. Он откинулся в кресле и продолжал внимательно смотреть на старшего трибуна.

Лаций опустил глаза вниз: всё, вроде бы, было на месте: пояс, короткий меч, шлем в руке и… чёрный кружок медальона. Заметив его взгляд, Лаций быстро спрятал его под тунику. Может, этот старый аристократ тоже оценивает его, как легат Юлиан? Но ведь если бы ему был нужен любовник, он не стал бы ехать за ним в такую даль, логично заключил он про себя и успокоился.

– Да, завтра утром мы должны отправиться в Рим, – спокойно произнёс Красс. – Но разными дорогами. Тебе придётся сначала побывать на Сицилии.

– Я знаю. Цезарь предупредил меня, – сказал он. Красс одобрительно кивнул.

– Ну что ж, тогда слушай, что надо сделать, – и он подробно рассказал ему, сколько воинов надо будет собрать, какую цену им обещать, где и у кого останавливаться, а также срок, к которому ветераны и новобранцы должны оказаться под Римом.

– Прости, но я ничего не услышал о том, как я буду оплачивать расходы такого количества людей, – осторожно произнёс Лаций.

– Ты ничего не будешь оплачивать, – ответил Красс. – Ты будешь только обещать. На дорожные расходы деньги тебе выдадут завтра. На Сицилию с тобой поедет мой человек, которому я доверяю… и который будет помогать тебе там. Он знает на острове всех наших сторонников, если их можно так назвать. Или, проще сказать, людей, которые кое-чем мне обязаны. Они примут тебя и всех твоих воинов, дадут еду и воду. Об этом не беспокойся. За корабли заплатит тоже он. Он будет ждать вас в Фермене. В гарнизоне у коменданта. Его зовут Оги. Оги Торчай. Этот человек встретит вас там, когда приедете. Он всегда будет рядом и не будет тебе мешать. Просто не обращай на него внимания больше, чем нужно, и всё будет хорошо. Делай своё дело, – Красс многозначительно поднял вверх брови. – Понимаешь?

Лаций кивнул, но попытался ещё раз вернуться к этой теме:

– Но людей будет очень много…

– У меня много должников, – уверенно прервал его Красс, и в его голосе прозвучали властные нотки. – Твоя задача – командиры. Надёжные, настоящие опытные воины, а не пьяные воры. Ты понял?

– Да, пока всё ясно. Двадцать тысяч воинов… Это немало.

– И ещё, – Красс поднял руку, как бы привлекая внимание. – Будь осторожен с новым наместником на Сицилии. Его зовут Фабий Кантон Сикстилий. Предыдущий оставил после себя одни долги, поэтому там сейчас надо быть очень осторожным. Не надо ссориться с этим человеком. Но и обещать много не надо. На Фабия Кантона моя власть не распространяется.

Он человек из чужого лагеря. Но у него есть свои слабости. Ему сейчас очень нужны будут деньги. Поэтому не перечь ему и постарайся не говорить, что ты платишь легионерам. Если с тобой что-то произойдёт, я не смогу бросить дела в Риме и поехать на Сицилию, чтобы спасти тебя от его, как бы это сказать… – Красс замолчал, подбирая нужное слово, но не нашёл его и просто закончил свою мысль: – Короче, не делай глупостей.

– Постараюсь, – кивнул Лаций.

– Тогда иди. Помни: мне нужен гонец с коротким письмом из каждого города! Но тебе не дадут об этом забыть. Оги Торчай будет напоминать…

– Да, конечно, – ещё раз кивнул Лаций и вышел из палатки. Теперь ему оставалось только зайти к легату Юлиану, чтобы забрать письма для его жены. В груди поселилось новое чувство, и Лаций с любопытством наблюдал за ним: тело всё ещё было здесь, посреди лагеря в Галлии, а душа где-то далеко-далеко и часть мыслей уже не принадлежала ему. Он видел, как скачет по дороге на юг, к морю, как садится на корабль, пересекает пролив и попадает сначала на Корсику, которую греки называли «каллисте», прекраснейшая, а потом – на Сицилию… Дальше его воображению не дал разыграться вопрос караульного:

– Ты к легату, Лаций?

– Да. А что, он занят?

– Вроде да. У него там близкий человек, – многозначительно усмехнувшись, хмыкнул караульный.

– Понятно, – пробормотал он. – Не знаешь, надолго?

– Ну сложно сказать. Они давно уже там. Должны были уже наиграться, – шёпотом ответил легионер. Лацию пришлось присесть у столба для лошадей и подождать.

Через некоторое время из палатки вышел человек в плаще легата, м Лаций сразу узнал в нём надменного повесу в шлеме с золотыми звёздами. Тот бросил в его сторону короткий взгляд, но ничего не сказал и молча прошёл к своей лошади, которую держал для него слуга. Вслед за ним вышел Теренций. На лице у него играла сладкая улыбка, а глаза ещё хранили отпечаток сладострастия. Увидев Лация, он сразу пригласил его войти.

– Идём, идём, – похлопав по спине, он взял Лация за локоть и провёл его внутрь. – Не ожидал, что ты так быстро вернёшься. Думал, консул будет более словоохотлив. Тут старый знакомый ко мне зашёл. Тоже недавно из Рима. Пойдём, я передам тебе письма. Кстати, куда вы направляетесь завтра с Крассом? – как бы невзначай спросил он.

– Красс сказал, что поедет сразу в Рим. У него там дела, – ответил Лаций. – А я – на юг, в сторону Генуи, а оттуда – на Корсику.

– Да? – искренне удивился Теренций. – Ты поедешь через Фермену или Брацу?

– Красс сказал ехать через Фермену. Там нас будет ждать его человек, с которым мы поедем дальше.

– А-а.. – с пониманием протянул Теренций и как-то загадочно улыбнулся. – Ну да, конечно… Удачи тебе! Вот письма для жены и родственников. Передай Флавию. Он едет с Помпеем прямо в Рим?

– Да.

– Значит, говоришь, через Фермену? – вдруг снова спросил он.

– Ну да. А что? – не понял Лаций.

– Ну через Фермену, конечно, ближе к Генуе, чем через Брацу, – как бы оправдываясь, быстро произнёс Теренций. – Пусть боги хранят тебя и пусть дорога будет лёгкой!

– Благодарю тебя за всё, Теренций. Ты прав, надо пойти принести богам жертву. Я не сделал это тогда, после нападения. И после Тароги тоже не успел. Но теперь до утра время есть.

– Конечно, конечно, принеси жертву, – натянуто улыбаясь, закивал головой легат, думая уже совсем о другом.

Разговор с Варгонтом был недолгим, и Лаций направился к авгуру[55], чтобы заплатить за двухлетнюю овцу и принести её в жертву на алтаре у ограждения. В самом лагере было темно и тихо. Только в углах квадратов, возле часовых, были видны точки факелов и ещё несколько – у ворот. Уставшие за день легионеры всегда рано ложились спать, чтобы с рассветом приступить к многочисленным работам. На стенах виднелись фигуры караульных, слабые пятнышки их небольших факелов казались на расстоянии маленькими звёздами, которыми в эту тихую ночь было усыпано всё небо. Пока жрец выполнял ритуал, Лаций, закрыв глаза, благодарил Аврору и Марса, а потом и всех остальных богов за покровительство и удачу. Авгур что-то невнятно бормотал, разделывая овцу, в костре уютно потрескивали ветки, и Лацию не верилось, что рано утром он уже покинет это место. В это время всего в ста шагах от костра встретились два других человека. Они отошли к самой стене лагеря, где их точно никто не мог бы увидеть и услышать. Их разговор имел к Лацию самое непосредственное отношение. И если бы он его услышал, его судьба, скорей всего, сложилась бы по-другому.

[55] Авгур – член римской жреческой коллегии, выполнявший гадания (ауспиции) по природным явлениям, знакам и поведению животных для предсказания исхода тех или иных мероприятий.

Глава Ночной разговор

– Откуда ты узнал об этом? – скучно спросил молодой голос.

– От того человека, которому это нужно.

– Тайны какие-то. Не верится… И что тебе с этого?

– Честно?.. Я хочу бросить службу и купить землю. Поэтому мне надо золото.

– Ты шутишь?

– Послушай, мы сможем с тобой хорошо жить, не думая о будущем. Поверь. Это не просто амулет!

– Кому нужен кусок деревяшки?

– Плевать, кому! Главное, что за неё готовы заплатить.

– И какой глупец готов заплатить за неё столько золота? Кстати, сколько тебе обещали? – последнюю фразу сомневающийся голос произнёс уже не так небрежно.

– Очень много. На двоих хватит, поверь.

– Это не ответ, – в темноте раздался усталый вздох. – Ты просишь меня помочь, но это опасно. Мы рискуем своим положением в Риме и даже жизнью, и ты не хочешь сказать мне ради чего?

– Ты что? Чем ты рискуешь? Отдать медальон, получить золото, и всё!

– …сколько?

– Десять талантов золота[56], – прозвучало еле слышно в ответ. На какое-то время воцарилась тишина, и только тихие шорохи за стеной лагеря напоминали о существовании ночной жизни.

– Десять талантов золота? – медленно повторил молодой голос.

– Да, десять талантов.

– Это же… очень много. Не может быть…

– Да, да, много! Ну что? Согласен? – прозвучал уверенный вопрос.

– Не верю. Бахус напоил тебя неразбавленным вином. Ты, наверное, пьян. Десять талантов – это очень много!

– Но это так, поверь мне. Всё, что говорил Клод, оказалось неправдой. Этруски спрятали золото у жрецов, а не у варваров. А жрецы умерли. Все, все семь человек. И золота у них после смерти не нашли. И никто не знает, куда они его спрятали. Так что этот медальон никому не нужен, кроме этого главаря. Он верит, что сможет пойти туда и найти золото сам. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Как он попадёт в Этрурию? Но даже, если доберётся, зачем же ему тогда этот медальон? Он, что, глупее тебя? Почему ты сам не можешь взять медальон и найти это золото?

– Потому что его нет! А варвар верит, что есть! Он думает, что медальон обладает силой и поможет ему найти золото этрусков. Вот и всё. Пусть берёт его и идёт себе искать своё золото! А нам отдаст десять талантов. Согласен?

– Глупость какая! – молодой голос затих, и какое-то время оба собеседника молчали. – И ты собираешься отдать ему медальон? – наконец, с интересом спросил он.

– Нет. Я делал второй. Такой же. На всякий случай. Вот, у меня на груди. Посмотри. Отдадим его, возьмём золото и вернёмся назад.

– А если он не отдаст золото?

---

[56] Талант золота в Риме как единица веса равнялся кубическому футу, примерно объёму одной амфоры (26 литрам).

– Тогда нам не повезёт. Но он дал мне две золотых монеты. Вот, держи одну! Потом посмотришь. Я никогда таких не видел. Он сказал, что заплатит ими. Так что можно попробовать.

– Похоже на золото. Мягкое. Хм-м. Как-то всё просто очень. Но… хорошо, я согласен, – после некоторого раздумья ответил молодой голос.

– Хвала Юпитеру! Ты разумный человек. Иди! Я сейчас тебя догоню. Жди меня в палатке. Выезжать надо будет рано утром.

Когда первая тень отделилась от деревянной стены и исчезла в проходе между палатками, вторая остановилась у столба для привязи. Это был Теренций Юлиан. Он поднял голову к небу и вознёс хвалу богам. Да, он не сказал своему собеседнику, что вторым условием было привезти человека со знаком на плече. Но Лаций и сам ехал туда. Правда, Теренций на всякий случай сделал себе на плече такой же знак, как у него. Вдруг с трибуном что-то приключится в дороге или он опоздает…

На чёрном небосклоне промелькнули несколько светлых линий. Эти звёзды явно посылали ему боги. Это был знак, что настало время подумать о возвращении домой, в Рим, в тёплые термы[57] с горячей водой и паром, к спокойной жизни, вечерним обедам и развлечениям в Суббурском квартале.

[57] Термы – бани (римск.).

Глава Путь в Фермену

Солнце едва поднялось из-за горизонта, а восьмёрка Варгонта с Лацием уже стояли у ворот лагеря. Цезарь приказал выделить им ещё двух лошадей из обоза, хотя обычно пехотинцы передвигались пешком рядом с лошадью старшего легионера и такой роскоши им не полагалось. Но для посланника Красса было сделано исключение. Некоторые воины в его восьмёрке умели ездить верхом, и только Варгонт осторожно относился к этим животным, говоря, что не любит слишком высоко отрываться от земли. В детстве отец посадил его на молодого жеребца, и испуганный мальчик Варгонт, естественно, упал, сильно ударившись о землю. С тех пор он не любил отрываться от земли выше, чем мог подпрыгнуть сам, что тоже выглядело смешно, так как его приземистая, широкоплечая фигура напоминала в этот момент больше каменную глыбу, чем прыгающего человека.

Караульные стояли у ворот с серыми, как придорожная пыль лицами. Они безразлично открыли ворота, ещё двое подошли к краю стены, чтобы посмотреть им вслед. Короткие приветствия, два-три приказа, одно слово прощания – и всё, лагерь остался позади. Через некоторое время их невыспавшиеся лица на стене растаяли в утреннем тумане, и теперь Лация и легионеров сопровождал только лёгкий прохладный воздух с каплями утренней росы на траве.

В то же время от противоположных ворот отъехали два человека в накидках и шлемах простых всадников. И даже сандалии у них на ногах были из грубой свиной кожи, как у простых гастатов. Они быстро поскакали в сторону видневшегося вдалеке леса. Было видно, что дорогу эти люди знали хорошо.

Лаций ехал молча. Легионеры изредка перекидывались короткими фразами, но, в конце концов, устали шутить и затихли. Солнце поднималось всё выше и уже начинало приятно греть спину. К полудню его нежность обещала превратиться в беспощадную жару, но, как это часто бывает в гористых или близких к морю землях, небосклон подёрнулся лёгкой дымкой почти невидимых облаков. К полудню всё небо заволокло тучами, и к вечеру должен был пойти дождь.

– Надо найти, где остановиться, – недовольно глядя на небо, пробурчал Варгонт. Лаций посмотрел на него и вздохнул.

– Полпути ещё не проехали. Здесь нет деревень.

– В грязи потонем, – не меняя выражения лица, добавил старый друг. – И завтра точно в Фермену не попадём.

– У нас нет топоров. И лопат. Что ты предлагаешь? – спросил Лаций.

– Можем остановиться у края леса, вон там, – он показал рукой в сторону от дороги. – Похоже, там старые деревья. Нарубим веток и спрячемся под корнями.

– А если до утра не пройдёт? Тут низина. Окажемся в болоте, – покачал головой Лаций.

– Может и в болоте, – согласился Варгонт, – но если дождь долгий, будет ещё хуже. Заблудимся и ноги лошадям переломаем. И ещё неизвестно куда выедем. Лучше уж переждать здесь.

– Пожалуй, ты прав, – Лаций ещё раз посмотрел на небо и согласился. Надо было спешить, чтобы не промокнуть.

Ливень разразился, когда они укладывали последние ветки поверх корней старого дерева. Но им повезло – к этому моменту они уже успели расширить небольшое углубление, и теперь там могли поместиться все девять человек. Огромные кроны зашумели от резкого порыва ветра, и первые тяжёлые капли глухо застучали по земле и листьям. Просидев до темноты, все постепенно заснули. Лаций в это время обсуждал с Варгонтом, что они будут делать на Сицилии и что потребуется для организации временных лагерей новобранцев. Так незаметно наступила ночь. Ливень оказался сильнее, чем они ожидали, и он вряд ли должен был

закончиться к утру. Варгонт оказался прав. Делать было нечего – пришлось сидеть и ждать. Хорошо, что они взяли с собой больше еды, чем требовалось, и не страдали от голода. Так прошли два дня.

В это время всего в нескольких милях от этого места, с другой стороны леса, быстро скакали два всадника. Если бы они не знали дороги, то легко заблудились бы в наступившей прямо посреди дня темноте. Казалось, тучи зацепились за верхушки деревьев и накрыли весь лес плотным нескончаемым потоком дождя. Но остановиться они не могли, потому что очень спешили. Им надо было оказаться в Фермене раньше Лация и его людей. Теренций не хотел, чтобы покупатель медальона случайно увидел в городе его старшего трибуна и отказался платить за медальон. Поэтому он торопился приехать туда раньше их. Если легионеры не остановились и двигались сейчас по дороге, то ему надо было спешить, чтобы опередить их. Если Лаций принял решение остановиться и переждать дождь, то всё будет хорошо. Так полагал легат Теренций. Его новый молодой друг, вынужден был молча соглашаться с его доводами. Он продолжал следовать за своим старшим товарищем, чуть отстав и постоянно думая о висевшем у него на шее медальоне, который тот дал ему, чтобы не спутать с поддельным. Золотая монета и невероятная прочность круглого талисмана убедили молодого Юлия Клавдия в искренности слов легата Теренция, и теперь он вынашивал в голове планы о том, как самому завладеть и медальоном, и золотом. Проще всего было получить его от варваров, а потом избавиться от старшего товарища. Но для этого сначала надо было сначала добраться до города Фермена.

Глава Зловещее предзнаменование

Дождь лил до поздней ночи следующего дня. Последние капли ударились о землю с такой же силой, как и первые, и после этого неожиданно наступила тишина. Легионеры переглянулись и осторожно стали выбираться из наполовину промокшего укрытия. Всё небо было усыпано звёздами, воздух буквально звенел от тишины. Вокруг было полно луж, в которые тихо капали с листьев крупные капли. Дорога представляла собой сплошную реку. Оставаться под деревьями смысла не было, и Лаций принял решение идти вдоль леса по мокрой траве. Передвигаться здесь было мучительно тяжело, так как сандалии сразу размокли и болтались на ногах, как тяжёлые цепи.

– Не люблю я эти мокрые лесные термы, – пробурчал Варгонт.

– Что ты всё время недоволен? Тебе бобы невкусные попались? Или Фернопонт не дал хлеба? – спросил с улыбкой Лаций.

– Наоборот, слишком много дал! – ответил вместо него гастат Фернопонт. – Ты, что, не слышишь, как у него бурчит в животе, что ли? – все легионеры засмеялись, а Варгонт пригрозил ему кулаком.

– Смейся, смейся, чёрная твоя морда. Посмотрим, что ты запоёшь, когда встретишь ночных духов.

– Я им предложу с тобой побороться, – всё так же беззаботно ответил его друг. Дальше до самого города легионеры молчали. Им потребовалось почти полтора дня, чтобы добраться до широкой дороги. Вскоре впереди показались городские стены.

Город Фермена был достаточно большим галльским поселением, с высокими стенами и многочисленным римским гарнизоном. Через него постоянно проходили войска и большое количество торговых поставок из портовых городов, куда купцы отправляли пеньку, вино, ткани, мясо, шкуры, хлеб, сало, шерсть и много других припасов, за которые в Риме платили втридорога. Такие промежуточные города имели много складов и, конечно, городские рынки, где постоянно шла бойкая торговля, поэтому ворота города, практически, никогда не закрывались – через них днём и ночью шли люди. Поэтому, когда на следующий день вечером Лаций с товарищами увидели закрытые ворота, перед которыми скопились десятки телег и сотни людей, они сильно удивились.

– Варгонт, ты никому не говорил, что едешь в Фермену? – спросил один из легионеров. – Может, они тебя испугались?

Но никто не улыбнулся. Закрытые ворота всегда были неприятным знаком.

– Смотрите внимательно! – приказал Лаций, но он мог бы и не говорить этого. Все и так прекрасно знали, что ворота в городе закрывают только от врагов. Значит, эти враги находились сейчас где-то рядом и их было очень много, раз комендант такого большого гарнизона принял решение об обороне. Они ещё не знали, что два дня назад в город тайно прибыли два легата. Они спешили приехать раньше Лация и его людей, но именно эта спешка и затянувшийся дождь сыграли с ними злую шутку.

– Караульных не вижу, – процедил сквозь зубы Варгонт. – Ну что стали? – крикнул он на остановившихся товарищей. – Смотрите по сторонам, не спите. Давай, живее вперёд!

Всё объяснилось, когда они, наконец, добрались до городских стен и прокричали часовым свои имена. Их сразу пропустили. По дороге в лагерь стражники рассказали, что городские ворота закрыли накануне, так как в городе кого-то убили. Сам пехотинец ничего точно сообщить не мог, он слышал только, что на постоялом дворе нашли двух римлян, но не мог сказать, где находился этот постоялый двор и кто были эти римляне.

– Комендант вчера ночью собрал всех купцов и менял. Посадил у себя. Они там говорили и спорили. Думают, как поймать убийц, – закончил свой короткий рассказ караульный.

Они подъехали к дому коменданта и спешились. Эта улица была единственная с каменным покрытием. Остальные все представляли собой утоптанную до твёрдого состояния землю. Сейчас, после дождя, повсюду лежали доски и брёвна, по которым бегали торговцы и женщины с корзинами. В воздухе стоял запах помоев и гнили, но всё же в каждом городе был ещё свой оттенок, который отличал его от других. В Фермене это был запах мокрого камня и плесени. Почти все большие дома в городе были сложены из плоских камней различной формы, которых в округе было более чем достаточно. И на всех стенах были видны мох и плесень. После дождя эти пятна увеличивались в размерах, чернели и становились скользкими, как грязь на дороге, и лишь дома богатых купцов или важных граждан города регулярно очищались от этой напасти многочисленными рабами.

Комендант Марк Валерий Клавдий оказался ветераном Лукулла. Ему было около пятидесяти, но он отлично выглядел и следил за дисциплиной своего гарнизона со всей строгостью, которая только была возможна в этом торговом городе.

– А-а, вы из Лукки? – без приветствия, недовольно буркнул он, как будто они там отдыхали и пили сладкое вино. Комендант вёл себя так, как будто они знали друг друга давно, но он не очень ценил это знакомство. Это было свойственно опытным воинам, оставшимся на службе после больших походов и видевшим разницу между мирной и военной жизнью. – Никого там не заметили? – он кивнул в сторону городских ворот. Лаций и Варгонт покачали головами.

– Нет. Мы должны были приехать вчера вечером, но попали под дождь и переждали в лесу, – сказал Лаций.

– Эти двое тоже попали под дождь. Даже просохнуть не успели. Только вопросов тут больше, чем ответов, – с досадой бросил комендант.

– Нам сказали, что на постоялом дворе были убиты два римских гражданина. Это так? – спросил Лаций.

– Да, – коротко ответил ветеран. – Это так же верно, как то, что меня зовут Марк Клавдий. А вас?

Лаций представился. Потом снова спросил:

– Кто убит? Имена известны?

– Имён пока не знаю, но они точно не отсюда. Одеты странно. Может, вы поможете? Пошли, заодно и посмотрите. С собой у них ничего не было, кроме оружия. Но оно дорогое. Одеты, как простые всадники, в простых туниках. Непонятно… И почему не заехали ко мне, не представились? Значит, прятались? – он недовольно махнул рукой и кивнул в сторону выхода. – Ладно, идём! Посмотрите сами.

До постоялого двора было недалеко. По дороге им встретились несколько патрулей, которые обходили дома горожан и осматривали склады. Лаций чувствовал напряжение во всём: в осторожных взглядах редких горожан, которые с испугом и любопытством выглядывали в щели приоткрытых окон и дверей; в нервных движениях коменданта; в необычно большом количестве солдат на улицах, которые уже давно стали частью городского населения; в тишине на базарной площади и даже в том, как одинокая собака, выглянув из-под забора, попятилась обратно, чтобы, исчезнув, с той стороны разразиться нервным испуганным лаем.

– Сначала думали, что это специально кого-то подослали, ну… чтобы за нами следить, – с досадой бросил комендант Марк Клавдий, – но потом… – он не успел закончить, потому что за забором постоялого двора послышались громкие крики, забегали люди, что-то разбилось, и он сразу рванулся вперёд. Лаций с легионерами поспешили за ним.

– Держи крепче, давай ремень! – закричал кто-то в дальнем углу. Несколько человек, среди которых были видны туники легионеров, подняли целое облако пыли, и со стороны это было очень похоже на драку. Наверное, то же самое пришло в голову и коменданту, поэтому он громко крикнул:

– Стой! Именем Рима прекратите! – он держал в руках короткий меч, вытянув его в сторону пыльного облака, и там, услышав его голос, остановились. Движение в пыли замерло, и из облака вынырнул высокий, худой человек, с выпученными глазами и широко открытым ртом. Он тяжело дышал и держался за бок. Одежда на нём была вся в пыли, одного рукава на рубашке не было. Судя по всему, рукав только что оторвали. Худая, жилистая рука ещё не успела покрыться пылью и торчала из ткани на плече, как будто принадлежала другому человеку. Большой, мясистый язык то и дело вываливался изо рта, он хватал воздух, как рыба на берегу, и никак не мог восстановить дыхание, показывая голой рукой в сторону стены. Тем временем пыль понемногу осела, и позади него стали видны грязные фигуры остальных участников странного события. Это были два легионера и ещё два местных жителя в длинных, по колено, рубахах, скорей всего постояльцы. Внизу, на земле, прямо у их ног, сидел маленький комок грязи, который они пытались связать кожаными ремнями. Когда его подняли, оказалось, что это был подросток. Он дёрнулся, но, обессилев, повис на руках легионеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.